

Моему отцу,
избравшему Францию,
потому что была она родиной
Прав человека.

Робер БАДЭНТЕР
СВОБОДНЫЕ и РАВНЫЕ
эмансипация евреев
во времена французской Революции
(1789-1791)

М.: Рудомино. 1997

издано при поддержке посольства Франции
в рамках программы «Пушкин»

Robert Badinter. «Libres et égaux...». P.: Fayard. 1989

Перевод с франц. Н.В.Гарской

Перевод и редактирование оставляют сильно желать лучшего,
поэтому будьте внимательны

и к терминам, и к именам собственным.

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta*, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Предисловие

Глава I. Таковы, какими они были...

Евреи Бордо

Евреи Байонны

Евреи папы [правильно – «папские евреи»]

Евреи Эльзаса

Евреи Трех епархий

Евреи Лотарингии

Динамизм евреев

«Самый отвратительный народ на земле»

Ангиюдаизм

Глава II. Рассвет

«Просветители» из Берлина

Австрийский пример

Конкурс в Метце

Аббат Грегуар

Комиссия Мальзерб

Глава III. Выборы в Генеральные штаты

Избирательные ассамблеи и евреи

Наказы Третьего сословия и евреи

Глава IV. Жаркое лето

Жестокости, проявленная против евреев

Действующие политические силы

Напряжение в Эльзасе

Глава V. Протестанты, палачи, актеры

и евреи

Начало дебатов

Столкновение

Приходится ждать

Глава VI. Каждый за себя

Делегация представителей Бордо в Париже

Евреи Востока

Победа бордосцев

Глава VII. Долгое ожидание

В Парижской коммуне

Чтобы убедить общественное мнение

Высиды против евреев

Увертки Ассамблеи

Глава VIII. В последний момент...

Почему?

«Пришли евреи, из года в год
унижаемые, в Тулузе их вешали
между двумя псами, пришли
скромно спросить: *люди ли они*».

МИШЛЕ

История Французской Революции,

Книга III, глава 2.

Предисловие

Некоторые книги рождаются в результате медленно зреющего замысла, другие являются плодом почти случая — встречи. Сказать по правде ничто не предрасполагало меня к тому, чтобы заняться историей эмансипации евреев во время Революции, пока однажды, следуя шаг за шагом за Кондорсе¹, я не натолкнулся на делегацию Парижских евреев, ведомую мэтром Годаром, — они шли просить в январе 1790 г. Парижскую Коммуну поддержать их дело перед Национальной Ассамблеей. И так, во времена Революции, были дискуссии, было сопротивление и политические бои по вопросу гражданства евреев. Я собирался продолжить мои изыскания, но моя жена призвала меня к выполнению моего долга. Кондорсе, а не эмансипация должен был меня занимать в ту пору. И так, я вернулся к моему герою, обещав себе однажды возвратиться к евреям.

И обещание я сдержал. Вот первое открытие, сделанное мной: событие это, столь весомое в истории Франции и Европы, весьма мало значило в дни Революции. За тридцать один месяц существования с мая 1789 г. до сентября 1791 г. Учредительное Собрание посвятило судьбе евреев меньше чем сорок восемь часов дебатов. Из 1315 делегатов, заседавших в Собрании, максимум тридцать человек приняли участие в дискуссии и менее десятка сыграли в ней существенную роль. Понятно почему классики истории вовсе не упоминают об эмансипации евреев или лишь походя ее касаются. Она никогда не занимала значительного места в дни Революции.

Тем не менее, если пристальнее проанализировать, то события эти предстанут полными значимости. Так как эмансипация в канун Революции была достигнута для евреев юго-запада, и в частности для тех, кто жил в Бордо, то для всех остальных она была сомнительной. Бесспорно, положение об их изгнании уже не могло действовать в королевстве после указа о веротерпимости, утвержденного в 1787 г. в пользу некаатоликов. Сдвиг в положении евреев к концу старого режима был неизбежен. Но

абсолютное равенство в правах с католиками — подданными его величества Христианнейшего короля было недостижимо, по крайней мере для еврейской массы Восточной части Франции, где они оставались чужими, со своими законами, обычаями и языком, чужими для населения, которое по отношению к ним пребывало враждебным. Как напишет (в 1789 г.) самый красноречивый их глашатай Бер Исаак Берр: «Мы не простирали наших видов столь далеко, чтобы просить абсолютной свободы». Итак, соображениями политического характера диктовалась непрерывная отсрочка в решении проблемы эмансипации евреев, или в крайнем случае, ее хотели осуществить исходя из постепенной их ассимиляции. Но этот столь осторожный демарш был несовместим с правами человека, которые Учредительное Собрание только что провозгласило. Отказав евреям в праве быть гражданами, как все прочие, при тех же условиях, что и для других, значило не признать их людьми наравне с другими и отречься от самой Революции. Итак, эмансипация евреев, в конечном счете, предстает как блистательная победа идеологии над прагматизмом и силы принципов над силою вещей.

Сегодня, как кажется, некоторые относятся подозрительно к эмансипации. Они в ней видят не столько стремление дать евреям права, в которых им всегда и везде отказывали в Европе, сколько попытку решить «еврейский вопрос» путем уничтожения их как нации, разрушив их общинные учреждения и собственные законы, короче, уничтожив их еврейское тождество. Они не столько видят в аббате Грегуаре неутомимого борца за права человека, сколько католического священника, лелеющего проект массового обращения евреев, имеющий целью полную их ассимиляцию с христианским обществом. А знаменитая речь Клермон-Тоннера: «Надо отказать евреям во всем, как нации и предоставить им все как гражданам», — представляется им не столько признаком свободы, сколько угрозой разрушения культуры.

Признаюсь, что не разделяю таких взглядов. То, что история евреев в Европе, отмеченная вот уже два века антисемитской яростью и геноцидом, не шла счастливым курсом, как надеялись поборники эмансипации, не уменьшает признательности, которую я к ним питаю как человек и как еврей.

Вероятно, поборники эмансипации рассматривали с антипатией и подозрением неколебимую привязанность евреев к своим законам и обычаям — к иудаизму. Они в этом видели форму того фанатизма, который ненавидели, и ограничение суверенитета народа. Но, при этой негативной реакции, они имели смелость вменить в вину преследованиям христиан, а не природе евреев недостатки, в которых их упрекали: страсть к деньгам, ростовщичество, обскурантизм.

То, что революционеры включили евреев в свой объединительный проект, является делом совершенно закономерным. Нельзя провозглашать понятие «История Человечества», чтобы оно одновременно было и универсальным и абстрактным, и при этом желать сохранить для евреев специфику «еврейской нации». Когда Клермон-Тоннер нетерпим в отношении этой

нации, он это делает для того, чтобы родилась французская нация — единая и неделимая. Когда Грегуар набрасывается на идиш — это происходит потому, что он видит лишь один язык, а другие, как баскский или бретонский, кажутся ему препятствием в унификации культуры Республики.

Тем самым, правда, приверженцы эмансипации, даже если они и друзья евреев, кажутся объективными врагами иудаизма, когда это не смешивают с еврейской религией. Это не враждебность к еврейскому народу вдохновляла их, но вера в будущее человечества, когда все люди станут братьями, равными и свободными. И это человечество, чтобы ему родиться, должно было сначала освободиться от старых бесов, от расслоений и конфликтов: религия против религии, сообщества против сообществ и в данном случае христиане против иудеев. Революционный проект эмансипации заключался в том, чтобы еврей исчез в человеке, совсем как провинции должны были раствориться в нации, а в еще более дальней перспективе — в человечестве. И этому проекту, избалованному жестокой историей, кто может бросить упрек в отсутствии великодушия и братских чувств?

Ибо в эмансипации человеческая значимость часто игнорировалась. Такое положение сложилось в результате униженности, особенностей быта и нищеты, которую испытывала большая часть евреев во Франции к концу старого режима. Конечно, в Бордо были евреи и процветающие, и уважаемые; там и сям во всем этом большом королевстве существовали островки мирного иудаизма. Некоторые евреи знали судьбу исключительную, таковыми были: Сер-Берр — могущественный поставщик королевской армии восточной части Франции или Абраам Градис — «король евреев» в Бордо. Но эти блистательные исключения не могли заставить забыть массу несчастных и презираемых на востоке или тех, кто ютился по дорогам Франции.

Итак, именно во имя этих людей, в конце концов, и сражались поборники эмансипации. Политически эти борцы ничего не выигрывали. Напротив, они вызвали на себя страсти традиционного антииудаизма, обвинения в том, что они продались евреям и предпочитают народ, распявший Христа, — церкви Христовой. Сами евреи не смели надеяться ни на поддержку, ни на немедленное признание. Провозглашение полного гражданства евреям 27 сентября 1791 г. было поистине революционной мерой, ибо деятели революции сообразовали практику с убеждениями и заставили торжествовать свои идеалы — права человека — над предубеждениями и политической осторожностью. Они также открыли новую эру для всех евреев Европы, ибо нигде на континенте, даже в Англии и Голландии, где с ними хорошо обращались, даже в Австрии, где Иосиф II принял для их защиты важные меры, даже в Пруссии, где сверкал просвещенный иудаизм берлинцев, евреи не были признаны законом как граждане, равные в правах наравне с другими. Евреи были освобождены революцией, наконец, от многовекового рабства, от законного изгнания, им вернули человеческое достоинство.

Защитники эмансипации не предвидели, что национализм, порожденный Французской Революцией, породит современный антисемитизм в противовес традиционному антииудаизму, но никто их в этом упрекнуть не может. Было бы крайне несправедливым рассматривать аббата Грегуара взглядом современного еврея выжившего или сына жертвы. Только как к таковым, какими они были в ту эпоху, эти поборники эмансипации, и надо к ним относиться и их оценивать. Это в разгар революционных волнений, когда столько других интересов, бесконечно более настоятельных, завладевали вниманием, и следует поместить во всей сложности политическую борьбу за эмансипацию евреев. И даже, если век спустя разразилось дело Дрейфуса, а еще спустя пятьдесят лет самое кошмарное испытание, которое когда-либо выпадало евреям, все равно останется то, что это во Франции — а не где-то в Европе — во времена Французской Революции, а не при старом режиме, верховная ассамблея объявила евреев «свободными и равными».

И мне кажется не лишним напомнить об этом два века спустя.

1. Кондорсе Маркиз де Карита, математик, философ, экономист, политический деятель. Арестован как жирондист. Отравился (Прим. переводчика)

Таковы, какими они были...

28-го января 1789 г. во всех приходах Франции читались Королевские Грамоты, объявляющие о созыве Генеральных Штатов: «Его Величество объявляет правила выборов и желает, чтобы самые отдаленные пределы его королевства смогли довести до его сведения свои пожелания и требования»

Эффект был огромным. Впервые, за последние сто семьдесят лет, король спрашивал свой народ и приглашал нацию, до сей поры молчаливую, высказаться — притом каждого подданного — будь то самый смиренный из всех; пускай спросит он себя: каковы условия его жизни. «Революционный дух, тот, что волновал горожан, — писал Токвиль, — устремился тут же по тысячам каналов к сельскому населению и пронизал его основательно»¹.

Даже те, кто держался вдалеке, в городах, даже жители удаленных деревень, самых изолированных, Эльзаса — евреи — не могли игнорировать то волнение, которое овладело умами и сердцами.

В истории они чаще знали жестокие перипетии, чем счастливые сдвиги. Надежда в них никогда не была свободной от тревоги. Но в эту пору, так же как и все жители королевства, евреи, или, по крайней мере, самые из них здравые или предприимчивые, спрашивали себя: что же станет с «еврейской нацией» во Франции?²

Сколько их, этих евреев? Если верить им — 50 000³; ну уж бесспорно⁴ тысяч сорок. В королевстве, которое насчитывает двадцать пять миллионов жителей, один еврей на 500 подданных, это очень немного по сравнению с другими европейскими странами, такими как Австрия или Польша⁵.

Кроме того, они обосновались лишь в нескольких регионах: на

юго-западе в Бордо и районе Байонны; на Востоке в Эльзасе, Лотарингии и в трех епархиях: Метц, Тул и Верден. Несколько сот евреев жило в Париже. В некоторых провинциальных городах — Тулузе, Марселе, Монпелье проживало несколько семей — их там терпели. В Авиньоне и графстве Венессан их существование зависело не от короля, а от суверенитета папы; и наконец, несколько тысяч были скучены в гетто в «каменоломнях». Вот и все укоренение евреев во Франции накануне Революции. Королевство, если его рассматривать во всей широте и разнообразии провинций, представит таким образом, кроме востока, почти свободным от евреев.

Стиснутая в нескольких городах или вернее, в нескольких кварталах, рассеянная в нескольких сотнях деревень, «еврейская нация» вовсе не была единой. Крайние различия отмечают условия жизни евреев во Франции. Плод истории тяжкой, порою жестокой — их жизненный статут колеблется в зависимости от провинций, городов, власти сеньора. На самом деле они образуют не нацию, а сообщества (общины) с многочисленными режимами⁶. Для них линией раздела служит в основном деление на сефардов юга и ашкенази востока.

1. Токвилль, *L'Ancien Régime et la Révolution*, Gallimard, 1953, т II, с 125

2. Термин «нация» обычно употребляется для обозначения общности или некой популяции. Так Мирабо говорит о еврейской нации, как о нации провансальской. И евреи употребляют это слово, чтобы обозначить свою общность.

3. Ср. «Ответ евреев Лотарингии на приветственный адрес, представленный в Национальное Собрание общины города Страсбурга», 24 июля 1789, с 2 (*et pétitions des Juifs, 1789 — 1794 // La Révolution française et l'émancipation des Juifs*, t V, Edms, Paris, 1968) Ср. «*Nouvelles Adresses des Juifs a l'Assemblée nationale*», 24 décembre 1789, p 3 (*Adresses, mémoires*, op cit)

4. Cf Robert Ancher: «Их было от 20 000 до 25 000 в Верхнем и Нижнем Эльзасе 1500 в округе Метца, 4 000 в Лотарингии, 2300 в Бордо, от 1000 до 1200 в Сант-Эспри Напротив Байонны. Кроме того 2500 евреев жили в Авиньоне и графстве Венессан. Всего во Франции насчитывалось примерно 40 000 евреев». In *Napoleon en les Juifs*, P U F, 1928, pp. 1-2. Следует добавить 500 евреев примерно, живущих в Париже и тех, кто растеклись по Франции и не принадлежали к организованным общинам.

5. Из всей еврейской популяции насчитывается примерно 2 млн человек в Европе, и на долю Польши приходится приблизительно половина, а на Австрийскую империю — 270 000.

6. Эта разнородность не была чем-то особенным в королевстве, которое Тюрго описывал еще в 1775 г., как «общество, составленное из разных орденов, плохо сплоченных и из народа, их члены имеют между собой весьма мало общественных связей». Cf. «*Mémoires sur les municipalités*», *Oeuvres de Turgot*, t. IV, p 576 Cf Patrick Girard, *La Révolution française et les Juifs*, R. Laffont, Paris, 1989, chapitre I,

Самой процветающей еврейской общиной, лучше всех интегрированной с обществом при старом режиме, бесспорно являлась община Бордо.

Основание этой общины восходит к XVI в. В 1492 г. Фердинанд и Изабелла приказали выслать всех евреев из Испанского королевства, за исключением тех, кто обратился в католическую веру. Многие перешли в Португалию, где король Мануэль предпочел окрестить их силой, нежели выпустить из страны. К середине XVI века официально евреев на полуострове уже не было. Но среди обращенных, многие тайно исповедовали иудейскую веру. Под именем маранов их преследовала Инквизиция: Бордо им представлялось убежищем¹.

Поселение в городе этих «новых португальских христиан» — так называли маранов, казалось королевским властям фактором обогащения. Так что Генрих II королевской грамотой 1550 г. предоставил им полную свободу передвижения, свободу торговли, право приобретать и владеть любым имуществом, вплоть до недвижимого². Парижский парламент без звука заверил королевские грамоты. Между тем 17 марта 1574 г. по просьбе «португальских торговцев» вынесено было постановление запрещающее «всем жителям, каково бы ни было их положение, притеснять новых христиан, а так же заставлять их покидать город»³.

На протяжении полутора веков «новые христиане» продолжали вести себя как мараны. Их крестили, женили, хоронили, следуя католическому обряду. Но тайно они исповедовали иудейскую веру. Мало-помалу правда вышла на свет и со второй половины XVII в. их уже рассматривали как евреев. Религиозная нетерпимость Людовика XIV возрастала и повлекла за собой в 1684 г., накануне отмены Нантского эдикта, высылку 94 еврейских семей, из числа самых бедных⁴. Но новыми королевскими грамотами 1723 г. Людовик XV подтвердил привилегии «португальских торговцев». Отныне они официально признаны как евреи. Их свадьбы уже не совершались в церкви, а детей перестали крестить. Была организована сильная община «Седака», прежде всего для того, чтобы заниматься бедняками и следить за исполнением религиозных обрядов. Это стало органом, регулирующим жизнь общины. Каждый еврей должен был вносить вклад в «Седаку». Если он не вносил его, то бывал исключен из общины. Старшины, избранные из числа самых богатых семей, выбирали своего администратора — синдика и назначали раввина⁵.

Вот так крепко организованная еврейская община Бордо процветала в течение всего XVIII века. Сначала она насчитывала 500

человек, в 1713 г. — 1598, по переписи 1751 г.⁶; 2300 в 1788 г.⁷. Некоторые еврейские семьи играли видную роль⁸ в морской торговле города. Семья Градис обеспечивала снабжение Квебека во время Семилетней войны. После своей смерти ее глава Абраам Градис оставил значительное состояние, одно только недвижимое имущество оценивалось в 10 миллионов ливров. Он пользовался доверием министров⁹ и принцы крови присутствовали на его похоронах. Другие еврейские купцы были связаны напрямую с сефардами, обосновавшимися в больших торговых пунктах Европы: Амстердаме, Лондоне, и скопили значительные состояния, таковыми являлись семья Раба, владельцы «Шанталы Бордо»¹⁰, Антуан Франсиз — банкир и морской страховщик, Иосиф и Яков Лопес-Диас — биржевые маклеры¹¹. В Париже их представителем был Яков Родригес Перейре, он прочно вошел в правящие круги. Гордые своими успехами, еврейские богачи Бордо — в частности, Перейре, Луис Франсия, Давид Градис с блеском участвовали в интеллектуальной жизни города¹².

К тому же для «еврейской португальской нации Бордо»¹³ было делом чести держаться так, чтобы ее не смешивали ни с какой иной. Их манера поведения, чувствительность, по сравнению с другими, была истинно аристократической. Самым ярким свидетельством тому служил небольшой литературный опус, его издавал в Голландии «португальский» еврей Исаак де Пинто по просьбе Перейре, с тем чтобы ответить на яростные нападки Вольтера против евреев. Для Пинто «португальский еврей из Бордо» и «немецкий еврей из Меца» представлялись существами абсолютно различными¹⁴. Описание, которое дает он евреям из Бордо, это обнаруживает: «Они не носят бороды, ничем не подчеркивают своеобразие в одежде: самые зажиточные из них стремятся к элегантности и блеску, столь же свойственным им, как и другим нациям Европы. Итак, они отличаются лишь религиозными обрядами»¹⁵. Подчеркивая волю «португальских» евреев держаться на расстоянии от ашкенази, Пинто добавляет: «Разрыв с другими их братьями настолько силен, что даже в случае, если португальский еврей женится в Голландии или Англии на немецкой еврейке, он тут же утрачивает свои преимущества... он будет полностью отделен от тела нации»¹⁶. Старейшины, осуществляющие власть в общине Бордо, без колебаний и при помощи королевской власти изгоняли из города «немецких» евреев и бедных евреев из Авиньона¹⁷. Правда, надо сказать, они несли на себе главные тяготы общины.

В любом случае их коммерческая энергия была на уровне их гордости и процветания. На Антильских островах, где черный кодекс 1685 г. запрещал обосновываться евреям, они, вопреки сопротивлению и встреченным препятствиям, осели¹⁸. В 1776 г.

«португальцы» попросили у Людовика XVI, чтобы он подтвердил в точных и ясных выражениях привилегии для привилегированных колоний Бордо, которые были им предоставлены во времена Генриха II В 1782 г. маршал де Кастрис — министр морского флота наконец разрешает заверить в Сан-Доминго королевские грамоты 1776 г., пожалованные «португальцам». Конечно же, кое-какие ограничения еще давят на них: если кто-нибудь не получает права буржуазного сословия, то не может получить доступ к торговой палате и они не включены в корпорации и деятельность муниципалитета¹⁹. Но в канун Революции еврейская португальская нация Бордо сверкает несравненным блеском среди других еврейских общин Франции. И поэтому она испытывает законную гордость, которая выражается в презрении, проявляемом к остальным.

1. В 1472, дабы способствовать развитию морской торговли, Людовик XII предоставил иностранцам, обосновавшимся в Бордо, право свободной торговли и лишил другие государства права наследовать имущество иностранцев, умерших во Франции.
2. Cf. Pierre Pluchon, *Nègres et Juifs au XVIIIe siècle*, Tallandier, 1984, pp. 48-49.
3. Генрих III вновь утвердил, при восшествии на престол в 1574 г. королевские грамоты Генриха II, которые, наконец, зарегистрированы парламентом Бордо 18 апреля 1580. С тех пор, вплоть до самой Революции, эти грамоты постоянно обновлялись всеми королями. Охранные грамоты от 11 ноября 1574, представленные Генрихом III, изобличают враждебность бордосских торговцев по отношению к «португальцам». «Недоброжелатели и завистники сказанной торговли («португальцев») многократно пытались им мешать, приписывая им лживо и клеветнически многие преступления, дабы вынудить их покинуть город и страну». in Th. Malvezin, *Histoire des Juifs de Bordeaux*, Bordeaux, 1875, pp. 110-111. Cf. aussi Frances Malino, *Les Juifs sépharades de Bordeaux, assimilation et émancipation dans la France révolutionnaire et impériale*, traduit de l'anglais par J. Cavignac, Les Cahiers de l'I.A.E.S., n.5, 1984, chapitre I.
4. 21 февраля 1722 указом Королевского Совета приказано было произвести детальную инвентаризацию имущества евреев, обосновавшихся в Бордо и Оше, наложить на него арест и передать королю. Интендант Бордо мсье де Курсин взял под свою защиту «португальских торговцев», подчеркнув, что их деятельность необходима для процветания города Cf. *Histoire des Juifs en France, publiée sous la direction de Bernard Blumenkranz, Toulouse, Privat, 1972, p. 233.*
5. *Histoire des Juifs en France, op.cit., c.c. 23-24.*
6. Cf. J. Cavignac, *Dictionnaire du judaïsme bordelais aux XVIIIe et XIXe siècles, Arch. dep. de la Gironde*, Bordeaux, 1987, p. 4. По переписи числятся 2063 еврея.
7. Согласно письму Давида Гратиса от 8 апреля 1788. Его цитирует Т. Мальвезен, *op.cit., c. 266.*
8. Ср. письма Пюдефера, секретаря интенданта Гиени Буше в 1734: «Пять или шесть из этих семей торгуют оружием и продуктами питания с Амери-

- кой, некоторые другие — банкиры. Торговля их весьма значительная» (Ф.Малино, *op.cit.*, с. 47). В 1771 Бордо осуществляет около 40% внешней французской торговли. О семье Градис: «одна из самых знаменитых, если не самая знаменитая израильская семья в Бордо». cf. Jean Cavignac *Dictionnaire du judaïsme bordelais aux XVIIIe et XIXe siècles*, Archives départementales de la Gironde, Bordeaux, 1987, pp. 52 a 57.
9. Ср. письмо герцога Шуазеля от 13 апреля 1762 г.: «Хочу сообщить вам, дорогой Градис, кое-что об одной поставке, ибо это лежит у меня на сердце. (J. de Maupassant, *Abraham Gradis et l'approvisionnement des colonies*, Bordeaux, 1909, p. 37.
 10. *Histoire des Juifs en France*, *op.cit.*, с. 249.
 11. Ср.: Жан Кавиньяк. Личный налог в Бордо на 1744 г., 25% евреев платили более 100 ливров налога, тогда как среди христиан 16% платили чуть больше 50 ливров. Что касается подати на имущество, еврейская община платила самую большую контрибуцию среди всех контрибуций зафиксированных общин. Cf. Frances Malino, *op. cit.*, pp. 35 et 36. Cependant, la richesse à l'intérieur de la communauté était fort inégalement répartie. Sur 330 chefs de famille juifs, 158 seulement étaient soumis à l'impôt personnel, la capitation
 12. Cf. Malino, *op. cit.*, p. 54. Перейре — учитель глухонемых и крупный коллекционер книг и гравюр — принят был в 1774 г. в Академию Искусств Бордо, лишь шесть лет спустя после ее основания. Cf. Barrière, *L'Académie de Bordeaux*, Bordeaux, 1951.
 13. Таково принятое наименование. Cf. «*Lettre adressée à l'abbé Gregoire par les députés de la nation juive portugaise de Bordeaux, 14 aout 1789*», in *Adresses, mémoires.*, *op. cit.*, t.V).
 14. Isaac Pinto, *Réflexions critiques sur le premier chapitre du VIIe tome des oeuvres de Monsieur de Voltaire, au sujet des Juifs*, cite par P. Pluchon, *Negres et Juifs au XVIIIe siècle, le racisme au siècle des Lumières*, Tallandier, Paris, 1984, *op. cit.*, p. 61.
 15. Там же, с. 61.
 16. Там же.
 17. Изгнание бездомных евреев из Бордо в 1730 ;35 семей «германских и итальянских» в 1744 ; 152 еврея, из которых лишь 6 «португальцев», в 1761 герцогом Ришелье по просьбе «синдиков нации» in *Histoire des Juifs en France*, *op. cit.*, p. 245.
 18. В частности, семья Градис получила 21 августа 1779 Королевские Грамоты, позволяющие заниматься коммерцией и владеть землями во всех французских колониях. Cf. Henry Léon, *Histoire des Juifs de Bayonne*, 1893, Laffitte Reprints, Marseille, 1976, p. 153. Cf. également P. Pluchon, p. 111.
 19. Малино *op.cit.*, с. 44.

Евреи Байонны

Другая «португальская еврейская нация» обосновалась южнее. В январе 1597 г. парламент Бордо приказал, чтобы «португальцы», кои не смогли доказать свое пребывание в городе в течение десяти

лет, покинули бы его¹. И тогда вновь прибывшие направлялись в Пейреорад, Бидаш, Лабастид-Клеранс. Завидуя, опасаясь конкуренции, городские корпорации при посредничестве мэра и эшевеннов (городских старшин) добились от короля удаления «новых христиан». Вот почему те и расселились в Бург-Сан-Эспри, на правом берегу Адура, возле Байонны, где и проявили себя в торговле.

Численность их быстро возрастала. К середине XVIII века насчитывалось 3500 португальцев в Бург-Сант-Эспри². Общинная организация Ля Невера была создана по модели «Седаки» (Бордо): в канун Революции община должна была более двенадцати тысяч ливров, поскольку к обычным тяготам добавился груз тяжелых налогов³. Кроме того, местные власти препятствовали любому расширению активности евреев. С 1692 по 1761 г. пять королевских указов (ордонансов) были приняты против них. В 1762 г. эшевены хотели исключить их из торговли шоколадом, торговли, весьма процветающей в Байонне, которую они сделали своей специальностью. Евреи протестовали, извлекли Королевский указ 1763 г. Они просили, чтобы за ними признали «право на владение розничной торговлей», как это делается в Бордо⁴. Их адвокат заявил: «Они королевские подданные, они французы, они также граждане Байонны, такие же, какими являются жители окрестности Бордо и Шартрона»⁵. Противники евреев ссылались на опасность, которая возникнет, если допустить расширение их активности в Байонне: вскоре «рядом с нашей церковью мы увидим синагогу, и наши дети будут развращены примером и общением с евреями, испорченность которых предельно высока⁶...» Не последовало ни единого королевского решения о том, чтобы изменить условия существования евреев в Бург-Сант-Эспри.

Накануне Революции эта община предстает уже не столь блистательной, как «португальцы» Бордо. Конечно, насчитывалось несколько богатых семей, таких как: Нунэс, Кастро, Мендес-Франс⁷. Но их сияние несравнимо с их единоверцами на берегах Жиронды. Прежде всего община сама значительно меньше, в ней насчитывается не больше 2500 жителей в 1785 г., а в Пейреораде и Лабастид-Клерансе нашли приют всего лишь несколько еврейских семей.

1. Это решение парламента Бордо было, на самом деле, вызвано старейшинами еврейской общины, испуганными притоком новых «португальцев», которые неизбежно приумножили бы тяготы. Cf. H. Léon, *op. cit.*, p. 19.
2. Expilly, *Dictionnaire géographique, historique et politique des Gaules, et de la France*, 1769, t. I, p. 301; cf. *Histoire des Juifs en France*, *op. cit.*, p. 249.
3. Согласно Анри Леону, «евреи составляли в эту эпоху одну 28-ю часть населения (Байонны и ее окрестностей), а по отношению к цифре всех общественных обложений, они платили треть», *op.cit.*, с. 151.

отъезду должников. В царствование Людовика XVI евреи стали маклерами торговали шелками, драгоценностями в Алесе, Юзесе, Пон-Сан-Эспри Бокеэре. В 1789 пятьдесят евреев из Карпантраса обосновались в Монпелье. В Ниме примерно сорок семейств. В 1779 и 1780 несколько еврейских семей получили право проживания в Марселе, 36 евреев из Карпантраса Эксе и девять в Арле в 1789, cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., pp 211-212.

8. Cf. Patrick Girard, *Pour le meilleur et pour le pire, vingt siecles d'histoire juivee France*, ed. Bibliophane, 1986, pp 205-206

9. H.J. de Dranoux, op cit, c 209.

Евреи Эльзаса

Очень далеко от евреев сефардов, «португальцев» или авиньонцев, масса евреев ашкенази — «немцев» жила в провинциях Эльзаса, Лотарингии и в районе Меца, Туля и Вердена. Это был черный континент Иудаизма старого режима, архипелаг еврейства, давно укоренившегося в Меце, или населенный недавними иммигрантами, прибывшими из Германии или центральной Европы, и подчиненный исконной политике гонения и унижения. В стороне от враждебного и презирающего их мира, «немецкие» евреи ведут жалкую жизнь, освещенную лишь живой верой с жесткими обрядами и теплом семейной жизни.

Эльзас 1789 г. насчитывает у себя самое большое из всех провинций Франции число евреев¹. По контрасту с сефардами Юго-Запада, эти «немецкие» евреи не городские жители. Они распределились по ста восьмидесяти семи сельским общинам. С эпохи средневековья города поистине враждебны к любому поселению евреев, т.к. торговые корпорации опасаются их конкуренции. А в Нижнем Эльзасе, напротив сеньоры охотно их принимают при определенных условиях, поскольку это им обеспечивает заслуживающие внимания средства. В Верхнем Эльзасе евреи вносили королю защитный налог в размере десяти с половиной флоринов в год².

Со времен Людовика XIV королевская власть следит за тем, чтобы соблюдались все обязанности, тяготевшие над ними. Тогда запрещалось им пребывать в Страсбурге, они имели право лишь днем входить в город, заплатив при этом специальную подушную транзитную пошлину в размере трех ливров, так называемое «право раздвоенного копыта», что уподобляло их нечистым животным. К тому же их должен был сопровождать городской слуга «Gelert», которому следовало заплатить еще четыре су³. На закате солнца евреев призывал покинуть город отвратительный звук рога, который

доносился с высоты собора. Каждый раз, с наступлением ночи, раздавался этот скорбный звук и вызывал ужас в душах тех, кто был к нему непривычен⁴. В 1784 г. транзитная пошлина была упразднена Людовиком XVI⁵, но рог продолжал звучать в Страсбурге еще и в 1790 г.

Повсюду в Эльзасе сеть запретов опутывала евреев. Они были исключены из корпораций искусств и ремесел. Они не могли приобретать жилые дома, обрабатывать землю, использовать сельскохозяйственных рабочих. Им была доступна деятельность второстепенная: торговля вразнос, торговля ветошью и случайными поддержанными товарами. Некоторые, более предприимчивые, торговали скотом и лошадьми⁶. И еще оставалось ростовщичество — давали деньги под залог — это очень широко практиковалось в деревнях, и чаще всего страдали от этого бедные крестьяне. Некоторое время, в одной провинции, где не существовало ломбардов и существовал на это религиозный запрет, евреи вынуждены были заниматься ростовщичеством, чтобы выплачивать налоги, которые давили на них⁷, и таким образом обеспечивать выживание своих семей и своих единоверцев из числа самых бедных. Но торговля деньгами обрекала их на неприязнь, а порою и на ненависть со стороны окружавшего их христианского населения.

В 1778 г. в этой и так напряженной обстановке, разразилось дело о фальшивых квитанциях. Крестьяне, чтобы освободиться от долгов, которые они не могли выплатить, сфабриковали, по совету прохвостов, фальшивые квитанции, освобождаящие их от платы. Дело это вызвало большие волнения. После тщательного расследования⁸ Верховный совет Кольмара приговорил фальсификаторов к суровым наказаниям. Но крестьяне, те, что сфальсифицировали квитанции, получили длительную отсрочку по выплате еврейским ростовщикам. Байи Лансэра — Жан Франсуа Гелль, его подозревали в том, что он был инициатором этого дела, объявил, что «фальшивые квитанции были преступлением вынужденным, дабы спасти крестьян от хищности евреев»⁹.

Живя в стороне от христиан, евреи отличались также своими нравами и обычаями¹⁰. Свою исключительность они подтверждали верностью традициям. Мужчины в длинных черных сюртуках с длинной бородой и в папильотках, женщины — в париках. Все едят исключительно кошерную пищу, говорят на иудейско-эльзасском наречии — особая форма идиш, пишут древнееврейскими буквами, что делает их документы недоступными для трети населения, огромное большинство среди них ведет нищенское существование: «Еврейская нация, вообще говоря, живет очень плохо», — писал байи¹¹ из Мольсхейма. Многие среди них довольствуются куском хлеба в день, иногда несколькими яблоками, грушами или другими

плодами в зависимости от сезона¹². Признано, что десять процентов евреев живет за счет благотворительности своих единоверцев.

Со дна этого океана нищеты тем не менее всплывают в виде исключения несколько необычайных судеб. Такова судьба Сер-Берра¹³ — он сыграет важную роль в борьбе за эмансипацию. Рожденный в 1726 г. в Сарре, в населенном пункте близ Лотарингии, Сер-Берр был сыном зажиточного коммерсанта. В 1756 г., в начале Семилетней войны герцог Шуазель поручил ему снабжение нескольких полков. Искусный, упорный, деятельный Сер-Берр заслуживает доверие министра и вскоре становится крупным поставщиком королевских армий. Пользуясь протекцией двора, он получает в 1771 г. право жительства в Страсбурге, где под чужим именем, мсье де ла Туша, приобретает большой особняк. В 1775 г. Людовик XV жалует ему гражданство. Уверенный в своих правах, Сер-Берр добавляет к особняку два жилых дома и размещает там свою многочисленную семью и всех «домочадцев», состоявших из тридцати шести слуг. Магистрат Страсбурга (исполнительный совет города) в ярости возбудил против него процесс за нарушение запрета селиться в городе евреям. В канун Революции процесс все еще длился.

Предприятия Сер-Берра по зерну и фуражу раскинулись по всей Восточной Франции, вплоть до Бургундии. Сыновья и зятья, а помимо них еще человек 60, были заняты в его деле. В 1768 г. он покупает поместье Тублен возле Нанси с правами феодала¹⁴. Будучи весьма набожным, он пристально следил за делами общины, где и становится главным синдиком. В течение всего царствования Людовика XVI он боролся за то, чтобы улучшить положение евреев Эльзаса, он дошел до того, что выкупил подушную транзитную пошлину — это была тяжелая повинность — на право входа в Страсбург. Таким образом он предстает как предок будущих выдающихся личностей XIX в., которые, заодно со своими делами, вели дела общины, это были люди обладавшие верой, деньгами, честолюбием, люди традиций, жадные к наживе и великодушные — все это в них было тесно перемешано.

Перед лицом лихорадки антииудаизма — она поднялась в связи с делом о фальшивых квитанциях — Сер-Берр, будучи «главным представителем еврейской нации Эльзаса», посчитал необходимым поставить непосредственно перед королем вопрос о судьбе евреев. Он составил развернутую докладную записку, где изложил положение своих единоверцев¹⁵ в результате налогового давления, социального унижения и экономических ограничений. Сер-Берр предлагал три основных реформы: свобода торговли, право свободного поселения, исключая иностранцев, и официальное признание «общины» как организации. Правительство стало на точку зрения

провинциальных властей. Была создана специальная комиссия. В результате родились два важных текста: первый, внушенный гуманностью, был указ от 17 января 1784 г., он освобождал евреев от подушной транзитной пошлины, в частности для входа в Страсбург; второй относился к разряду политических документов: королевская грамота от 10 июля 1784 г. упорядочивала условия существования евреев Эльзаса до конца старого режима.

Согласно текстам королевской декларации, эти грамоты хотели совместить «интересы евреев нашей Эльзасской провинции с интересами наших подданных»¹⁶. На самом же деле ими руководило одно: положить конец напряженности в Эльзасе, вызванной ростовщиками-евреями. Специальная комиссия наметила два основных пути: предоставить евреям большие возможности и ограничить их число. Итак, королевская власть разжала тиски экономических ограничений, которые давили евреев: отныне они могли арендовать землю, виноградники и леса, но при условии что обрабатывать будут все сами, не прибегая к помощи сельскохозяйственных рабочих и без права стать владельцем. Они могли открывать фабрики, эксплуатировать шахты, заниматься большой и малой торговлей, стать банкирами. В этом постановлении обнаруживалась постоянная забота о том, как бы использовать помощь евреев для стимуляции активности провинций. Однако одновременно были приняты суровые постановления против ростовщичества: всякий заем должен происходить в присутствии двух свидетелей, и запрещено было пользоваться ивритом¹⁷. Сверх того, чтобы воспрепятствовать росту еврейского населения в провинции, евреи, не имеющие определенного места жительства или не получившие прав защиты, должны были покинуть королевство. И, наконец, чтобы вступить в брак, должно было получить королевское разрешение, поддержанное местным интендантом.

Эти королевские ордонансы — грамоты — были плохо восприняты как евреями, так и их противниками. Еврейские общины послали докладную записку в Королевский Совет, протестуя против жестоких ограничений, которыми они изобиловали, и несправедливых условий по сравнению с другими общинами королевства: Меца, Нанси и, главным образом, Бордо¹⁸. Тщетно Сер-Берр предпринимал многократные попытки смягчить грамоты. Министр юстиции Миромениль оставался равнодушным к его увещаниям. Что же касается противников евреев — они не разоружались. В Страсбурге, в августе 1786 г. один королевский комиссар пишет: «Магистрат, равно как и все горожане, рассматривает легальное признание евреев как разрушительный бич для коммерции, индустрии и доброго порядка»¹⁹. Ассамблея провинции Эльзас, объединившись в 1788 г., выразила желание ревизовать все ордонансы.

Посредническая комиссия, которая воспоследовала в 1788 г. и где заседали противники евреев Гелль, Швенд и Реубел²⁰, предложили проект, ужесточивший меры, принятые в 1784 г.: строгое ограничение браков, полное запрещение давать деньги в долг. Вот в подобном антииудаистском напряженном климате происходили в Эльзасе выборы депутатов в Генеральные Штаты и редактирование наказов третьего сословия.

1. После соглашения в Вестфалии 1648, в результате которого провинция перешла под власть Франции, там обосновались всего-навсего 2000 евреев. Век спустя, в 1755 их было 13600. Общее число населения составляло 45000 жителей. Перепись населения 1795 констатирует 3913 семей, или 19077 лиц. Бесспорно их было больше: около 22000 в одной провинции, которая насчитывала тогда 624000 жителей. Таким образом еврейские общины Эльзаса представляли половину евреев королевства и более 3% населения провинции. Cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 166; et M. Libert «*Les Juifs et la convocation des États Généraux*», *Revue des études juives*, t. 63 1912, pp. 185-186.
2. Cf. R. Marx, «*La régénération économique des Juifs d'Alsace à l'époque révolutionnaire et napoléonienne*», in *Les Juifs et la Révolution française*, Toulouse Privat, 1972, p. 106.
3. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 152.
4. «Доклад прочитанный в Обществе друзей Конституции в Страсбурге 27 февраля 1790 по вопросу гражданского положения евреев Эльзаса», с. 26 in *Lettres, mémoires*, op. cit., t. V). Налог за вход, который выплачивали евреи, был значительным, и выгода для города была крупной, поскольку в 1781 насчитывали 20610 входов; cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit. ibid.
5. «Королевский эдикт, по которому следовало освобождение евреев от подушного налога» 17 января 1784 Д.Фейерверкер, Эмансипация евреев Франции во времена Старого Режима, конца второй Империи *L'émancipation des Juifs de France de l'Ancien Régime à la fin du second Empire*, Albin Michel, 1976, p. 34.
6. Cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., pp. 174-175. Cf. Marx, op. cit., p. 106.
7. «Чем может заниматься еврей, обосновавшийся среди нас? Предположим у него есть тысяча экю и он состоятельный; он будет счастлив, если сеньор станет брать с него только сто франков за право быть принятым. Этому сеньору он должен будет выплачивать 36 ливров за право проживания у короля, помимо права защиты в старом владении, подушную подать, двадцатую долю, содержание больших дорог и другие налоги, общине он платит столько раз 2 ливра 10 су, сколько раз он платит 20 су подушную подать...» (Доклад, прочитанный в Обществе друзей Конституции в Страсбурге 27 февраля 1790 по вопросу гражданского положения евреев в Эльзасе, с. 19 // *Lettres, mémoires*, op. cit., t. V).
8. По опросу, осуществленному в 1780 королевским советником Верховного совета Эльзаса, было выяснено, что крестьяне 88 деревень Сэнго задолжали евреям 335000 ливров. Большая часть долга состояла из квитанций досто-

инством меньше чем в 100 ливров. Но эти долги были тяжелым бременем для крестьян, часто бедных. Cf. Sagnac, op. cit., p. 17; *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 116.

9. J.F. Heil, *Observation d'un Alsacien sur l'affaire présente des Juifs d'Alace* (1779). Гелль руководил делом о фальшивых квитанциях с тем, чтобы вредить евреям. Cf. Z. Szajkowski, *Jews and the French Revolutions of 1789, 1830 and 1848*, New York, 1970, p. 202 и дальше Гелль был приговорен к недолгой ссылке 10 июня 1780. Когда он возвратился в Эльзас, его приветствовали, как мученика. Избранный в Ассамблею Эльзаса в 1787, он был вдохновителем разных антисемитских проектов. Став депутатом Генеральных Штатов в 1789, боролся против эмансипации евреев. Монархист, консерватор, был гильотинирован в 1794.
10. Ср. Важную роль раввинов в восточных общинах. Их роль касалась не только духовной жизни, но и мирской. Евреи опираются на собственные законы там, где дело касается их гражданского положения и взаимоотношений с другими евреями. Итак, раввины получили полномочия от короля быть судьями в первой инстанции, они исполняют обязанности нотариуса, составляют акты по инвентаризации.
11. Представители короля и сеньора, исполняющие судебские функции.
12. Cf. G. Weill, op. cit., p. 178.
13. Cf. R. Levylier, Notes et documents concernant la famille Cerf-Berr, recueillis par un de ses membres, Paris, Plon, 1902-1906, 3 vol.
14. Cf. M. Ginsburger, «Les familles Lebmann et Cerf-Berr», *Revue d'études juives*, 59, 1910, p. 106-130. Cf. M. Ginsburger, Cerf-Berr et son époque, Guebwiller, 1908; R. Levylier, Notes et documents concernant la famille de Cerf-Berr, op. cit., p. 13.
15. «Mémoire sur l'état des Juifs en Alsace» в приложении к C.W. Dohm, *De la réforme politique des Juifs*, Stock, 1984, pp. 113-138.
16. R. Anchel, *Les Juifs de France*, Paris, 1945, p. 215.
17. Cf. Weill, op. cit., p. 157.
18. Там же, с. 159.
19. R. Levylier, Notes et documents concernant la famille Cerf-Berr, op. cit., t. I, pp. 5-39.
20. Cf. Anchel, *Les Juifs de France*, op. cit., pp. 226-231.

Евреи Трех Епархий

В трех епархиях: Метце, Туле и Вердене — еврейское население было в основном городским. Жило оно замкнутым в узком гетто. Так повелось с Метца, где еврейская община была самая значительная в королевстве. Ее история была связана с военным характером города. Когда французские войска оккупировали Метц в 1552 г., евреи там жить не могли. Учреждение там большого гарнизона влекло за собой важные проблемы по снабжению и оплате солдат и, тем не менее, кое-кому разрешено было там обосноваться.

В 1567 г. военный губернатор предоставил четырем семьям право обосноваться в Метце на определенных условиях: жить в определенных местах, платить ежегодную арендную плату, давать в долготы с процентами, установленными королевской властью. Так родилась община Метца. Два века спустя ее представители писали Национальную Ассамблею: «Эта община сформирована была из людей, родившихся в городе. Ее члены рождены подданным короля, они потомки семей, обосновавшихся в городе уже веками назад»¹.

Община развивалась очень быстро. Особое положение, которым пользовались в городе евреи, длительное время оказавшиеся под властью военной администрации, повлекло большой приток еврейского населения. «Изгнать евреев из пограничной полосы, — писал генерал-лейтенант² Таллар в 1694 г., — это совершенно разорит торговлю в этой местности». Вопреки протестам местных корпораций и решениям Парламента, рост общины продолжался: 1200 человек в 1666 г. — четыреста восемьдесят семей и более трех тысяч человек в 1718 г. В плоской части местности вокруг Метца — маленькие общины, обосновавшиеся также с разрешения королевских властей.

В это время община Метца являлась моделью для всей еврейской нации королевства: «Евреи Метца пользовались привилегиями преимуществами, которые нигде больше в королевстве не встречались. Они были свободны в отправлении своих религиозных обрядов. У них был свой суд, свои обычаи для урегулирования договоров и основных актов гражданского состояния»³. Выбранные синдики, их отбирали из олигархии поставщиков для армии или банкиров, руководили общиной. Три раввина осуществляли куль и религиозное обучение. Главный раввин Метца обладал большим престижем. Он был избран, и его выбор был утвержден королем. Кстати, община целиком принимала участие во всех церемониях: отмечалось ли рождение, браки или траур в королевской семье⁴.

Но взамен этих «привилегий» еврейская община Метца изнемогала под тяжестью налогов. В 1715 г. регент учредил в пользу двукратных близких ему семей: герцога де Бранказа и графини ля Фонтен право «защиты», наложив на общину налог, заранее обусловленный и утвержденный в 1718 г., в сумме 20 000 ливров в год. Давили и другие налоги: «Они платили 450 ливров главной больнице, куда и никогда не помещали. Платили ежегодно 200 ливров викариусу прихода, 500 ливров судебному округу...»⁵. Сюда надо добавит обычные подношения военному губернатору, местным офицерам судебной администрации и т.д. После того, как они выплачивали эти налоги, община Метца должна была обеспечить свое содержание и помощь беднякам: эти ежегодные расходы достигали, таким

образом, огромной цифры в 150 000 ливров в канун Революции, против 53 000 начала века. К тому же они изнемогали под тяжестью долгов: 40 000 ливров за 1789 г.⁶.

Тщетно синдики и община повышали налоги в зависимости от состояния и облагали налогами сбыт, наследство, приданое. Коммуна не могла уплатить все эти долги. Чтобы избежать новых налогов, она замкнулась. К 1767 г. в общину принимали лишь с согласия синдикатов и королевских властей, и следовало внести 18 000 ливров⁷ за право вступления в общину. Еврейское население сократилось до 410 или 420 семей, около 3000 человек, в то время как город насчитывал на десять тысяч жителей больше, чем в начале века. В финансовом округе Метца после подсчета в 1788 г. оставалось примерно 1500 евреев⁸.

Евреев Метца душили суровые запреты. Корпорации были для них закрыты, профессия ремесленника запрещена. Они не могли владеть ни землей, ни домами вне еврейского квартала⁹. И все-таки некоторые составили себе состояния, снабжая армию, заключая важные торговые продуктовые сделки во времена войн или голода, пользуясь сетью корреспондентов за границей¹⁰. Законы против роскоши и чрезмерных расходов пытались сдерживать роскошь, которой предавались самые богатые семьи в дни свадб и обрезания. Устав 1779 г. обязывал всех глав семей носить черное пальто и маленькие пейсы, доходящие до основания бороды, так что их легко было опознать. Но большинство жило в нищете. Исаак Берр Бинг описывает: «Эти бледные лица, эти бродячие старьевщики... нагруженные всякого рода старым платьем, на которое они возлагают ежедневную надежду на хлеб, но это сопровождается такими оскорблениями и таким презрением, что только страх голода побуждает их от этого не отказываться. Вечером они возвращаются к себе, чтобы зарыться в свои мрачные жилища — истинный образ могилы, — которые они делят со своими семьями»¹¹.

Когда прочитаешь эти строки, написанные в 1787 г., становится понятным, почему Королевская Академия Метца объявила конкурс на тему: «Возможно ли сделать евреев более полезными и более счастливыми во Франции?»

1. «Особая памятная записка для еврейской общины, обосновавшейся в Метце» составлена Исааком Берр Бингом, парламентские архивы, IX, с.446.
2. Cf. Anchel, *Les Juifs de France*, op. cit., p.179; et G.Cahen, *Histoire des Juifs de France*, op. cit., p.83.
3. Декларация главного Совета общины Метца 1791 г., ее цитирует Требу де Морамбер «*Les Juifs de Metz et de Lorraine, 1791-1795*» in *Les Juifs et la Révolution française*, op. cit., p. 90.
4. В царствование Людовика XVI его брат граф Провансальский был принят

- в синагоге и получил благословение главного раввина Леона Ассена (*Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 85).
3. «*Mémoire particulier*», part Isaac Berri Bing, op. cit., p. 446.
 6. A. Cahen, *Les Juifs de Metz, budget de la communauté*, Mémoire de la Société d'archéologie lorraine, 3e série, t.3, 1875, pp.144-149.
 7. G Cahen, op. cit., p.86.
 8. Cf. M. Liber, op. cit // *Revue d'études juives*, LXIII, 1902, p 195
 9. Ср. Е. Гарсоми: «Еврейский квартал был расположен на севере города справа отгорожен от Мозеля укреплением де Гиза. Этот квартал состоял лишь из двух улиц (улица евреев, набережная евреев) и узких улочек грязных, сырых, со старыми обветшалыми домами, перенаселенными, двух старых синагог» (*Метц во времени Революции* Записка национальной академии Метца, CXXXIX-CXI годы, V серия, т. 59, 1957-1959, Metz Editions de Lorraine, 1960, p. 42, Cf. R. Clement, *La condition des Juifs de Metz sous l'Ancien Régime*, Paris, 1903).
 10. Они образовали, по словам одного интенданта «своего рода республику нейтральную нацию среди Штатов» (Аншель, op. cit., с 169).
 11. Письмо месье Исаака Берри Бинга, еврея из Метца, анонимному автору по заголовком: Крик гражданина против евреев. Metz, 1787, с. 51 in *Lettres mémoires.*, op. cit.

«Евреи Лотарингии»

Из Эльзаса и Метца евреи добрались до герцогства Лотарингия. Во время оккупации этого герцогства французскими войсками 1633 по 1661 г., а затем с 1670 по 1683 г., губернатор разрешил многим еврейским семьям проживать в Нанси и Бар де Дюк. Из-за протестов муниципалитета он вынужден был отменить свое разрешение¹. Начиная с 1697 г. в герцогстве, освобожденном Францией, герцог Леопольд нуждался в деньгах и, желая поощрить торговлю в своих штатах, разрешил некоторому числу евреев там обосноваться.

Один из них, Самуил Леви, сын банкира и синдик Метца, сумел осесть в Люневилле. Его восхождение было молниеносным. Он одновременно играл роль банкира, герцога и поставщика двора². В 1715 г., несмотря на сопротивление Палаты Счетов, он был назначен главным сборщиком налогов. В сентябре 1717 г. по случаю еврейских празднеств он устроил в своем особняке роскошный прием «с большой иллюминацией, которая была далеко видна крики гостей, обычное в таких случаях пение — все это было слышно во всей округе...»³. Двор Нанси почел подобную ассамблею «недозволенной и дерзкой» и запретил всем евреям подобное вторение под страхом штрафа⁴. К несчастью

размеры займов, которые Самуил предоставлял, в частности герцогу Леопольду и императору, а также крах одного банка во Франкфурте, ускорили его банкротство. Брошенный в тюрьму вместе с женой Леопольдом — который таким образом избавляется от тягостного кредитора — в 1721 г. Леви был выслан из Лотарингии⁵.

Падение Самуила Леви повлекло за собой принятие суровых мер против его единоверцев. Указ, принятый в августе 1720 г., вновь ввел в действие предшествовавшее постановление против ростовщичества⁶. 12-го апреля 1721 г. Леопольд вынес решение о выселке всех евреев, обосновавшихся после 1680 г. Только семьдесят три семейства, размещенные в двадцати четырех населенных пунктах, получили разрешение там оставаться, и лишь четыре — в Нанси⁷. В 1726 г. евреи вынуждены были перегруппироваться в гетто.

Эти меры недолго смогли устоять перед экономическими интересами. В 1733 г. регентша Елизавета-Шарлотта, вдова Леопольда, довела до 180 число семей, которым разрешено было жить в герцогстве, при условии уплаты общего налога в сумме 10 000 ливров в год. Восшествие на престол Станислава, выказавшего в Польше свою благосклонность к евреям, открыло блестящий период в Лотарингии. Были сняты ограничения, установленные в 1728 г. и в список включили 180 семей и всех потомков мужского пола, проживающих в том же доме... Специальные разрешения были даны богатым торговцам, таким как синдик Исаак Берр, поставщик двора⁸.

После смерти Станислава и объединения Лотарингии с Францией *statu quo* поддерживалось. Таким образом, в 1789 г. Лотарингия насчитывает около 500 еврейских семей, т.е. примерно 400 лиц. В Люневилле проживают 45 семей, в большей своей части не имевших разрешения на проживание там⁹. Город Нанси приютил 97 семей, из которых 50 без разрешения. У евреев там были собственные дома, они держали магазины вне гетто, практиковали продажу шелковых изделий и тканей с витрин. Иные ввели в Нанси торговлю пряностями, торговали серебром, обеспечивали снабжение армии или основывали промышленные предприятия¹⁰. Таким образом, в среде некоторых богатых семей появилась тяга к «приобретению мебели со вкусом, богатой одежды, с тем чтобы наслаждаться жизнью и вкушать ее сладость»¹¹.

Богатые, именитые граждане (нотабли) Гудшо, Берр и Гальфен образовывали олигархию, которая властвовала над Лотарингской общиной, организованной по образу общины Метца. Благодаря их взносам (контрибуциям) финансовая ситуация общины Нанси была спокойной. Но преуспевание одних не могло скрыть бедности

остальных. Многие жили за счет милосердия¹². Разговаривая христианами, воспользовались двойственностью положения — при- идиши и ведя нищенскую жизнь, они в своей бедности достигали званы были туда делами, и их там терпели.

уровня всей массы евреев востока. Все они были жертвой глубокой В XVIII в. режим смягчился. «Немецкие» евреи, в частности антииудаизма населения. Вот так в 1761 г. трое были обвинены те, кто жил в Метце, в свою очередь добрались до Парижа².

колдовстве и повешены, а двух других сослали на галеры. Подобно Мало-помалу жизнь евреев в столице организовалась. Поставлен- ную же меру наказания получил некий блаженный за воровство ные под надзор полиции, они должны были запастись паспортами, завизированными лейтенантом полиции, и проживать в определен- просфоры¹³. А в 1788 г. во время неурожая зерновых разразились бунты против магазинов Сер-Берра, его обвиняли в том, что он- ном квартале: Сен-Дени и Сен-Мартен для «немцев», более много- численных, и Сен-Жермен де Пре — для «португальцев», лучше вросших в среду населения³.

морит голодом народ¹⁴.

1. Cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 84; Pfister, *Histoire de Nancy*, t. III, 1908, pp. 310-328.

2. Cf. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 87.

3. Указ Двора Нанси 17 сентября 1717 г. *Ordonnances de Lorraine*, t. II, pp. 133-134.

4. Там же.

5. Cf. Ginsburger, «Samuel Levy, rabbin et financier», *Revue d'études juives*, 1913, pp. 274-300; *ibid.*, 1913, pp. 111-133, 263-284.

6. Каждому еврею должен был сопутствовать «порядочный человек» — христианин, назначенный мэром или прево, который присутствовал при заключении всех торговых сделок евреев и скреплял акты своей подписью.

7. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 89.

8. *Ibid.*, с.91.

9. Trébout de Morembert, *op. cit.*, p.10.

10. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p.113.

11. Thiery, *Dissertation sur cette question: est-il des moyens de rendre les Juifs plus heureux et plus utiles en France?*, Paris, 1788, p. 64, in *La Révolution française et les Juifs*, Edhis, Paris, 1968, t. I.

12. J.Godechot, «Les professions des Juifs nancéiens au XVIIIe siècle», *Revue juive de Lorraine*, 2, 1926, pp. 136-138.

13. Pfister, *op. cit.*, t.III, p.328.

14. Там же.

Евреи Парижа

Париж приютил очень незначительную часть еврейского населения, примерно 500 человек в 1789 г.¹ Эта ситуация также обязана воле случая. С 1394 г., даты указа об изгнании евреев из Франции, Париж оставался для них официально запретным: без особого разрешения у них не было права на проживание в городе. При Людовике XIV несколько семей, из числа «новых португальских групп предприимчивых людей и если у них даже есть и синагоги⁹, и раввины, тем не менее они не образуют организованной общины

Во главе этих последних Яков Родригес Перейре активно занимается интересами евреев сефардов в Париже. Он издает сборник королевских указов, которыми Генрих II и Людовик XV гарантировали их права. Он противостоит корпорации торговцев, которая требует в 1767 г. высылки всех евреев. В 1776 г. он добивается возобновления королевских грамот у Людовика XVI. В 1780 г. он приобретает землю в Вийетт для первого еврейского кладбища в Париже⁴. Это с ним должен был всякий, желающий получить разрешение на проживание в столице, предстать, снабженный удостоверением от городского синдика, перед главным лейтенантом полиции. Таким образом, он предстает перед полицией как истинный уполномоченный «еврейской португальской нации» в Париже.

Что касается «немцев», там ситуация была не столь блистательной. Нельзя привести ни одного примера, подобного тому, который возможен в Бордо: еврей-щеголь в модном кафе со шпагой на боку⁵. Многочисленные торговцы вразнос, старьевщики, ростовщики, барышники. Некоторым удавалось основать дело мастеров по золоту и серебру или ювелирное дело. Некоторые из них были признаны королем и получили звание парижского мастера галантереи и ювелирного дела. Корпорации на это реагировали своеобразно — их охрана захватывала товары у многих евреев. А в 1777 г. Королевский Совет возобновил бывший запрет на занятие подобной коммерцией евреям в Париже⁶.

Тем не менее, несколько евреев, поставщиков армии и банков, приобрели состояние, а равно и влияние. Таков Лифман Кальмер, он получил грамоту французского подданства и стал владельцем поместья барона, а это дало ему даже без обращения в христианство место заместника епископа в Амьенском соборе⁷; или могущественный Сер-Берр, значительные дела которого удерживали его в Париже возле главных властей и который приобрел для «немецких» евреев кладбище в Монруже⁸.

Если парижские евреи и образуют таким образом маленькие группы предприимчивых людей и если у них даже есть и синагоги⁹, и раввины, тем не менее они не образуют организованной общины

по образу общин Метца или Бордо. Различием в их возникновении в самом деле некоторые даже красуются в общественных местах, даже и их социальном положении они скорее предстают как модели при случае дерутся с агентами лейтенанта полиции⁴, что является воссоздания в миниатюре «еврейской нации» во Франции: мозаикой свидетельством их решительного отказа склоняться перед отжившими из разнообразных групп с очень различным положением, зажатых постановлениями.

1. Cf. L. Kahn, *Les Juifs de Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 1894; *Les Juifs de Paris pendant la Révolution*, Paris, 1899, chapitre Ier.
2. Hildenfinger, *Documents sur les Juifs à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 1913, p. 150.
3. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., p. 251.
4. Hildenfinger, op. cit., p. 150.
5. L. Kahn, *Les Juifs de Paris*, op. cit., p. 53.
6. Aret du Conseil du Roi du 7 février 1777; cf. Sagnac, op. cit., p. 23.
7. *Histoire des Juifs en France*, op. cit., c. 250.
8. Hildenfinger, op. cit., p. 23.
9. У евреев сефардадов для отправления культа имелось помещение на улице Сант-Андре-дэ-Зар. Ашкенази собирались в особняке Шарлю Дор, улице Тюрбиго. Cf. Roger Beng, «Synagogues à Paris», in *Vieilles maisons françaises* № 988, № 124, p. 80.

Динамизм евреев

Экономическое развитие, прогресс в просвещении, возрастающие отношения с христианским миром — все эти факторы породили у евреев, наиболее энергичных и современно мыслящих, волю к тому, чтобы противостоять своему униженному положению. «Португальские» негодянты из Бордо — большого морского города, по большей части живущего за счет торговли с колониями, чувствуют запрет, данный евреям черным кодексом 1685 г., как нетерпимую преграду — им запрещено было селиться на Антильских островах. Вот почему стали они неукоснительно внедряться на Мартинику и главными рабами¹. Также и негодянты графства Венессан, ездившие по дорогам и ярмаркам, а некоторые из них составили себе состояние, не переносили больше того, что их вынуждали в Авиньоне носить желтые шляпы и притом вечерами запирали, как в загоне. Итак, они покидали папские владения и заполняли юг Франции². В Эльзасе Сер-Берр, сильный своим богатством и поддержкой, которую ему оказывали, не колеблясь бросает вызов запретам и муниципальным властям и водворяется со всей семьей и многочисленной челядью в самом центре Страсбурга³. Так же и в Париже, где в принципе им проживать запрещено, а на

Итак, во всей Франции конца старого режима евреи не избежали волнений и протестов против установленного порядка. Подобная позиция проникает и в общины, где традиционные власти порою ставят это под сомнение⁵. «Еврейская нация», в своем удивительном разнообразии, предстает далекой от внутреннего единства в канун Революции, но она, дрожа от нетерпения, через своих наиболее динамичных представителей стремилась добиться радикального изменения своего положения. Но это зависело от нее самой меньше, чем от христианского окружения.

«Самый отвратительный народ на земле»⁷
Вольтер⁸

На самом деле век Просвещения не освободил Францию от традиционного антииудаизма⁶. В 1689 г. мадам де Севинье пишет своей дочери: «Эта ненависть, которую испытывают к ним (евреям) невероятна»⁷. Сто лет спустя Малерб, обращаясь к королю, melancholически констатирует: «Все еще наличествует в сердцах христиан очень сильная ненависть против еврейской нации...»⁸

По поводу этой враждебности существует множество высказываний. Она обрела своеобразную форму, наиболее яркую у Вольтера, который, однако, желает быть чемпионом в вопросах терпимости. На протяжении всей жизни его неприязнь не складывается оружия «против самого отвратительного народа на земле»⁹. В 1745 г. он пишет в *Философском словаре*: «Среди них вы встретите лишь людей невежественных и варварских, которые присоединили к гнусной скаредности самые отвратительные суеверия». Тщетно пытается он добавлять, «что тем не менее сжигать их не следует»¹⁰. В 1773 г. он пишет шевалье де Лиллю: «Эти обрезанные из Израиля самый большой сброд, который когда-либо осквернял лицо земли»¹¹. А Исааку Пинто он отвечает с презрительной иронией: «Я вам скажу с такой же откровенностью: многие люди не могут выносить ни ваших законов, ни ваших книг, ни ваших суеверий. Они говорят, что ваша нация принесла самой себе много зла во все времена, а также и всему человечеству. Если вы философ, каким кажетесь, вы будете думать подобно этим господам, но вы этого не скажете...»¹²

Бессспорно, Монтескье изобличает в своей книге «Весьма смил-

ренный упрек инквизиторам Испании и Португалии»¹³ фанатизм, когда именем Христа бросают евреев в костер, но он не полагает возможным предоставить им права, равные с христианами. Ра- мышляя над тем, как бы «сделать так, чтобы королевство процве- тало, и как восстановить финансы», он предлагает упразднить вс- налоги, учрежденные специально для евреев, «и продать им при- вилегии более широкие на условиях, что сумма, подлежащая оплате, обозначенная в королевском векселе, должна в течение тре- лет дать прибыль в один миллион...»¹⁴. Он настаивает на основании еврейского города в королевстве на границе с Испанией, в месте годном для торговли, таком, как Сен-Жан-де-Люз или Сибур. Евреи прибыли бы туда в большом количестве и в результате принесли бы свои богатства в королевство¹⁵. Анализ одного круп- ного магистрата из Бордо показал, когда он измерил вклад «еврей- ской португальской нации», процветание города; но это подхо- меркантильный, где терпимость по отношению к евреям продана и за крупные суммы.

Монтескье предпринимает тут демарш, типичный для XVII века: «Евреев, — гласит большая Энциклопедия, — сегодня терпят в Франции, Германии, Польше, Голландии, Англии, Риме, Вене- ции при условии, чтобы они платили налог князьям»¹⁶. В статье «Евреи» шевалье де Жокур напоминает: «Голландия и Англия воодушевленные самыми благородными принципами... предоста- вили им всевозможные смягчения под неизменным покровитель- ством правительств», в то время как «им очень плохо приходило- во Франции, откуда их изгнали...» Энциклопедисты видят пользу которую может иметь современное государство в том, чтобы пре- доставить евреям право торговать. Они отвергают чрезмерный фанатизм и изобличают нетерпимость, включая фанатизм и не- терпимость самих евреев. Но терпимость это еще не свобода и еще менее того — равенство.

Демарш Руссо был более сложным. Он описывает евреев ан- тичности согласно образу исконно христианскому, как «самый презренный народ, который когда либо существовал...»¹⁷ Но он изобличает жестокую зависимость, которую испытывают евреи: «Несчастливые чувствуют себя в полном повиновении у нас. Тира- ния, которую проявляют по отношению к ним, делает их робкими им известно, как может обернуться несправедливостью и жестокос- тью христианское милосердие»¹⁸. Руссо воздает должное еврейскому народу диаспоры «рассеянный, разрозненный по земле, порабо- щенный, преследуемый, презираемый всеми, он тем не менее сохранил свои характерные черты, законы, нравы, патриотичес- кую любовь первого социального союза, когда все связи кажутся разорванными. Афины, Спарта, Рим погибли и не оставили ни

емле своих детей. Сион своих не утратил»¹⁹. Редкое похвальное слово, сказанное в то время, когда философы были более склонны рассматривать привязанность евреев к их религиозным обычаям как выражение предрассудков и невежества²⁰. В лучшем случае фило- софы проповедают терпимость, в худшем — они пропитаны тради- ционным антииудаизмом.

1. Cf. P.Pluchon, *op.cit.*, 2e partie, chapitre II, «*Les Juifs de Saint-Domingue*».
2. Cf. *Histoire des Juifs en France, op.cit.*, pp.210-211.
3. Cf. Levylier, *op. cit.*, p.15-16.
4. Léon Kahn, *op. cit.*, c.53.
5. Cf. Patrick Girard, *La Révolution Française et les Juifs*, Robert Laffont, Paris, 1989, p. 47 et suivantes.
6. Cf. Notamment Léon Poliakov, *Histoire de l'antisémitisme*, Calmann-Lévy, Paris, 1981, t.III, «De Voltaire à Wagner», Calmann-Lévy, 1968, pp. 38 à 45 et 88 à 173. Et Chevalier, *L'antisémitisme*, préface de F.Bourricaud, Editions du Cerf, 1988, p.269.
7. Lettre du 26 juin 1689 à Mme de Grignan, La Pléiade, Paris, 1957, t.III, p.456.
8. Pierre Grosclaude, *Malesherbes, témoin et interprète de son temps*, Paris, 1961, p.405.
9. *Dictionnaire philosophique*, статья «Anthropologie».
0. Там же, статья «Juifs».
1. Письмо от 15 декабря 1773, LXVII, с. 252. Ср.: Poliakov, *op.cit.*, p.107.
2. Письмо от 21 июля 1762. Ср.: P.Pluchon, *op.cit.*, p.298.
3. De l'esprit des lois, Livre XXV, chapitre, chapitre XIII «Вы живете в век, когда подлинное просвещение ярче, чем когда бы то ни было, когда философия просветила умы... Итак, если вы не откажетесь от ваших предрассудков, не станете избегать своих страстей — тогда надо признать, что вы неисправимы».
4. Ср.: Poliakov, *op.cit.*, p.100.
5. Там же.
6. Статья «Иудаизм»; ср. Poliakov, *op. cit.*, p.131.
7. Cf. Poliakov, *op. cit.*, p. 121.
8. Emile, Livre IV, in J.-J. Rousseau, *oeuvres complètes*, La Pleiade, 1969, tome. IV, p. 64.
9. Pages inedites de Rousseau, conservees a la bibliotheque de Neuchatel. Cf. Poliakov, *op. cit.*, p. 123.
0. Ср.: Особенно об антииудаизме Гольбаха. Поляков, *op.cit.*, с.138 по 141. Также писатель Луи-Себастьян Мерсий публикует в 1786 научно-фантастический роман «Год 2440 — мечта, которая никогда не осуществится», где он воссоздает картину распространения евреев, их усилия для того, чтобы господствовать в Европе, и необходимые меры для борьбы с ними: все это в выражениях, предвосхищающих современный антисемитизм; cf. Poliakov, *ibid.*, pp. 165-166.

Он питается из двух источников: один — религиозный, другой экономический.

Анафема, брошенная Церковью в веках против народа распрощего Христа, породила враждебность, стойкую недоверчивость королевстве по отношению к группе, которая казалась чужой сверверою, религиозными обрядами и порою языком¹. Открытое явление чувств несовместимости и неприятия по отношению к евреям постоянно. Даже в Бордо, где «португальцы», как кажется составляют одно целое с населением, простонародье ненавидит евреев и чудовищные легенды распространяют на их счет, в частности по поводу кражи детей². В январе 1755 г., вооруженными палками студенты избивали «португальцев» и разбивали окна в домах. В Авиньоне ношение желтой шляпы, а евреи вынуждены это делать, обрекает их на постоянные оскорбления³.

В восточных провинциях враждебность выражена еще ярче. Грязь перенаселенных гетто вызывает презрение и отвращение. Никто не спрашивает себя о причинах подобной нищеты, а вменяет в вину самим евреям их нечистоплотность и избегают их общества. «В среде евреев находится нездорово»⁴, — пишет некий путешественник, отказавшийся присутствовать в Метце на свадьбе в синагоге. В Страсбурге Общество друзей Конституции сожалеет в 1790 г. «о наглых баснях ежедневно рассказываемых детям о евреях, которые ...бросают зерна ненависти в детские сердца, и в результате подобного воспитания они впитывают убеждения, которые разорвать впоследствии невозможно... Предубеждениями против евреев буквально пропитали народ Страсбурга; происхождением его слепой ненависти против евреев в большей своей части он обязан нелепым историям, которые были ему рассказаны в детстве и которые традиция свято хранит»⁵. Брошюрки для детей широко распространялись по деревням торговцами вразнос, и, будь то катехизис или светские сочинения, в них евреи равно описывались в тонах самых мрачных: «неблагодарные, неверные и жестокие».

К страстям, вызванным воображением, добавляются обстоятельства экономического характера. Для торговцев и ремесленников еврей является конкурентом действующим или потенциальным, которого нужно ограничить или устранить. Битва продолжается течение всего XVIII в. против настоячивых усилий евреев разорвать тиски запретов, которые их сжимали. «Евреи скоро завладеют торговлей Франции», — восклицали торговцы города Жиен в 1732 г.⁶. «Мы умоляем остановить развитие этой нации, которая неизбежно приведет в расстройство всю торговлю»⁷, — заявляют депутаты торгового сословия из Монпелье в 1734 г. «Эта еврейск

нация только делает вид, что ползает, это чтобы легче подняться и обогатиться»⁸, — заявляет Торговая палата Тулузы в 1744 г. Коммерсанты из Орийжа обращаются к интенданту короля, чтобы просить право на изгнание еврейских коммерсантов, заявляя, что евреев «постоянно уличают в нечестной торговле»⁹. А в 1765 г. по просьбе торговцев и купцов их адвокат пишет: «Евреев можно сравнить с осами, которые проникают в ульи, чтобы убивать пчел, вскрывать им животы и извлекать мед, который у них в утробе»¹⁰.

Подобные разговоры были расхожей монетой в корпорациях, где меркантилизм сопрягался с антииудаизмом, чтобы сузить круг активности евреев. Поэтому процессы против евреев умножились, а парламенты бдительно следили за соблюдением запретов. Сколько еврейских торговцев из Бордо пытались обосноваться в Ля-Рошели, а им запрещено было заниматься там торговлей¹¹. Сколько «португальцев» отправлялись три, четыре раза в году в Невер по своим делам, а им запретили туда ездить¹². Подобный же запрет был издан против любого поселения в провинции¹³. Парламент Экса запрещает евреям из графства Венессан пытаться счастья в Провансе под страхом кнута¹⁴. В Байонне шоколадная война противопоставляет корпорации Байонны еврейским торговцам из Бург-Сант-Эспри. В Париже, во времена Людовика XVI корпорации торговцев борются за то, чтобы король избавил их от господства еврейских конкурентов — ювелиров, и выигрывают дело¹⁵ в Королевском Совете.

В восточных провинциях ростовщичество питает ненависть к евреям среди населения. Она достигает крайней степени в 1777 г. в связи с делом о фальшивых квитанциях. «Люди с фальшивыми орденовыми лентами вслух объявляли, что настал час уничтожения евреев. Они сзывали народ и назначали день всеобщего избиения евреев 30 сентября, день, когда объединялись в синагогах с тем, чтобы предаваться молитве на протяжении двадцати четырех часов»¹⁶. Благодаря вмешательству войск этот проект Варфоломеевской ночи для евреев был сорван: но то, что подобный призыв к коллективному убийству был брошен в царствование Людовика XVI, показывает силу антиеврейских страстей, которые тогда существовали в Нижнем Эльзасе.

Какова же была позиция власти по отношению к враждебному общественному мнению?¹⁷ Парламент пристально следит за тем, чтобы многочисленные запреты, кои тяготят евреев¹⁸, были соблюдены. Парижский парламент отказывается зарегистрировать указ от 17 января 1784 г., упраздняющий право на дорожную пошлину, которую взымали с каждого, вопреки недвусмысленным письмам короля по этому поводу, под предлогом того, что «этот указ

содержит в себе общественное признание, что евреи имеют право жительства в королевстве»¹⁹. В июне 1788 г. парламенты Бордо и Тулузы еще не зарегистрировали этот указ 1784 г. Также и парламент Метца не соглашается регистрировать указ от 28 ноября 1787 г., признающий за некоторыми некотоликами гражданские права, при условии, что «налоги, те, что касаются подведомственных евреев изменены не будут, а указы, декларации и правила, касающиеся, будут исполняться, как и прежде»²⁰. Уточнение и, вернее добавление весьма знаменательное — оно исключает еврейского Метца из указа, дающего преимущества о веротерпимости!

Парламент Тулузы проявил себя еще более агрессивным в своих требованиях, предъявленных королю 1 апреля 1788 г.: «Установить постоянный и всеобщий закон, дабы враги христианства, самые ожесточенные, такие как: еврей, язычники и магометане не были бы исключены из поля влияния муниципалитета... иначе говоря закон, при котором им нечего будет ждать от Вашего Величества...»²¹

Со стороны королевской администрации и, главным образом со стороны интендантов, хорошо осведомленных в реальных экономических вопросах, позиция должна быть по отношению к евреям чисто прагматической. В ответ на жалобы торговцев Тулузы интендант повелел ответить: «Лучшее, что они могут извлечь из этого — это снабдить свои магазины товарами такого же качества, которое наличествует у евреев, и довольствоваться меньшей прибылью, чем у них». Торговцам из Безье: «Если они жалуются на ущерб, который причиняют им евреи, то виноваты они в этом сами. Они не должны обдирать покупателей и желать при этом иметь значительные прибыли». Тем, кто из Монпелье: «Это небольшая разница в доходах, на которую обрекли себя евреи по отношению к предельной дороговизне цен, назначаемых на ткани местными торговцами... стала причиной публичного недовольства...»²² Также и интендант Лангедока, констатируя, что евреи из Авиньона ввезли из Пуату быков и лошадей, вызвавших ярость корпорации барышников, пишет: «Евреи продали свой скот за пристойные цены, в соответствии с возможностями деревенских жителей...»²³.

И наоборот, в Эльзасе королевский интендант Ля Галезьер знает в враждебном отношении населения к евреям, противится просьбам Сер-Берра о предоставлении им свободной торговли и свободной выбора местожительства²⁴. Ля Галезьер намерен бороться против прироста еврейского населения в провинции. Он предлагает массовое изгнание еврейских иммигрантов — всех новоприбывших. Королевскими грамотами от июля 1784 г. он достигает того, что единое бракосочетание между евреями не может состояться без

разрешения короля при рекомендации интенданта. Несмотря на протесты, вызванные этим положением, оно тем не менее, изменялось королевской администрацией с 1784 по 1789 г., с относительной строгостью. Конечно, евреи, давно обосновавшиеся в Эльзасе, получали без затруднений разрешение на женитьбу; но в нем систематически отказывали новым иммигрантам. Одно постановление, изгоняющее из Эльзаса всех евреев не зарегистрированных, было уже принято 13 декабря 1788 г. И лишь нагрянувшие события не дадут ему осуществиться. Но эти меры, принятые в самый канун Революции, показывают, что в судьбе евреев правительство Людовика XVI пока еще следовало своей старой политике²⁵.

1. Cf. Y.Chevalier, *L'Antisémitisme*, op.cit., pp.268 et suivantes.
2. Cf. Batel et Poussin, *La vie quotidienne à Bordeaux au XVIIIe siècle*, Paris, 1980.
3. P.Pluchon, op.cit., p. 60.
4. Marlin, *Voyages en France et pays circonvoisins depuis 1775 jusqu'en 1807 Paris*, 1817, t.1, p.48.
5. «Доклад, прочитанный в Обществе друзей Конституции в Страсбурге 27 февраля 1790 по вопросу положения евреев в Эльзасе», с.с.26-27, in *La Révolution Française et les juifs*, t.VIII, Edhis, Paris, 1968.
6. Poliakov, op.cit., t.III, p. 39.
7. Там же.
8. *Histoire des Juifs en France*, op.cit., p. 268.
9. P.Pluchon, op.cit., p.80.
10. L.Poliakov, op.cit., p.4.
11. Парижский парламент. Указ от 22 августа 1729 г. (Ph.Sagnac, op.cit., с.7).
12. Указ королевского Совета 13 апреля 1740.
13. Ph.Sagnac, op.cit.,p.9.
14. Там же.
15. Cf. ci-dessus, p. 27
16. Указ Королевского Совета от 7 февраля 1777 г.
17. Письмо одного эльзасца о евреях Эльзаса мсье Реубелу, депутату от этой провинции в Национальной Ассамблее, с.с. 15-16, в (Lettres, mémoires et publications diverses», in *La Révolution Française et les Juifs*, Париж, 1968, t. VIII.
18. В Всеобщем словаре французского языка и латыни тривиально называемом «словарем Трево» 1771-1772 можно прочитать в слове «еврей»: «Обычно говорят: «Предпочитаю попасть в руки евреев» для того, чтобы сказать о людях твердых и безжалостных, о торговце, продающем слишком дорого, или ростовщике говорят: «Это еврей, настоящий, подлинный еврей». Так же говорят и о любом-человеке, проявляющем большую жадность к деньгам...», т.V,с.302.
19. Ср.: Г.Лэнге, адвокат и публицист, комментирующий указ, изданный Парижским парламентом 21 июля 1777 г.: «Привычки, повадки, религия,

- политика — вот в чем причина или по крайней мере инстинкт, оправданный многими причинами, которые вынуждают нас сопрягать со словом «еврей» одновременно презрение и отвращение». Cite par Poliakov, *op.cit.* p. 42.
20. *Archives départementales de la Moselle*, B. 100, man fos. pp. 276-280.
21. Cf. D. Feuerwerker, *op.cit.*, p.44.
22. Там же, ст. 158.
23. L. Poliakov, *op.cit.*, p.39.
24. N. Roulin, «La vie commerciale des Juifs comtadins en Languedoc au XVIIe siècle», *Revue d'études juives*, XXXIV-XXXVII, 1896-1897, p. 98.
25. *Histoire des Juifs en France*, *op.cit.*, pp. 156 et 158.
26. Cf. R. Anchel, «Les lettres patentes du 10 juillet 1784», *Revue d'études juives* 1932, pp. 133-134.

Рассвет

«Просветители» из Берлина

Первый проблеск появился на Востоке. Начиная с XVI в. примерно триста княжеств Священной Римско-Германской империи безапелляционно решили судьбу евреев. Испытывая нужду в деньгах и желая благоприятствовать торговле, князья или муниципалитеты предоставили евреям право проживания и торговли в обмен на высокие налоги. Играя на соперничестве и конфликтах среди многочисленных княжеств, евреи были включены в самую гущу экономической жизни. На больших ярмарках в Лейпциге в конце XVIII в. насчитывали 25% евреев торговцев. Во Франкфурте — главном финансовом месте Германии их было более трех тысяч, скученных в гетто. «Теснота, грязь, суета, неприятное для слуха местное наречие — все это производило впечатление весьма противное¹», — пишет Гете, воскрешая в памяти юношеские годы.

Тем не менее некоторые евреи избежали общей нищеты. Ловкие финансисты, помогая в их нуждах князьям, эти «придворные евреи», играли важную роль в маленьких княжествах и при случае брали на себя политические миссии. Они жили вне гетто, накапливали состояния и приобретали почести, вызывая ревность и ненависть христиан. Они кончали свои дни либо провожаемые всем двором на кладбище в герцогском катафалке, как Александр Давид — банкир герцога Брауншвейгского²; либо повешенными, как Зюсс.

По поводу евреев Фридрих Великий получил от своего отца

Фридриха-Вильгельма простой совет: «Когда вам нужны деньги, явля в XVIII в. Мирабо, описывая влияние его разума и безукоренно облагайте очередным налогом ювелиров на 20 000 или 30 000 оригинального поведения, изрек: «Немцы присвоили ему титул советалеров каждые три-четыре года сверх тех денег, которые они в военном Платона»⁸

Проповедую религиозную терпимость, Мендельсон силою обстоятельств, вынужден был публично поддерживать евреев. Этому Иисуса Христа и вы никогда не должны им доверять, потому что Иудейство, вынужден был публично поддерживать евреев. Этому все евреи мошенники и плуты, будьте в этом совершенно уверены, Лессинг. Чтобы ответить теологу-протестанту Ми-насы³ В той мере, в какой евреи были полезны русской экономике, Лессинг признавал способность евреев постигнуть истину, Лессинг опубликовал волнующее письмо Мендельсона в защиту своих братьев: «Пускай продолжают нас угнетать. выставляйте на посмешище и презрение всего мира, но пускай не пытаются оспаривать наши добродетели, единственное утешение обездоленных душ»⁹. И Мендельсон напоминал о семейных добродетелях, об ужасе перед насильем, о любви к справедливости, страсти к знанию — все то, что вдохновляло евреев на протяжении веков преследований.

И вот отныне начались дебаты. В 1763 г. во время публичной дискуссии Мендельсона против пастора Лаватера. Лаватер требовал от него либо опровергнуть христианство, либо обратиться в веру Христову. Отказываясь дать себя замкнуть в подобной альтернативе или западне, расставленную Лаватером, Мендельсон подтвердил свое желание «говорить в своих письмах лишь об истинах, присущих всем религиям»¹⁰. Одновременно он выражал свои этические требования: «Это отнюдь не через полемику, но совершенствуя добродетели желал бы я суметь опровергнуть презрительное мнение о евреях»¹¹. Соображения и ответные возражения следовали одно за другим, вызывая восторг сторонников Aufklärung. Французский перевод этой дискуссии был опубликован в 1771 г. Отныне Мендельсон предстал перед Европой эпохи Просвещения как борец, рожденный лучше сказать, как воплощение возрождения еврейского народа.

Вот в такой противоречивой атмосфере, с одной стороны — призывов к терпимости, а с другой — презрения, и совершил поворот, настало время борьбы за улучшение судьбы евреев. Драматург Лессинг ставит социальную драму «Еврей», герой которой — добродетельный еврей. Но главным образом философ Мозес Мендельсон, слава которого царил тогда во всей Европе эпохи Просвещения, оказал решающее влияние на просвещенные умы. Мендельсон предстал перед Европой эпохи Просвещения как борец, рожденный лучше сказать, как воплощение возрождения еврейского народа.

Вот в такой противоречивой атмосфере, с одной стороны — призывов к терпимости, а с другой — презрения, и совершил поворот, настало время борьбы за улучшение судьбы евреев. Драматург Лессинг ставит социальную драму «Еврей», герой которой — добродетельный еврей. Но главным образом философ Мозес Мендельсон, слава которого царил тогда во всей Европе эпохи Просвещения, оказал решающее влияние на просвещенные умы. Мендельсон предстал перед Европой эпохи Просвещения как борец, рожденный лучше сказать, как воплощение возрождения еврейского народа.

Вот в такой противоречивой атмосфере, с одной стороны — призывов к терпимости, а с другой — презрения, и совершил поворот, настало время борьбы за улучшение судьбы евреев. Драматург Лессинг ставит социальную драму «Еврей», герой которой — добродетельный еврей. Но главным образом философ Мозес Мендельсон, слава которого царил тогда во всей Европе эпохи Просвещения, оказал решающее влияние на просвещенные умы. Мендельсон предстал перед Европой эпохи Просвещения как борец, рожденный лучше сказать, как воплощение возрождения еврейского народа.

Мирабо Мендельсона, сына бедного школьного учителя; слабый горбун, он приезжает в Берлин в 1742 г. и работает в магазине шелков, чтобы заработать на жизнь. Благодаря одному эрудиту-еврею Израэлю Монзу — берлинскому школьному учителю — пражскому врачу Киршу, Мендельсон познает начала наук и философии. В 1748 г. его связывает дружба с Соломоном Гумперцем — молодым математиком и философом, евреем, который вводит его в кружок молодых интеллектуалов Берлина. Гениальный самоучка он их совершенно очаровал, в частности Лессинга⁷, который адресовал ему свои «Памятные записки о положении евреев в Эльзасе», предназначенные Государственному Королевскому Совету, в которой он умолял короля принять во внимание отвратительные условия существования его единоверцев и помочь им¹³.

В поддержку ходатайства Сер-Берра, Мендельсон полагал, что предпочтительно было бы, чтобы какой-нибудь христианский авто-

ритетский голос поднялся на защиту евреев. Лучше чем открыв философские или религиозные дебаты, в данный момент стоило поставить проблему в политических терминах. Покосилку населения, университеты открыли им двери, чтобы они занимались искусством, медициной. Одновременно и города должны впустить их, к жалуется на поведение евреев, настало время найти возможные пути, которому же подразумевается уничтожить стены гетто²². Свободные, они изменить их образ жизни с тем, чтобы они стали более полезными, могут жить везде, по собственному выбору и свободно соблюдать для штатов, которые их приняли. Итак, Мендельсон обращается к своим религиозным обрядам.

высокому должностному лицу Пруссии, притом молодому — Христиану Вильгельму Доому — известному публицисту и профессору Лишь одно ограничение для евреев Доом считает полезным, по крайней мере временное: доступ к общественной деятельности. Доом хотел доказать, что «состояние угнетения, в котором является остаток преубеждений высокого функционера Фредерика. На примере уроков истории, что результаты остаточных явлений различны. И еще подчеркивает Доом, этот барьер должен действовать лишь на живущих еврей есть всего лишь результат остаточных явлений различных предубеждений в политике и человеческой природе, порожденных более мрачными веками, и недостойно продолжать это в наше время»¹⁴. Основательно оснащенный документами, благодаря Себастьяну Берру, Доом составил настоящую опись условий существования евреев в Европе. Он подчеркивает выгоду, которую извлекает Англия и Голландия от того, что приютили сефардов, изгнанных из Испании и Португалии¹⁵. Во Франции Доом противопоставляет судьбу «некоторых португальцев, которые пользуются значительными привилегиями в Бордо и Байонне» тем евреям из восточных провинций, где «эта нация по-прежнему угнетена и ограничена». В Италии с ними обращаются «с большей мягкостью и политически ким здравым смыслом»¹⁷. В Польше, где считается, проживает самое большое еврейское население в Европе, жалобы против них весьма резкие. Но он вменяет это в вину самой конституции Польши, где наличествуют лишь дворяне и крепостные, так что «торговля полностью отдана евреям»¹⁸. В Норвегии и Швеции некоторые провинции для них запретны. В соответствии с этим Доом прискорбной панорамой Доом заключает: «Эти принципы... нестойки века Просвещения, ибо они характеризуют наш век, и давно надо было бы перестать им следовать»¹⁹.

Итак, Разум и Справедливость говорят о том, что евреи «должны обладать полностью теми же правами, которыми пользуются граждане»²⁰. Все упреки, кои им адресуются — «алчность, ловкость, ростовщичество — все это результат законов ограничительных, которые изматывают»²¹. Итак, пускай дадут им свободу, самую полную, заниматься делами и добывать средства к существованию. Доом желает им стать ремесленниками или заняться сельским хозяйством. Таким образом, благодаря ручному труду они «возрастают» и физически и морально. Как бы предвосхищая и совпадая с мнением академии Метца 1787 г., Доом лишь стремится «сделать евреев более счастливыми и более полезными». Но он собирается замкнуть их на ручном труде. Он хочет, чтобы школы

университеты открыли им двери, чтобы они занимались искусством, медициной. Одновременно и города должны впустить их, к которому же подразумевается уничтожить стены гетто²². Свободные, они могут жить везде, по собственному выбору и свободно соблюдать свои религиозные обряды.

Лишь одно ограничение для евреев Доом считает полезным, по крайней мере временное: доступ к общественной деятельности. Доом хотел доказать, что «состояние угнетения, в котором является остаток преубеждений высокого функционера Фредерика. И еще подчеркивает Доом, этот барьер должен действовать лишь на протяжении времени необходимого для евреев, чтобы овладеть должным образованием и принципами, неотделимыми от этих функций. Что же касается военной службы, Доом опровергает аргумент, согласно которому уважение к субботе запрещает им служить своей стране.

Таково сочинение Доома, приглашающее христиан доказать терпимость и человечность, сочинение определяющее самым основательным и наилучшим образом аргументированную защиту в пользу радикальной политической реформы условий существования евреев. Фредерик Великий остался нечувствительным к призывам своего красноречивого функционера. Но Сер-Берр это понимал и тут же предпринял перевод этого труда на французский язык. Французская версия была вручена Бернулли — математику и члену Берлинской академии наук, другу Мендельсона. 22 марта 1782 г. Мендельсон пишет Доому: «мсье Сер-Берр весьма доволен французским переводом и пишет мне из Парижа, где находится в данный момент, что он весьма оценил стиль и что с трудом можно поверить в то, что перевод сделан немцем»²⁴. Увы, труд был пущен под нож во Франции в апреле 1782 г. из-за того, что предварительно не было получено разрешения цензуры! Уцелели лишь несколько экземпляров. Грегуар и Малерб, в частности, держали в руках этот трактат по вопросу эмансипации. В Берлине, в салонах, где царил дух Aufklärung, сочинение Доома было встречено с энтузиазмом.

В ответ на подобный успех, теолог, протестант Михаэлис «самый опасный враг евреев, искусный ученый, весьма сведущий в законах Моисея»²⁵, принялся опровергать Доома²⁶. Защитникам эмансипации Михаэлис противопоставляет особое упорство евреев, рожденное от их безоговорочной привязанности к законам Моисея. Эти законы изолируют евреев от других наций, предписывая им обряды, особые обязанности, чтобы держать их в стороне от социальной жизни христиан. Вынужденные соблюдать субботу, питаются лишь обрядовой пищей, разговаривая на своем причудливом языке, в ожидании Мессии и возврата в Палестину, евреи всегда останутся посторонними среди всех национальностей. Более

того, согласно Михаэлису, они обречены на ненависть к не евреям и будут всегда врагами христиан. Маленький рост и слабое телосложение, запрет на сражение в субботний день, делает их непригодными для военной службы. Итак, их эмансипация могла стать лишь обманом, несправедливостью даже для христиан, как это дало бы права гражданства людям, кои не выполняли свой долг гражданина. Более того, их чрезмерное размножение благодаря ранним бракам, и их необычайная промышленность вскоре вытеснит повсюду христиан, которые не выдержат конкуренции. Что государство выиграет от подобной эмансипации, кроме того, что раса «испорченная и презираемая» будет бесцельно процветать на ее территории? И Михаэлис утверждает, что тщательный анализ криминальных ведомостей, за несколько веков в Германии, свидетельствует, что еврейские злоумышленники в 25 раз многочисленнее себе подобных христиан!²⁷ Сколько же поколений понадобилось бы, — добавляет он, — чтобы исправить народ, столь испорченный? Он далек от идеи эмансипации евреев и полагает, что нужно сохранить и даже усилить статут изгнания, запретить и всякую общественную деятельность, и даже закрыть им доступ к науке и учебе. Самое большое, что можно им позволить, это обрабатывать неводеланную землю, вынуждая платить невероятные налоги за эту терпимость, проявленную к ним. Современный антисемитизм нашел в этом протестантском теологе своего первого теоретика²⁸.

Нападки Михаэлиса были столь суровыми, а его авторитет ученого столь велик, что Мозес Мендельсон посчитал необходимым, в свою очередь, вступить на поле боя. Таким образом родился его «Иерусалим или иудаизм и власть религии», где он опровергает утверждения Михаэлиса и утверждал свою концепцию государства мирского, открытого всем религиям. Для Мендельсона причина унижения евреев коренится не в их религии, не в их природе, а в несправедливых и жестоких условиях, в которых они оказались погруженными уже вековыми действиями христиан. Он требует признания для евреев всех прав гражданских и политических. Но это равенство может быть достигнуто лишь в государстве полностью мирском, где исчезнут все функции светские и исчезнет судебная власть церкви. Подобное же требование относилось и к евреям. Итак, Мендельсон просит, чтобы исчезли гражданские полномочия раввинского суда. Разум увлек его и он поднял руку и еврейские традиции.

Можно себе представить энтузиазм людей эпохи Просвещения, теперь доктрина Мендельсона, изобличающая одновременно преступления, совершенные христианской нетерпимостью и обскурантизмом, поддержанный нетерпимостью евреев — эта доктрина

открывала светлый путь, по которому евреи, обладая теми же достоинствами и теми же правами, что и христиане, отказываются от любой специфики, кроме религиозной. Таким образом Мендельсон защищал основы доктрины эмансипации-ассимиляции, которая станет вдохновляющей судьбы евреев в Европе.

1. Cf. Poliakov, *op.cit.*, p.31, note 4
2. Там же, *op.cit.*, с. 34
3. In Poliakov, *op.cit.*, p. 30
4. В 1743 г. община насчитывала 1850 членов в 1777 — 4245 индивидуумов — это 5% населения столицы. Население Парижа в этот же период составляло 600 000 жителей, из которых 500 евреев — меньше чем один на тысячу
5. По мнению Мирабо единственными миллионерами в Берлине 1780 г. были евреи.
6. Mirabeau, «Sur Moses mendelssohn, sur la reforme politique des Juifs», p. 2, in *La Revolution francaise et les Juifs*, Edhis, Paris, 1968, t. I.
7. Лессинг был одновременно эрудит, поэт, философ и во всем этом был он примечателен, по-видимому, это был самый универсальный человек этого века» Mirabeau, *op.cit.*, p. 14
8. Mirabeau, *op.cit.*, pp. 2 et 3. Федон выдержал 17 изданий на немецком языке и был переведен на 10 иностранных языков. Cf. Poliakov, *op.cit.*, p. 187.
9. Там же, с. 186.
10. Там же, с. 187.
11. Еврейские письма знаменитого Мендельсона, берлинского философа, Франкфурт и Ля Гей, 1771
12. «Соображения одного эльзасца по данному делу о евреях Эльзаса»; cf. D. Bourel, preface a C.W. Dohm, *De la reforme politique des Juifs*, p 14
13. Сер-Берр, в частности, просил для евреев права свободно селиться по всей провинции, свободно торговать, сохраняя свои общины и юридическую власть раввинов. Благодаря своему положению поставщика армии, будучи хорошо осведомленным о тяжелом положении королевских финансов, он, взамен того что просил, предлагал с признательностью, исполненной почтения к королю и сеньорам, имеющим на то право, установить постоянную и неизменную сумму налога» Бесспорно надеялся он получить для евреев благоприятный статут, который был бы основан не на одном только призыве к разуму и терпимости. Cf. «Mémoires sur l'état des Juifs en Alsace» — cité in C.W. Dohm, *op.cit.*, pp 138 et suivantes
14. Dohm, *op.cit.*, с. 28.
15. «Это в этой республике (Голландии) и в Англии пользовались евреи истинными правами человека и гражданина, где они и проявили себя, как весьма полезные члены государства» У Доома, *op.cit.*, с.60. В 1753 парламент предоставил право гражданства евреям, обосновавшимся в Англии Но из-за общественных возмущений, вызванных этой мерой, парламент отменил это решение со следующего же года.
16. Dohm, *op.cit.*, p 60
17. Там же, с. 61

18. Там же.
19. Там же, с. 99.
20. Там же, с. 77.
21. «Моральная и политическая извращенность евреев, — пишет он, — проистекает из того факта, что они вынуждены были заниматься исключительно коммерцией». Там же, с. 58.
22. Доом изобличает: «Эти еврейские поселения во Франции и других местах влекут за собой неуместности. . . евреи вынуждены надстраивать свои дома непропорционально, жить скученно, откуда всегдашняя грязь и несконная мая вонь, болезни, беспорядок и постоянная опасность пожара». Там же, с. 78
23. Там же, с. 83.
24. *In* D Bourel, préface à l'ouvrage de Dohm, op cit., p.12.
25. Mirabeau, Sur Moses Mendelssohn, sur la réforme politique des Juifs, par l'ordonnance de Mirabeau, op cit., p. 110.
26. Michælis, Orientalische und exegetische Bibliothek, Main, 1782.
27. Cf. Mirabeau, op.cit., p. 112. В своем опровержении Михаэлису Менделссону, исследовав криминальные реестры, констатирует, что воров и скверняков среди немцев старьевщиков в двадцать раз больше, чем среди евреев. Cf. Mirabeau, op.cit., p. 125.
28. Cf. Poliakov, op. cit., pp. 194-195.

Австрийский пример

В момент, когда Доом опубликовал свой труд в Берлине, император Иосиф II, самый активный из «просвещенных деспотов», провел дерзновенную реформу, связанную с условиями жизни евреев в его государстве. Меры, принятые согласно этим эдиктам от 19 октября 1781 г. и 2-го января 1782 г.¹ приобретают тем большее значение, поскольку касаются 260000 лиц размещенных на всей обширной территории наследственных государств австрийской империи, предоставив им доступ во все секторы деятельности. Даже сельское хозяйство было для них открыто, правда лишь в качестве фермеров. Ибо Иосиф, убежденный физиократ, видел в земледелии главный источник богатства, а так же в недвижимой собственности граждан. Евреи же были от этого отстранены.

Одновременно Иосиф II принял еще более существенные меры дабы ускорить ассимиляцию. Это к своего рода культурному обращению понуждал он евреев своего государства. Впредь не только будут они иметь доступ во все школы и университеты империи, но и наряду с религиозными еврейскими школами будут основаны учеб-

ные заведения, где без всякого вреда для их веры, их богослужения, станут образовывать молодежь, следуя принципам так называемой «нормальной школы»². Таким образом, думал он развить интеллектуальное гетто, где иудаизм был бы замкнут и огорожен на протяжении веков. Вена присоединилась к берлинскому Aufklärung. Чтобы ускорить процесс интеграции евреев запрещено было, сроком на два года, пользоваться при написании юридических актов, а равно коммерческих, иным языком, кроме официального языка империи. К этим мерам, связанным с культурой, добавлялись акции человеколюбивые: уничтожалась подушная пошлина, запрещалось носить отличительные знаки на одежде. Но, чтобы не шокировать местных убежденных антиевреев, Иосиф II сохранял numerus clausus, лимитирующий наличие еврейского населения в городах и провинциях. И закрыл евреям доступ к общественной деятельности в армии. Они должны были служить процветанию Австрии; для них еще не настало время разделять власть и славу.

Такой, каким он был с ограничениями и тем, что лишь подражательное указ 1782 г. предстал для евреев Европы, и главным образом для тех, кто жил во Франции, как предверье самое дерзкое, когда-либо осуществленное на континенте в их пользу. Три напечатания французского текста Доома в 1782 г. переводчик Жан Бернуий, приложил текст указа императора³. В 1788 г. этот текст был приведен как пример для Людовика XV евреями Жордо. Сер-Берр использовал его в пользу евреев Восточной части Франции. Таким образом защитники эмансипации во Франции найдут в движении идей Германии и законах Австрии мощную поддержку — культурную и политическую.

¹ Cf. Dohm, op.cit., pp 108-111. Cf. D.Feuerwerker, *L'Emancipation des Juifs en France de l'Ancien Régime à la fin du Second Empire*, Albin Michel, Paris, 1976, p 166

² Молодые евреи должны были направляться в «главные» христианские школы, где бы их формировали для того, чтобы они могли преподавать среди своих единоверцев. Экзамены контролировались бы руководством христианских школ, в руках которых находилась власть для подобного инспектирования. Книги для обучения были одни и те же, что и в прочих школах, исключение составляли книги религиозные. Короче говоря, Иосиф II создал для евреев начальные школы мирские и обязательные. Cf. Dohm, op.cit., p. 198

³ «Этот новый закон, — пишет он, — дает евреям целую серию прав и привилегий, после того, как они, если можно так выразиться, утратили привычку к тому, чтобы с ними обращались как с людьми и гражданами. Я считаю, что императорский указ, который обещал евреям столь прекрасный век, не мог быть приведен в лучшем месте, чем в конце этой работы». *In* Dohm, op. cit., p. 107.

Дебаты в Европе эпохи Просвещения, где циркуляция идей интенсивной, очень скоро достигли Франции. Уже в 1775 процессе, возбужденном двумя торговцами евреями против коррации Тионвиля, их адвокат — Пьер-Луи де-Лякретель¹ воскликнул: «У них есть добродетели так же, как и пороки. Разве не на нас ответственность за то, чтобы выкорчевывать одни и увеличивать другие? Откроем им наши города. Дадим им расселиться в на деревнях... Пускай познают то что означает честь быть истинным французом»². Процесс торговцы проиграла, но дело это, благодаря защитительной речи, которая была напечатана и широко распространена, вызвала интерес, если не благосклонность обществуности.

Осенью 1782 г. прусский барон Анахарсис Клоотз³ затеял историко-теологическую полемику с Куртом Жибелином, выразителем мнения парижских протестантов о судьбе евреев⁴. По примеру Доома, Клоотз поддерживал позицию признания экономической пользы от присутствия евреев во Франции.

И нет ничего удивительного, что отныне, королевское Общество Науки в Метце во время заседания 25 августа 1785 г. объявил конкурс на следующую тему: «Есть ли средство сделать евреев более полезными и более счастливыми во Франции? Победитель становится обладателем «золотой медали достоинством в 400 ливров»⁵.

Таким образом, поставленный вопрос, уже является разоблачающим. В нем уже заключено неявное, но признание того, условия существования евреев во Франции не удовлетворяли требованиям человечности, ни интересами королевства. Пять членов жюри занимали высокие должности в городе Метце. Они знали судьбу еврейской общины и это побуждает их, людей просвещенных, к тому же ответственных, искать средства для устранения данной отвратительной ситуации. Это как раз и была точка зрения Доома, так что конкурс, таким образом, представлял как французский отголосок берлинских дебатов.

Меркюр де Франс горячо приветствовал 11-го февраля 1786 объявление о конкурсе⁷. Девять эссе были направлены в академию Метца. Два из них были вдохновлены традиционным антииудейством⁸. Жюри их отклонило. 25-го августа 1787 г. Редерер⁹ в своем докладе по поводу представленных рукописей выделил две работы: одну адвоката из Нанси — Клода Антуана Тьерри¹⁰, и другую аббата Грегуара, священника из Ембермесниля, близ Люневилля. Бесспорно, заявил Редерер, эти работы обнаруживали «философию здоровую и порою высокую», но, считал он, они не оправдали ожиданий академии. Из-за подобных заключений, королевское

Общество отложило выдачу премий и новый конкурс был назначен на август 1788 г. Кандидаты уже отличившиеся, вновь принялись за работу. К ним присоединились еще трое, один из них Залкинд Гурвиц «польский» еврей — секретарь-переводчик с восточных языков в Парижской королевской библиотеке¹¹. Жюри, оказавшись в затруднительном положении, увенчали премиями три работы: Гурвица, Тьера и аббата Грегуара.

Новый референт, Жан де Пайен — высокое должностное лицо государственной казны — подчеркнул, что «в основании трех работ лежат одни и те же принципы, подтвержденные теми же фактами и выраженные примерно одинаково» и добавил: «Все полученные нами работы, кроме двух, обвиняют наши предрассудки против евреев в том, что они являются первопричиной наших пороков...»¹². Работа Тьера была опубликована в ноябре 1788 г., эссе Грегуара «О возрождении физическом, моральном и политическом евреев» в январе месяце 1789 г.¹³: работа Гурвица — в марте. Все три работы были встречены благосклонными газетными откликами¹⁴. Однако в этот период над всем преобладала тема созыва Генеральных Штатов и общественное мнение волновали лишь политические дебаты. Тем не менее конкурс Метца оказал свое влияние на вопрос эмансипации евреев. Он вызвал во мнении просвещенной части населения рост интереса к условиям их существования. И, главным образом, привел такого человека, как аббат Грегуар к тому, что он смело встал на позицию защиты их эмансипации. Избранный в Генеральные Штаты, он станет там самым пламенным защитником лучше всех осведомленным в деле евреев.

1. 1751-1824. Адвокат и писатель, связанный с энциклопедистами, депутат законодательного Собрания, основатель клуба Фельянов, примкнул к Бонапарту, депутат Законодательного Корпуса.

2. *Plaidoyer*, Bruxelles, 1775, p. 15-17.

3. 1755-1794. Прусский поданный, весьма состоятельный, обосновался в Париже в 1789 г. «Человеколюбивый оратор», депутат Конвента, гильотинирован вместе с эбертистами 25 марта 1794.

4. Ср.: «Письмо о евреях, адресованное одному духовному лицу, моему другу и прочитанное на открытом заседании музея Парижа 21 ноября 1792 г. мсье бароном Клоотзом», Берлин, 1783, Cf. Poliakov, op cit., p. 166.

5. Cf. D. Feuerwerker, op. cit., p. 6.

6. Суд присяжных состоял из двух советников при парламенте Метца: Редерера, который сыграет существенную роль в развязке этой книги и барона де Пугэ; из одного адвоката парламентского Блуэ; одного офицера — графа де Сессака; одного администратора из государственной казны — Жана де Пейена.

7. «Этот новый интересный вопрос, достойный самой мудрой философии и

отношению к ним: «Они предстают перед нами с челом покрытым бесчестием и душою часто иссушенной пороками»⁴.

Но ни малейшего колебания у них не было: «Во всех этих злодеяниях, столь справедливых в адрес евреев следует винить нас, мы их к этому вынуждаем», — пишет Тьери⁵. Также мыслит Грегуар: «Их ростовщичество является непосредственной, неизбежной реакцией на гнет, под которым они томятся. Пределом непедагогичности было бы укрепить их в злодеяниях, которые вынудили совершать...»⁶ Он подчеркивает их добродетели в семейной жизни, уважение, с которым они относятся к родителям, любовь, которую они проявляют к детям. Для него это не решенное: недостатки евреев есть ядовитый плод законов об изгнании и ненависти, которой христиане их изматывали с момента рассеивания⁷. Пускай отменяет эти гнусные законы, пускай разрешат барьеры и зло исчезнет вместе с причиной.

От эмансипации Грегуар ждет ассимиляции. Он презирает Тамбу, этот «обширный резервуар..., почти клоака, где собран весь бред человеческого ума»⁸. Он желает исчезновения идиш, и, впрочем и всех провинциальных диалектов. Он открывает еврейские двери колледжей и университетов. Он проповедует смешанные браки и обращение массы евреев в католичество путем постепенного убеждения⁹. Даже, если он и поддерживает свободу вероисповедания, его пожеланием остается прогрессивное слияние евреев французским сообществом, их присоединение к доминирующей религии. Однако в ожидании реализации этой далекой надежды естественной для католического священника, Грегуар заканчивает свой труд страстным призывом к христианам в пользу евреев: «Творцы их пороков, будьте творцами их добродетелей, оплатите ваши долги, ваши и ваших предков. Евреи — члены «всеобщей семьи, которая должна установить братство всех народов»¹⁰. Удара 1788 г. уже интонация республиканца 1793 г.

напишет 15 сентября 1789 о лауреатах конкурса в Метце: «Они представили столь гнусную картину пороков, в которых их обвиняют, что очевидно будет честнее преувеличить, чем преуменьшить предассудки, царившие в отношении них, особенно для большинства читателей, которые охотно дают ускользнуть причинам, которые их оправдывают, чтобы видеть лишь результаты их осуждающие...» (1788). Делегация евреев Бордо и комиссия Мальзерб (1788) и в Национальной Ассамблее (1790). par Z. Szajkowski, in Zion t. XVIII, pp. 33 et suiv..

5. In Poliakov, op.cit., p. 170.

6. Grégoire, op.cit., p. 56.

7. «Мы с ужасом говорим о Варфоломеевской ночи. Но евреи были в 200 раз чаще жертвами сцен более трагических, и кто же были убийцы?», с.с. 33 и дальше в Эссе, op.cit., p. 31.

8. Essai sur la régénération, op.cit., p. 74 Cf. Rita Hermann-Belo, op.cit., p. 25. Ср.: Монтескье: «Среди этой массы писавших раввинов не было ни одного с малейшим признаком гения» цитирует Ж. Вейль «Текст Монтескье по вопросам иудаизма» Обзор исследований по еврейскому вопросу, 1904, N48, с. 154.

9. «Полная свобода вероисповедания, предоставленная евреям, поможет сделать большой шаг для их преобразования и, осмелюсь сказать, для их обращения. Ибо истина привлекательна лишь когда она исполнена доброты». Essai, op.cit., p. 132.

Ibid, p. 175.

Мирабо и еврейский вопрос

Пока разворачивался конкурс Академии Метца, в полемику, в первую очередь, вступил Мирабо. Он отправился в Берлин в 1785 г., посетил салоны, где собирались приверженцы христиан Aufklärung и завязал дружбу с Доомом. Его мысли, а еще сильнее мысли Мендельсона. Темперамент и жизненный опыт сделали Мирабо чувствительным к несправедливости. Также, он рассчитал тот политический интерес, который может дать реформа в судьбе евреев и преимущества, кои может извлечь из этого в лагере умов просвещенных тот, кто не прочь стать их поборником. Итак, в 1787 г. он, по возвращении из Берлина, публикует труд: «О Мозесе Мендельсоне и о политической реформе евреев» — эссе, написанное на скорую руку и где, главное, он повторяет тезисы Доома и Мендельсона. «Вы хотите, — пишет Мирабо, — чтобы евреи стали лучше, чтобы они стали полезными гражданами? Изгоните из общества всякое унижающее различие в их адрес; откройте им все пути к приобретению и выживанию. Не воспрещайте им доступа к сельскому хозяйству, судожественным ремеслам, механике, поощряйте их, дабы они пристрастились ко всему этому... Поставьте еврейские школы на ту

1. Cf. P. Latrice, «L'abbé Grégoire, Ami de tous les hommes» et «La régénération des Juifs» in Mélanges de science religieuse, XXXVI, n 3, septembre 1979, Librairie Faculté catholique, p. 149.

2. Abbé Grégoire, Essai., op.cit., pp. 57, 58.

3. Ibid., p. 84. Риторика, весьма высокопарная, порою увлекает аббата Грегуара «Обитатели Сэндго, отвечайте, если у вас еще остались силы и не устрашающая картина не представляет ли собой то состояние, в котором вывергли вас некоторые евреи...? У вас остались лишь руки, иссушенные голодом; и, если у вас есть лохмотья, чтобы свидетельствовать о вашей нищете и оросить своими слезами, то ростовщик-еврей не замедлит вырвать их у вас», op.cit., p. 84.

4. Cf. Poliakov, op.cit., p.170. Лопез Дюбек, депутат от евреев Бордо, посланный к Мальзербу в 1788 г., затем в Национальную Ассамблею в 1793 г.

же ногу, что и христианские во всем, что не относится к религии. Одним словом, надо им предоставить все гражданские права в результате этого справедливого основания, очень скоро они займут место в числе самых полезных лиц государства...»¹ Мирабо признавал за ними право на собственное богослужение и право на «Жизнь согласно собственным законам»². Этим он отличается от Мендельсона и присоединяется к настоятельным демаршам самих евреев. Приверженец эмансипации, он признает право на сохранение особых законов нации и законов религиозных. Является ли это реализмом? «Вспомни, — пишет Мирабо мадам де Саиан 8-го июля 1787 г. — что введение Мендельсона рассчитано исключительно на немецкий меридиан»³.

Эссе Мирабо было полезным тем, что знакомило Францию немецкими теоретиками эмансипации, поскольку французская работа Доома не могла быть там распространена. И самым важным было то, что в канун Революции публицист закалки Мирабо поддерживал теорию Эмансипации, утверждая: «Если бы к евреям относились, как к людям и гражданам, они не были бы испорчены, а испорчены они ровно настолько, насколько им отказывали, как в одном, так и в другом»⁴. И заключал: «Это верное средство сделать их лучше и счастливее»⁵. Таким образом Мирабо по-своему ответил на вопрос, поставленный Академией Метца.

1. Mirabeau, *op.cit.*, p. 89.
2. Там же.
3. Cf. F. Dreyfus, «Comment les Juifs sont devenus citoyens français», in *Revue politique et parlementaire*, juil.-sept. 1900, t. XXV, p. 10.
4. Mirabeau, *op.cit.*, p. 57.
5. *Ibid*, p. 81.

Комиссия Мальзерб

Существует логика свободы, динамика терпимости. Век спустя после отмены Нантского Эдикта для монархии уже невозможно было держать протестантов в состоянии бесправия, в которое вверг Людовик XIV. Общественное мнение — враждебное и равнодушное по отношению к евреям — почувствовало ситуацию в которой оказались протестанты, как отвратительный пережиток времени, когда торжествовал фанатизм и нетерпимость. Благодарный по природе, Людовик XVI склонялся к тому, чтобы положить предел ситуации исключительных указов против евреев, изданных

его предком. Мальзерб в двух трудах, опубликованных в 1785 г. и в 1786 г высказал основное положение для радикального преобразования условий их существования — признание за ними гражданских прав

Назначенному правительством государственным министром, Мальзербу в 1787 г было поручено осуществить реформу, основами которой он и заложил 28 ноября 1787 г. был утвержден «Эдикт о правах всех тех, кто не исповедует католическую веру» Протестанты вновь обрели гражданские права. Свадьбы, рождение и смерть можно было удостоверить у судьи по месту жительства. Их семьи теперь стали законными¹. Дух терпимости и свободы принес большую победу. Но распространялась ли она также и на евреев? Читая заголовок, ясно, что текст нацелен без ограничений на всех не католиков. И кажется, что исключить евреев невозможно. Более того, статья 37 эдикта точно определяла: «Этот указ, впрочем, не подразумевает нарушение прежде сделанных уступок.. лютеранам, обосновавшимся в Эльзасе, равно как и всем остальным исповедующим не католическую веру и которым дозволено отправлять свой культ в некоторых провинциях и городах нашего королевства»²..»

Парижский парламент 18 января 1788 г. безоговорочно зарегистрировал эдикт. Большая часть других парламентов в провинциях последовали его примеру, также и Высший Совет Кольмара

Но парламент Метца — Метц являлся местонахождением самой важной еврейской общины во Франции — соглашался зарегистрировать эдикт лишь при условии: «в повинности и во все то, что касается евреев, никаких изменений вводиться не будет»³. А Тулузский парламент сделал суровые упреки Людовику XVI. Итак, положение евреев не изменилось.

Однако, дальше так оставаться не могло, тем более, что антиеврейские волнения в Эльзасе не прекращались. И вот, весной 1788 г. король поручил Мальзербу подготовить, ставшую необходимой реформу о положении евреев⁴.

Все указывало на то, что эту миссию должен выполнить Мальзерб: присущий ему дух терпимости, его работы о статуте протестантов и интерес к истории евреев Мирабо ему вручил вместе со своим эссе 1787 г., работу Доома в своем переводе на французский язык. Мальзерб вел переписку с аббатом Грегуаром по этому поводу⁵. В его библиотеке было более 70 томов о евреях⁶. Он прикрепил к себе в роли особого секретаря адвоката Пьера Луи де Такретеля, того самого, что с таким блеском защитил еврейского торговца из Тионвиля. Наконец, он обеспечил себе поддержку Фредерера — советника в Парламенте Метца — он был докладчик на конкурсе 1787 г.; также поддержке знаменитого юрисконсула, заступавшего протестантов; и Дюпре из Сан-Моора — бывшего ин-

тенданты Гийенны, который связал бы с именитыми гражданами (нонтаблями) еврейской общины в Бордо.

Какова была мысль Мальзерб по поводу евреев в 1788 году? Каков приказ «португальцев» из Бордо был определен точно: переговоры обязали выразить свою точку зрения на Королевском Совете. Мальзерб настаивает на сдержанности, имея целью получить для всех евреев права, по поводу проблем, рожденных в связи с приобретением еврейские эдиктом терпимости не католикам, а так же, и, главным помещичьих земель? могли ли они, в данном качестве, принести образцом, сохранить особое положение их общинам.

Во вступлении Мальзерб формулирует свое мнение о положении евреев в королевстве. Прежде всего он отмечает, что: «положение евреев резко отличается от других не католиков» — т.е. протестантов. Затем он констатирует: «в сердцах большей части христианства — ненависть, очень сильная против всей еврейской нации — ненависть, основанная на преступлении их предков, подкрепленная тем, что евреи во всех странах занимаются коммерцией, а христиане считают, что это их разоряет»⁸. Сожалее подобной враждебности, Мальзерб развертывает политический анализ: «Эта нация всегда оставалась посторонней среди других наций: impetium in impetio. И я думаю, что это их политика оставаться так отделенной от всех граждан страны, где они живут, несмотря на повседневные неприятности, которые от этого проистекают каждого индивидуума. Более того, они стали независимой силой на земле и, возможно, в некоторых случаях, опасной для тех, среди которых они живут, своими связями, существующими между всеми евреями земли»⁹. И Мальзерб заключает: «Я еще недостаточным образом глубоко вник в этот вопрос, чтобы осмелиться сказать, что нация, которая основанная, может стать полезной или же таит в себе опасность»¹⁰. Таким образом для Мальзерб, евреи во Франции, Сан-Моору, представляют население, которое в силу своих особых законов, образ Государство в Государстве — impetium in impetio, — связанное с другими представителями еврейской нации, рассеянной на землях. Подобная ситуация кажется опасной этому человеку эпохи Просвещения, бесспорно терпимому и находящемуся во власти свободы, но мыслящему по образу Тюрго, своего друга — верного слугителя Государства. Из этого анализа Мальзерб извлекает выводы политические.

Первыми, кто заметил работы Мальзерб, были «португальцы» — бесспорно это произошло при посредничестве Дюпре Сан-Моора. Между ним и Моисеем Градисом давно установилась переписка¹¹. Градис 22 марта 1788 г. обратил внимание Дюпре на особые условия «португальцев». 8 апреля он настойчиво подчеркивает в письме глубокие различия между «португальцами» и «немецкими». Обеспокоенные евреи Бордо полагали, что нужно полностью информировать Мальзерб, при том устно изложили ему свое жалобу. 3 апреля они собирают ассамблею и спешно отправляют

двух депутатов в Париж: Лопеса Дюбека¹² и Фюртада старшего¹³. Заказ «португальцев» из Бордо был определен точно: переговоры должны были достигнуть сдержанности, имея целью получить для всех евреев права, по поводу проблем, рожденных в связи с приобретением еврейские эдиктом терпимости не католикам, а так же, и, главным образом, сохранить особое положение их общинам.

Депутаты Бордо, к которым присоединился представитель евреев из Байонны — Фонсека прибыли в Париж 15 апреля. Они были официально приняты Дюпре де Сан-Моором, который им организовал длительные переговоры с Мальзербом. Они ознакомились с проектом замысла: единый статут для всех евреев королевства с представлением им прав гражданства. Евреи будут включены в гильдии; согласно профессии. Они смогут образовывать ассоциации, но лишь на религиозной почве. Традиционная еврейская организация — община, с синдикатами и раввинами, образующая как бы «нацию» в нации, должна исчезнуть. И действительно, как это желать приблизить условия существования евреев к другим подданным короля и при этом сохранить различие между евреями «португальцами» и евреями «немецкими»? Политический замысел Мальзерб был враждебен impetium in impetio это ясно: настало время интегрировать евреев в королевство, отказав им в любом другом отличии, кроме религии. В вопроснике, который вручил Мальзерб «португальским»¹⁴ депутатам, седьмой вопрос ясно выражал его мысль: желательна ли, чтобы евреи пытались основательно слиться с другими гражданами королевства, сохранив у себя лишь важнейшее отличие, которое касается религии и которое уничтожить невозможно»¹⁵. Реакция «португальцев» была жаркой. Они объясняли Дюпре де Сан-Моору, что «желать смешать и сплавить различные корпорации в единую, значит образовать соединение людей чудовищное и бессвязное, в существе своем различающихся нравами, языком, предубеждениями, предрассудками и массой других оттенков, кои их разделяют»¹⁶. Они соглашались с тем, чтобы единый закон определял статут всех евреев. Но главное для них было, чтобы выжили их различные общины, а это позволило бы «еврейской нации» Юго-Запада оставаться живой и автономной.

Со своей стороны, еврей Эльзаса и Лотарингии также не остались инертными. Сер-Берр — синдик евреев Эльзаса и Бер Исаак Берр — синдик евреев Лотарингии написали докладные записки на имя Мальзерб. В частности, Бер Исаак Берр ратовал за программу образования, вдохновившись эдиктом Иосифа II 1781 г. Проповедуя интеграцию путем образования, он выразил пожелание дабы повсюду для евреев были открыты народные школы. Дети бедняков могли бы изучать в мастерских милосердия и «все ремесла, и механику полезную обществу»¹⁷. Поскольку Бер был богатым notableм, его преследовала мысль о праздности нищих евреев и он

предусматривал основание «дисциплинарно-исправительных до для... евреев лодырей». А, заглядывая вперед, писал: «через десот тех, которые уже выразил Сер-Бер в своей «Записке о положении лет ни один еврей не сможет вступить в брак, если предварительное евреев в Эльзасе»²³, адресованные в Королевский Совет: экономическая свобода, фискальное равенство, сохранение общинных не овладевает какого-либо рода коммерцией, искусством или ческая свобода, фискальное равенство, сохранение общинных структур и юрисдикции раввинов²⁴. Итак, евреи хотели эмансипации, но отказывались от интеграции. Этим они вставали в оппозицию к Мальзербу, который стремился улучшить их судьбу, открыть м путь к гражданскому равенству, но озбочен он был тем, как бы сделать так, чтобы «еврейская нация» в королевстве исчезла. В это лето 1788 г. кризис, как политический, так и финансовый, еще усилился. Мальзерб был поглощен редакцией своих «записок о нынешнем положении нации». Фюртадо и Лопес Дебеку было сообщено, что Государственный Королевский Совет отложил рассмотрение вопроса о структуре евреев. 3-го июня Король объявил о своем решении собрать Генеральные Штаты. Судьба евреев отныне станет разыгрываться на другой сцене.

Консультировались также с представителями Парижских еврейских общин Яковом Лазаром и Тренелем¹⁹. Конец апреля. Мальзерб принял депутатов «португальцев» в присутствии Дюпре де Сан-Моора. Б вручен вопросник из тринадцати пунктов, где были изложены аспекты условий существования евреев в Европе и во Франции. Чтобы полностью осветить свою позицию Фюртадо и Лопес Дюбеку адресовали 17 июня 1788 г. весьма аргументированную и документированную докладную записку²⁰. В этой работе им помогал адвокат и историк из Бордо Луис Франсия де Бофлери, который находился в Париже. Этот важный текст очень ясно выражает позицию евреев Юго-Запада в канун Революции: в нем подчеркиваются все особенности, присущие «португальским» евреям, которые везде в Европе, в отличие от «немецких» ассимилируются с нацией («португальский» еврей является англичанином в Англии, французом во Франции, тогда как «немецкий» еврей везде не смеет редко отступается от своих обычаев»²¹; подчеркивается приверженность к собственным структурам каждой общины (будущий закон не должен запрещать любой корпорации или конгрегации его особый режим...»), чтобы защититься от притока бедных евреев и «немцев», бордосцы просят, чтобы ни единый еврей не смел обосновываться во французском городе без благосклонного решения после голосования общинной ассамблеи²². Что касается статута для евреев, Фюртадо и Дюбек желают, чтобы он был как можно ближе к статуту христиан: свободное отправление всех профессий, право для всех евреев владеть землей, домами, получить доступ к колледжам, университеты, торговые палаты и к муниципальным должностям.

Докладная записка, представленная евреями «немцами» не сохранилась. Однако их просьбы 1788 г. не должны были отличаться

1. Malesherbes, *Mémoire sur le mariage des protestants*, 1785; et Second mémoire sur la mariage des portestants, 1786. Cf. D. Feuerwerker, *op. cit.*, pp. 145-155.
2. In D. Feuerwerker, *op. cit.*, pp. 155, 156.
3. Там же, с. 157
4. Эта миссия обычно объясняется бесспорно апокрифическим высказыванием, которое Редерер приписывает Людовико XVI: «Мальзерб, вы себя сделали протестантом, я вас делаю евреем, займитесь-ка ими» Cf. Le Journal de Paris, 5 nivôse an IV; et Patrick Girard, *op. cit.*, 214, проще говоря 18 апреля 1788, Редерер пишет своему отцу: «Король поручил Мсье де Мальзербу заняться положением евреев. Мсье де Мальзерб привлек меня к этому делу для отыскания средств к улучшению жребия этой нации. Я с ним провел в понедельник пять часов подряд. Мы выработали план и некоторые основы для будущих работ...» Oeuvres, Paris, 1853-1859, t. VII, p. 6367
5. Grégoire, *Mémoires*, *op. cit.*, t. I p. 301.
6. D. Feuerwerker, *op. cit.*, p. 159.
7. «Avis de M. de Malesherbes», *Arch. nat.*, Fonds Tocqueville, pièces 41-42.
8. «Avis...», *op. cit.*
9. Ibid., p. 3 (подчеркнуто в рукописи) «Уже во второй записке о бракосочетании у протестантов» Мальзерб писал: «Если во время действия Нантского эдикта протестанты были во Франции impetium in imperio, евреи во всем мире impetium in imperio». И он добавил: И не во власти короля в короткое время разрушить тот ужас, который бесспорно слишком далеко зашел», in G. Malino, *op. cit.*, p. 89.
10. «Avis...», *op. cit.*, p. 3.
11. Cf. D. Feuerwerker, *op. cit.*, pp. 159-161.
12. Саломон Лопес Дюбек (1743-1835) выходец из семьи «португальских» судовладельцев, обосновавшихся в Бордо в XVIII в., богатый негодичант.
13. Фюртадо Абраам, именуемый Фюртадо Старший (1756-1817) негодичант, одна из примечательных фигур бордосского иудаизма. 90 избирателей избрали его от сенешальства Гийенны в 1789, патриот, основал в 1781

- вместе с Верньо и Жансонне «Общество друзей Конституции» в Бордо. Жирондист, был избран в генеральный Совест общины Бордо. Во время террора скрывался, в 1797 назначен администратором муниципалитета Бордо. Член выборной коллегии во времена Империи, председательствовал на Ассамблее еврейских нотаблей «большого синедриона». Против декрета 17 марта 1808 по статусу евреев. Во время Ста дней отказался бы помощником мэра. Награжден Людовиком XVIII, после второй Реставрации стал помощником мэра Бордо. Cf. J. Cavignac, *Dictionnaire du judaïsme bordelais aux XVIIIe et XIXe siècles*, op. cit., pp 46-48
14. Записка, поданная депутатами от еврейского населения Бордо мэру Мальзербу, государственному министру. Вступление и примечания Ж. Кавиньяка, Архивы департамента Жиронды.
15. Malino, op cit., p. 83
16. Cf Malino, op cit., pp 78-79. 8 мая 1788, синдики Бордо писали своим депутатам: «Вы отлично знаете несовместимость обычаев, привычек и стилей жизни других евреев с нашими, чтобы не смочь дать почувствовать это, и должно. Вы сумеете изобразить, как они перегружают религиозные догмы многочисленными нелепыми церемониями, порожденные идеями самонаравнинов и что они, в некотором роде, столь закабалены всякого рода суевериями и бойкотами, что это еще унизило их в наших глазах, даже такой степени, что мы никогда не позволяли себе вступать с ними в борьбу». In Malvezin, *Histoire des Juifs de Bordeaux*, Bordeaux, 1875, p 253. Cf «Lettre du 22 mai 1788 de Lopes Dubec et Furtado l'aîné aux syndics de la communauté de Bordeaux», in Z.Szajkowski, op. cit., с 29
17. Beir Isaac Berr, *Réflexions sur l'enregistrement de l'édit des noncatholiques au Parlement de Metz, 10 mars 1788, et projet pour rendre les Juifs plus utiles et plus heureux en France*, A.N., 154, AP II, 135 Cf M Lemalei, *L'émancipation des Juifs de Lorraine à travers l'oeuvre de Beir Isaac Berr*, *Actes du colloque tenu à Sorbonne les 18-19 novembre 1986*, P.U.F., Sorbonne, p 68
18. Ibid.
19. Cf D Feuerwerker, op. cit., pp 161-162.
20. Записка насчитывала 106 страниц и была разделена на три главы: I) Сравнительная история европейских евреев; II) История обоснования евреев во Франции; III) Взгляды синдиков еврейской нации на варианты конституции, которую евреи хотели бы иметь во Франции. Cf Mémoire remis par les députés juifs de Bordeaux à Monsieur de Malesherbes, ministre d'Etat le 1788, introduction et notes par J.Cavignac, Archives départementales de la Gironde, 1988. Cf F. Malino, op. cit., pp 80 à 89
21. Записка представленная мэру Лопес Дюбексом отцом и мэру Фюрта Старшим, с.с. 17, 18, у Малино, op.cit., с.с 80-81. Ответ «португальцев на вопрос Мальзерб по поводу ростовщичества, представляется значительным: «Их мнения и их нравы («немецких» евреев) отличаются от приняты у евреев португальцев и любой проект объединения невозможно». Cf Ж.Кавиньяк, op.cit. Анекдот, пересказанный Редерером, иллюстрирует громадную разницу между Градисом Бордосским и Сер-Берром Эльзаским. Градис вел жизнь светского человека, Сер-Берр, строго соблюдавший обряды, заповеданные Моисеем, воздерживался от запрещенных блюд, садился за стол с христианами, субботний день проводил в совершенной тишине. Однажды, когда Мальзерб пытался спорить с Сер-Берром об этом поводу (обед с христианами), тот принялся ему доказывать, что
- нравы бордосских евреев распущены и проповедовал учение с красноречием ригориста. Легко себе представить, как он предельно раздражил Мальзерб. Назавтра я зашел к нему и он рассказал мне об этом эпизоде, а я заключил следующими словами: «Король сказал, что он сделал из меня еврея, а Сер-Берр хочет из меня сделать янсениста, я не знаю, кого мне слушать». In Levylier, *Notes et documents concernant la famille Cerf-Berr*, Paris, Plon, 1902-1906, т.1, pp. 28, 29
- 2 Cf. G. Malino, op.cit., pp 86-88.
- 3 Cf Dohm, op.cit., pp. 113-138.
- 4 Ср. В том же ключе анонимную записку восточного еврея, найденную среди личных бумаг Редерера, in D. Feuerwerker, op cit., pp. 187-189.

Выборы в генеральные штаты

Избирательные ассамблеи и евреи

Созыв Генеральных Штатов, приглашение обращенное ко всем подданным королевства участвовать в составлении наказов третьи сословия депутатам Генеральных Штатов невольно ставили вопрос: могли ли евреи участвовать в избирательных ассамблеях? Согласно «Положению о выборах» от 24 января 1789 г., подписанное Видеом — генеральным секретарем Королевского Дома, право выбора было признано за «всеми жителями... рожденными французами или получившими французское гражданство в возрасте 25 лет проживающими и включенными в податные списки налогоплательщиков и обложенных». Никаких упоминаний о религии. Но евреи, обожившиеся во Франции, являются ли они французами?

Несмотря на усложненность текстов определяющих их составление, ответ казался ясным: евреи в королевстве были «regnicoles», иначе говоря подданными короля. Конечно их непрерывно изгоняли, еще в 1394 г. — Карл VI — его эдикт был возобновлен в 1615 г. королевской декларацией. И с той поры они никогда не получили право коллективно проживать во Франции. Но каждая еврейская община обладала правами особого статута. На юге «португальские» евреи могли предъявить королевские грамоты, которыми пользовались они с 1550 г., и которые возобновлялись всеми королями Франции². В трех епископствах, Эльзасе и Лотарингии еврейские общины, основанные в этих восточных провинциях, стали в момент их присоединения к Франции, подданными коро-

В своей защитительной речи 1775 г. по делу еврейских коммерсантов Лакретель утверждал: «Там, где им предоставлено убежище, они уже являются жителями — подданными короля, живут, подчиняясь нашим законам, защищенные ими. Они обещают блюсти верность правительству и платят ему налоги. У них нет никаких особенностей, которые указывали бы на то, что они чужие среди нас»³. Бесспорно, число евреев росло в Восточных провинциях из-за постоянной иммиграции. Но вновь прибывающие вливались в существующие общины и регулярно получали разрешение на пребывание, от местных сеньоров в обмен на соответствующий налог. Королевские грамоты от июля 1784 г., определявшие условия для евреев Эльзаса, недвусмысленно отличали их от иностранцев, подлежащих высылке. И Людовик XVI в январе 1784 г. уничтожил подушную транзитную плату, каравшую евреев, поскольку не хотел, чтобы оставался налог, унижающий хоть «одного из его подданных». Итак, юридически восточные евреи были не больше «немцами», чем юго-западные «португальцами». Эти эпитеты отсылались к происхождению, но не к национальности. Все были подданными короля, но страждущими от особого статута, который из них делал в королевстве подданных с ограниченными правами и ограничивал их способности. Отсюда возникает вопрос: их положение в обществе как французов, влечет ли за собой необходимость сделать из них избирателей?

Евреи утверждали данную благоприятную для них интерпретацию, но натолкнулись на сопротивление более или менее активное, в той степени интеграции внутри местного населения.

На юго-западе евреи участвовали в выборах, но с большими трудностями — брали с бою. 28 февраля 1789 г. губернатор Бордо и мэр города довели до сведения Версаля, что «другие корпорации выражают весьма сильную оппозицию тому, чтобы еврейская корпорация была включена в их число, и желают, чтобы было инультивировано приглашение, посланное еврейской корпорации «португальцев»⁴. Тем не менее евреи Бордо имели «грамоты, дающие права гражданства, которые, кажется, дают им право участия в созыве Генеральных Штатов»⁵. Итак, решено было спорный вопрос отдать на рассмотрение архиепископу Шампиону де Сисей губернатору. Их мнение должно было быть благоприятным, поскольку «португальцы» приняли участие в избирательных ассамблеях. Четверо евреев⁷ были даже назначены среди избирателей, кои должны были обозначать тех, кто станет депутатом Генеральных Штатов. Только четырех голосов не хватило, чтобы был избран Гадис⁸. Если бы он восторжествовал — каков был бы символ! Еврей — депутат Генеральных Штатов, представитель одного из самых богатых городов королевства — это уже воплощенная

эмансипация — живое доказательство того, что евреи — французы юга не были организованы в общины, дающие право прини-
подданные короля, такие же граждане нации, как и все другие. Однако даже без этой победы евреи Бордо могли себя поздравить результатами выборов. 18 апреля 1789 г. один из нотаблей Генеральных Штатов в Версале 1789 г. «португальская еврейская
Дюпре де Сан-Моору, члену комиссии Мальзерб: «Мсье, печать» получила желаемое. Решением правительства короля их
нашему удовлетворению положила статья 25, касающаяся прав евреев «немцев» восточных провинций ход дела был в
созыва Генеральных Штатов, которая делает нас составной частью высшей стелени отличным от «португальцев». В некоторых судеб-
государства⁹. Таким образом «португалыцы» Бордо получили правных округах, в частности в Нижнем Эльзасе местное население
данство даже до открытия Генеральных Штатов. проявило по отношению к ним открытую враждебность. Принять

В районе Байонны, в момент созыва избирательных ассамблей евреев в выборные ассамблеи церковных приходов и городов каза-
евреи из Бур-Сан-Эспри натолкнулись на бурную оппозицию. Там составляли около трети местного населения и их вес в избирательной компании мог способствовать их процветанию. Но почему бы еврейским общинам не выделить
шальстве Тартас местная власть отказала им в праве участвовать в выборах. Они поймали королевского представителя от ассамблеи, которые из-
избирательных ассамблеях. Они поймали королевского представителя воевременность такой постановки вопроса, пишет 23 февраля
теля барона де Лялога на том, что существует ходатайство перед 1789 г. своему другу Исааку Бер Бингу из Метца: «Скажите-ка, мой
этого незаконного устранения, где барон писал 14 марта Хранителя с другими членами вашей нации, чтобы требовать права и
лю Печати — Барантэну¹⁰: «Моя точка зрения, монсеньор, так же преимущества гражданина? Более подходящего времени никогда не
что требования евреев являются законными. Статья 25 устава, было»¹⁶.

кажется, не вызывает никаких сомнений на этот счет; в королевских Тем не менее королевская власть опасается, как бы участие
они ведут образ жизни граждан, пользуются всеми правами граждан евреев в выборах не вызвало волнений. В Этене, возле Вердена, 6
дан... наконец, платят налоги, как все прочие граждане. И марта лейтенант Роллэн запрашивает военного министра мсье де
они заинтересованы в данном вопросе и имеют основание быть Люисежюра¹⁷, осуществляющего власть в провинциях: «У нас здесь
приглашенными...»¹¹.

Хранитель печати принимает делегацию «португальцев» из Байонны с предельно возможным почетом¹² и удовлетворяет их желание. Лишь с одной оговоркой: в синагогах не читать о создании
сообщение уже сделано было в церквях и этого достаточно. А для предотвращения каких-либо инцидентов, принимая во внимание
«сильную врожденную антипатию, которая существует у этой нации к христианам и у христиан к ним»¹³, предусмотрено было, что евреи
соберут особую ассамблею и назначат собственных представителей.

Точно также четыре члена от «еврейской нации Бур-Сан-Эспри» были выделены своими единоверцами для участия в качестве избирателей при выборе депутатов в суд бальи Генеральных Штатов.
22 апреля 1789 г. ассамблея третьего сословия сенешальства Тартаса под председательством барона де Батца — главного сенешаля. Точно так же четыре члена от «еврейской нации Бур-Сан-Эспри» были выделены своими единоверцами для участия в качестве избирателей при выборе депутатов в суд бальи Генеральных Штатов.
крашает число представителей до двух: Давид Сильвейра — депутат от парижских евреев «португальцев» — очень хорошо принятый политический среде столицы, и Лопес Фонсека — он в предыдущем году был выделен и представлял интересы евреев Бург-Сант-Эстивана перед Мальзербом¹⁵.

Если принять во внимание, что евреи Авиньона и граф Венессан подчинены были власти папы, а не короля, что остальные

коренную разницу между евреями «португальцами» и восточными евреями «немцами». «Португальцев» рассматривают как граждан, поскольку они уже являются составной частью христианского населения. «Немцам» же отказано в их гражданских правах, поскольку их не принимают жители провинций. Для королевской власти критерием гражданских прав является уровень ассимиляции. Правительство встает на позицию антитезную по отношению к позиции поборников эмансипации.

Нотабли из числа восточных евреев осознают степень опасности и Сер-Берр немедленно реагирует. После того, как он посвящает в свои намерения синдиков евреев Лотарингии и Трех Епископств, он направляет в правительство бумагу: «Докладная записка по поводу прав еврейской нации — подданных короля, обосновавшихся в округах Метца, Эльзаса и Лотарингии»²², где он напоминает, что главный вопрос для Генеральных Штатов, это получить одобрение для взимания новых налогов. А ведь восточные евреи образуют общины, которые получили свои права от короля и которые платят ему налоги. Итак, они являются такими же подданными короля, как и все другие. Тем не менее, «дабы постараться примирить всех и не слишком задевать предрассудки» — он предлагает компромиссное решение: евреи не будут участвовать в выборах ассамблея вместе с христианами, но они выберут из своего числа одного или нескольких депутатов в Генеральные Штаты, чтобы там представлять. Это был ловкий политический ход: лидеры восточных общин, в частности сам Сер-Берр были уверены, что их выберут. Опытный в делах, имеющий свои ходы в Версале, Сер-Берр считал себя способным заставить услышать свой голос, а силою своего голоса и всех единоверцев своих, и получить признания прав.

Записка остается без ответа. Собрание Генеральных Штатов близили и тогда Сер-Берр решает проникнуть непосредственно к всемогущему Неккеру²³. Этот демарш ему кажется тем более необходимым, поскольку в наказах третьего сословия восточных судебных округов включены требования, чтобы были приняты меры против евреев. Итак, 15 апреля 1789 г., за три недели до открытия Генеральных Штатов, Сер-Берр пишет Неккеру, как главный синдик евреев трех провинций, где предупреждает его против «разных предложений, имеющих тенденции еще крепче затянуть цепи вокруг еврейской нации»²⁴. Он домогается решения от Королевского Совета, разрешающего восточным евреям назначить депутатов, чтобы «обсудить со мной интересы еврейской нации и просить одного или нескольких депутатов защитить их права в Генеральных Штатах, права угнетенной части человечества»²⁵. Таким образом, депутаты христиане будут избраны евреями и станут осуществлять их интересы

в Генеральных Штатах. Аббат Грегуар, кажется, был создан для этой миссии.

Сер-Берр еще воспользовался услугами графа де Пюисегюра и тот пишет Неккеру 21 апреля: «Нет никаких противопоказаний к тому, чтобы евреи были услышаны, и было бы несправедливо не дать им высказаться»²⁶. Комиссия Королевского Совета наблюдающая за выборами в Генеральные Штаты²⁷ также высказалась благосклонно. Хранитель печати Барантен 23 апреля 1789 г. извещает интендантов трех провинций: «Король находит справедливым, чтобы евреи могли представить в общей докладной записке свои жалобы и пожелания по случаю созыва Генеральных Штатов». Итак, интенданты будут следить за тем, чтобы ассамблеи эти были собраны «без шума и иных всяких формальностей, где они должны составить докладные записки, изложив свои наказания, избрать депутатов, которые отправятся в Париж к главному своему синдикату Сер-Берру. Все докладные записки должны быть соединены в одну тетрадь и представлены королю, «который и рассудит — станут ли Генеральные Штаты рассматривать это дело»²⁸.

И вот 15 мая 1789 г., в момент когда Генеральные Штаты собрались в Версале, Неккер непосредственно уведомляет Сер-Берра в Париже о счастливом исходе его хлопот²⁹. В июне собрались еврейские ассамблеи, тетради с наказами были отредактированы³⁰ и избраны были по два депутата от каждой провинции. Среди шести делегатов, которые присоединились к Сер-Берру в начале августа в Париже — три делегата были из числа его семьи. Он действительно заслуживает звание «главного синдика еврейской нации»... Вместе с Бер Исааком Берром из Нанси³¹ — это именно он возглавит политическую битву за эмансипацию евреев Востока³².

Предприятие обещает быть трудным. Теперь уже речь не идет о том, чтобы убедить Мальзерб и членов его комиссии — это все умы просвещенные и терпимые, а о том, чтобы реформировать недостойное положение евреев Востока. Цель более важная и арена политическая более обширная. Это Генеральным Штатам предстоит решить судьбу евреев. А на этой ассамблее их дело встретит решительных противников: депутатов восточных провинций с их наказами третьего сословия, свидетельствующими о глубокой враждебности по отношению к евреям³³.

1. По поводу этого устава cf. A. Brette, *Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789*, Paris, t. I, pp. 76-77.
2. Королевские грамоты подтверждающие привилегии, коими португальские евреи пользовались с 1550 г. Были даны в Версале в июне месяце 1776 г. Париж, типография Деступ, 1781.

3. Цитирует Линьяк «Les Juifs et la convocation des États généraux», *Revue des études juives*, LXIV, 1912, p. 247.
4. In M. Miber, op. cit., p. 252.
5. Ibid..
6. 1735-1810. Архиепископ Бордо, член Национальной Ассамблеи нотаблей в 1787 г., депутат от духовенства в Генеральные Штаты, хранитель печати от 3 августа 1789 г. до 20 ноября 1790 г., отказался присягнуть Конституции от имени духовенства. Эмигрировал в 1791 г., возвратился во Францию в 1812 г., получил чин архиепископа г. Экс и графский титул Империи
7. Речь идет о Фюртадо Старшем, Лопесе Дюбеке — оба в прошлом году срочно были посланы к Мальзербу — Авзезо и о Давиде Градис.
8. Cf. Liber, op.cit., p. 249, et Feuerwerker, op. cit. p.243.
9. Malzevin, op.cit., p. 247.
10. 1738-1819 Президент Высшего Податного суда, член Национальной Ассамблеи, хранитель печати до 16 июля 1789. Эмигрировал. Возвращается во Францию вместе с Людовиком XVIII, который делает его Почетным канцлером.
11. In Liber, op.cit., p. 25.
12. A. Brette, *Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789*, 1789, t. IV, p. 289.
13. In Liber, op.cit., p. 258.
14. Cf. Gérard Nahon, Les «nations» juives portugaises du Sud-Ouest de la France (1684-1791) *Документы, Португальский культурный центр*, Париж, 1981, с. 253.
15. Cf. Feuerwerker, op.cit., p. 246.
16. In Liber, op.cit., p. 265.
17. 1727-1801 Генерал-лейтенант, военный министр с 30 ноября 1788 до 12 июля 1789. Защищал сторонников Тюильри против Федератов 10 августа 1789 г. Эмигрировал, в Париж вернулся при Бонапарте.
18. In Feuerwerker, op. cit., p. 247.
19. In E. Seligmann, *La Justice en France pendant la Révolution*, Paris, 1901, pp 160-161
20. In Liber, op. cit., p. 264.
21. Ibid.
22. D. Feuerwerker, op.cit., pp. 249-250.
23. 1732-1804 Банкир из Женевы. Генеральный директор Финансов с 1777-1781. Отозван 2 августа 1788, чтобы избежать банкротства уволен 11 июля 1789, отозван 29 июля 1789. В отставке с сентября 1790.
24. Cf. Levylier, Notes et documents concernant la famille Cerf-Berr, recueillis par un de ses membres, op. cit., p. 32.
25. Там же.
26. In Liber, op.cit., p. 271.
27. *Archives nationales*, B. II, liasse 7, pièce 6, cité par D. Feuerwerker, op.cit., p. 255.
28. Либер, op.cit., с.с. 271-272.
29. Cf. Levylier, op.cit., p.34. Письмо Неккера Сер-Берру заканчивается так:

- «Мсье, я убежден, что вы дадите королю в этом случае новые доказательства вашего обычного усердия, служа ему».
- 1) Robert Weyl et Jean Daltroff, «Le cahier de doléances des Juifs d'Alsace», in *La Revue d'Alsace*, N 109, 1983, pp 65 à 80
- 31 1740-1843 Сын богатого негодичанта из Нанси, главный кассир королевских поставок, получивший права гражданства, которые давали ему все права французов, синдик евреев Лотарингии, был членом еврейской делегации Востока, прибыл в Париж в августе 1789. 14 октября 1789 произнес пламенное обращение к Национальной Ассамблее от имени своих единоверцев Востока. Писатель, оратор, он сыграл важную роль в эмансипации евреев во времена Учредительного Собрания. Под угрозой террора он ушел из двух Ассамблей еврейских нотаблей, созданных Наполеоном в 1806-1807. Муниципальный советник при Империи, продолжал функционировать при Реставрации.
32. От трех Епархий назначены были Гушо Майер Каан и Луи Вольф, исполняющие важные функции в общине. От Лотарингии — Мейер Макс — зять Сер-Берра и Бер Исаак Берр — синдик евреев Нанси. От Эльзаса — Давид Синтгейм — другой зять Сер-Берра — будущий главный раввин Франции и будущий президент Синедрiona, также и С.Виттерштейн, но он быстро был заменен сыном Сер-Берра — Теодором. Liber, op.cit., p. 275.
33. Cf. M. Liber, *Les Juifs et la convocation des États généraux*, op. cit., R.E.J. LXIII, 1912, 186-210, LXIV, 89-108. Ph. Sagnac, *Les Juifs et la Révolution française*, op. cit., pp. 215-217. D. Feuerwerker, op. cit., pp. 262-285. «Anatomie de 307 cahiers de doléances de 1789», in *Annales E.S.C.*, 1965, N.1, pp. 45-61. B. Blumenkranz, «A propos des Juifs dans les cahiers de doléances», *A.H.R.F.* N 130, 1967, pp 473 a 480.

Наказы третьего сословия и евреи

Напрашиваются следующие выводы: в канун Революции судьба евреев французов не интересует. Из более чем сорока тысяч наказов, лишь в трех есть упоминания о евреях, и чуть ли не все эти наказания исходят от восточных провинций. Помимо этих наказов есть несколько от третьего сословия¹, где просматриваются тонкие уколы, вскормленные завистью корпораций. Остаются те немногочисленные, которые пришли на помощь евреям — это третье сословие Бар-сюр-Сен — те желают, чтобы на евреев распространялись права, признанные в 1787 г. за не католиками². Самой важной политической позицией была либеральная позиция, которую заняла парижская знать, объявившая, что «Генеральные Штаты должны рассмотреть судьбу евреев»³. Этот поступок еще и потому знаменателен, что в составлении данного указа принимали участие люди, которые в дальнейшем окажутся в первых рядах в политической

борьбе за права евреев: это граф Клермон-Тонер, Адриен дю Пор, граф де Лярошфуко, маркиз де Кондорсе⁴.

Остальные 303 наказа, в которых есть ссылка на евреев, исходят от Восточных провинций. В них отражается концентрация и размещение евреев в этих местах⁵. Когда читаешь эти наказания, создается впечатление, что враждебность к еврейской нации внушена скорее экономической осторожностью, чем религиозными предрассудками, кои уже к концу XVIII в. стали не столь интенсивными⁶.

Самое главное изобличение касалось ростовщичества — «один из бичей, наиболее страшных для деревень». Из числа двухсот наказов, содержащих упреки в адрес подобной практики, лишь несколько исходят из Эльзаса, а точнее от районов Кольмара и Селеста. Действительно, это там разворачивалось дело фальшивых квитанций и это там свирепствовал самый ярый антииудаизм. Эти наказания были делом рук знати и духовенства Эльзаса. Третье сословие не поднимало этот вопрос, поскольку всевозможные кредитные учреждения — ломбарды, даже с повышенными расценками, являлись острой необходимостью для маленьких людей. Помимо этого в наказах евреев упрекали за их чрезмерную конкуренцию, за то, что они скупают продовольствие и звонкую монету⁷. Впрочем, подобная критика порою распространялась и на христиан.

Более существенными являлись те меры, кои требовали принять против евреев. Лотарингцы требовали распространения ограничительных мер, принятых в 1784 г. по отношению к евреям Эльзаса. То же требование было в наказе Трех Епархий, Вика и Сарребурга. В некоторых наказах было выражено желание, чтобы евреи были замкнуты в гетто. Иные высказывались за их расселение по всему королевству. В Лотарингии двенадцать округов из восемнадцати требуют более сурового ограничения числа евреев в тех местах, где им предоставлено было право жительства или же требуют «высылки евреев из королевства, коль скоро нельзя их сделать полезными». Предложения варьируются в зависимости от наказов: то хотят им позволить стать ремесленниками (32 наказа), то разрешить шире торговать, либо заниматься сельским хозяйством (19 наказов), свободным искусством (28 наказов). Наконец, восемь наказов от Лотарингии и Трех Епархий отмечены желанием провести эмансипацию: поскольку евреи должны жить во Франции, они должны пользоваться равными со всеми гражданскими правами и таким образом, занимаясь различной деятельностью, они отвернутся от ростовщичества. Но, в основном, все удивительно единодушно выражают свое мнение⁸: все наказания восточных провинций свидетельствуют о живучем предрассудке антииудаизма. Так, например, в Агено хотят «в принципе остановить быстрый прирост их населения»⁹, разрешая вступать в брак лишь старшему сыну каждой семьи.

В Тионвиле хотят отказать им в праве жительства. В Кольмаре духовенство утверждает, что: «Евреи являются первопричиной нищеты народа, причиной потери душевных сил — энергии и причины морального развращения...»¹⁰ А кольмарская власть, как отголосок, провозглашает: «Сейчас самое время принять решительные и окончательные меры...»¹¹

Для правительства короля в этом ничего удивительного не было, оно было в курсе благодаря рапортам интендантов и губернаторов¹². Но в Национальной Ассамблее, где депутаты должны действовать согласно наказам своих избирателей, и где господствует общественное мнение, эти возобновленные изобличения восточных евреев, эти наказания, имеющие целью ухудшить условия их существования скорее, чем освободить от рабского состояния, образовали множество препятствий в деле.

Из осторожности евреи решают в собственных наказах к концу 1789 г. не отстаивать право на полное равенство в правах. Прежде всего они выражают общие пожелания: равенство в налогах, отмена всех особых сборов, в частности, «право на жительство и защиту», право заниматься любой профессией, приобретать землю и недвижимое имущество, свободу в выборе места жительства по всему королевству; они также просят свободы богослужения и сохранения общин. Итак, они возобновляют то самое ходатайство, которое год назад они представили Мальзербу: полные гражданские права и право сохранить автономию в религии и общинах¹³.

К общему тексту каждая община добавила свои особые требования. Евреи Метца требовали отмены сбора в 20 000 ливров, который они ежегодно выплачивали семье Бранказ. Евреи Эльзаса просят свободы бракосочетания без предварительного разрешения, права нанимать христиан для сельскохозяйственных работ и чтобы было «запрещено всем общественным деятелям употреблять оскорбительные эпитеты в адрес евреев»¹⁴. Лотарингцы требуют, чтобы их дети были допущены в коллежи и университеты¹⁵. Чтобы защититься от наплыва еврейской бедноты, они желают, чтобы в Лотарингии поселялись евреи, обеспеченные известным капиталом: 10 000 ливров для Нанси, 1 200 ливров для деревень. Таким образом, напишет Бер Исаак Берр «мы ограничиваемся тем, чтобы нам позволили выйти из состояния рабства и позволили бы сохранить привилегии, которыми мы пользовались»¹⁶.

Авторитетом Сер Берра в Париже, все эти наказания были объединены в единый пакет и вручены Хранителю Печати. Тот, в свою очередь, передал его аббату Грегуару и таким образом аббат был назначен защитником дела евреев в Национальной Ассамблее. Но еще прежде, чем он смог поддержать их требования, течение событий стало развиваться стремительно. После революционных

дней, в июле 1789 г., евреи оказались перед лицом радикально отличной политической ситуации.

- 1 В финансовом округе Руана два наказа один от корпорации Гавра, другой от третьего сословия Руанвилля, возле Арка просят, чтобы евреи, которые приезжают заниматься коммерцией, платили бы такие же налоги, как и все коммерсанты, имеющие патент В судебном округе Вайоль третье сословие жалуется на еврейских коммерсантов, cf D Feuerwerker «Anatomie », *op cit*, p 50 De meme, a Montpellier, les cahiers des fripiers chaussetiers et celui des orfèvres demandent des mesures contre les Juifs, cf B Blumenkranz, *op cit*, p 424
- 2 Cf B Blumenkranz, *op cit*, p 474
- 3 Cf L Chassin, Les Elections et les cahiers de Paris en 1789, Paris, 1889, t II, p 271
- 4 Залкинд Гурвич сам озаботился послать записку в палату депутатов дворянства Парижа
- 5 Самые многочисленные поступают из Трех Епархий во главе идут Тионвилль и Вик Затем Лотарингия с 138 наказами, которые исходят от трех судебных округов Бузонвилль, Диез, Эксгейм Наконец в Эльзасе только в 19 наказах задевают евреев
- 6 Лишь семнадцать наказов свидетельствуют о враждебности религиозной, cf D Feuerwerker, *op cit*, p 52, Liber, *op cit*, p 209
- 7 Cf D Feuerwerker, «Anatomie », *op cit*, pp 50-51, cf B Blumenkranz, article précité, p 478
- 8 Ср Либер «Можно констатировать, что в их наказах (крестьян Лотарингии) много статей странным образом похожих в своей основе, а некоторые просто идентичны, вплоть до выражений», *op cit*, с 97 Cf également Lettre d'un Alsacien sur les Juifs d'Alsace a M Rewbell, Paris, 1790, p 9 «Кем составлены эти наказы? Законниками пламенными заговорщиками против прав человека, потому что там мало упоминается процессов, где бы соблюдаться права человека» in Lettres, mémoires, *op cit*, p 9
- 9 Tiers Etat de Hagueneua, Art 39 In Sagnac, *op cit*, p 216
- 10 Третье сословие Тионвилля, 280, там же
- 11 Cahiers du Clergé de Colmar et de4 Schlestadt, *Arch Parl*, III, p 55
- 12 Noblesse des districts réunis de Colmar et de Schlestadt, *Arch Parl*, III p 8
- 13 Cf Liber, *op cit*, pp с 99 по 109
- 14 Там же, с 115
- 15 Cf Берг Isaac Берг, Mémoire adressé a Malesherbes en 1788 г «Мораль евреев есть следствие долгих преследований и унижений, необходимо предоставить им возможность давать образование своим детям» AN 154 II, 135
- 16 «Письмо мсье Берг Исаак Берга монсенюру архиепископу Нанси» 1790 г in Lettres, mémoires, *op cit*, p 4

Жаркое лето

В начале августа шесть депутатов от восточных евреев прибыли в Париж, чтобы встретиться там с Сер-Берром Но с момента обработки их наказов в июне, произошли решающие события В ночь на 4 августа декретом от 6-11 августа был разрушен социальный порядок старого режима и уничтожены привилегии, из которых некоторые тяжело давили на евреев Особую роль сыграла Декларация Прав Человека, принятая голосованием от 20 до 26 августа, которая объявила, что все люди рождаются и живут свободными и равными в правах и им гарантируется свобода мнений «даже религиозных»

Во время дискуссии 23 августа пастор Рабо Сант-Этьен¹ выступил «скорее как проситель», чем как законодатель «я прошу для французских протестантов, для всех не католиков королевства того, чего вы просите для себя свободы, равенства в правах» И он добавил в отношении евреев «я этого прошу для этого народы, вырванного из Азии, народа вечных скитальцев, вечно гонимых, преследуемых вот уже 18 веков, этот народ примет, если не законы, то, по крайней мере, наши нравы и обычаи Они включены в состав нашей нации и мы отнюдь не должны их упрекать за их мораль, поскольку она является плодом нашего варварства и того унижения, на которое мы их несправедливо обрекли»²

На эту речь Ассамблея непосредственно не отреагировала Но, голосуя за Декларацию Прав Человека, разве тем самым она не ответила на красноречивые пожелания пастора Рабо? Евреи, как и все прочие люди, разве не были они торжественно объявлены свободными и равными в правах? Судьба евреев во Франции,

казалось, была решена. Бер Исаак Берр напоминает о восторге, который охватил тогда депутатов от восточных евреев: «Мы узнали с огромной радостью, что первая статья Конституции есть результат мудрости Национальной Ассамблеи, установившей права человека, объявив, что все люди рождаются свободными и равными: и тогда мы посчитали, что наша миссия не только бессмысленна, но и решили, что этот декрет, являющийся основанием для счастья французов, нам предоставлял права много выше тех, что поручено нам было просить в наших наказах»³.

1. 1743-1793. Депутат от третьего сословия из Нима, патриот, сыграл важную роль в дебатах по религиозным вопросам. Депутат Конвента, близок к Жирондистам, гильотирован 5 декабря 1793 г.
2. *Arch. Parl.*, t. VIII, p. 479.
3. Cf. Berg Isaac Berg, «Lettre a Mgr l'év-êque de Nancy», *op.cit.*, II, p. 4. 24 июля 1789 г. Несколько дней спустя после взятия Бастилии, Бер Исаак Берр во главе депутатов общины. Он сообщил муниципалитету Нанси новость: чтобы свидетельствовать о своем гражданском долге, еврейская община прибегнет к срочным мерам по снабжению города. «Les Juifs de Nancy de 1789 a 1795», *Revue d'études juives*, 1925, t. 86, p. 87.

Жестокость, проявленная против евреев

Но в восточных провинциях события протекали совсем иначе. Жестокость населения обрушилась на евреев. В Ликсгейме, в Лотарингии, в ночь с 1 на 2 августа толпа бросилась на штурм жилищ тех евреев, которых они объявили скупщиками. Десяток домов были ограблены. Пришлось вмешаться конной милиции из Саррегемина. Волнения прокатились и по другим местам. Комиссия посредников писала 6 августа в Национальную Ассамблею: «Евреи изгнаны из своих домов, ограблены, у них отнята даже одежда и с ними обращались, особенно в Ликсгейме, с беспредельной яростью»¹.

В Верхнем Эльзасе воцарился страх. Крестьяне нападают на замки аббатства с тем, чтобы уничтожить все документы, свидетельствующие о невыплаченных долгах. В Сэндго они также взялись за евреев. В девятнадцати деревнях они жгут и грабят их жилища. Евреев преследуют, мучают, и они вынуждены удирать, порою полунагими. Сотнями они укрывались в Баале. Там они оставались до последних дней августа², гуманно принятые местными властями. Также и город Милуз принимает беженцев сотнями. Страх царит во всех еврейских общинах востока.

Вечером, 3 августа в Национальной Ассамблее выступает аббат

Грегуар. Он рассказывает о судьбе евреев, изобличает жестокости, которые им приходится выносить. И он просит: «как министр по делам религии, которая относится ко всем людям, как к братьям..., вмешательства власти Ассамблеи в защиту этого гонимого и несчастного народа»³. Это впервые, в самой Ассамблее, звучит голос депутата в защиту евреев.

Узнав об этом вмешательстве, «португальцы» тут же взволновались. Они опасаются великодушных порывов Грегуара в пользу своих восточных единоверцев. Они в курсе того, что происходит в Ассамблее, равно как благодаря собственным связям с депутатами Бордо, так и через своего представителя в Париже — Давида Сильвейра.

Самым мудрым политически, как им кажется, это не вызывать никаких особых дебатов вокруг их дела. Они считают, что вполне достаточно сослаться на главное постановление в Декларации прав человека, чтобы признать за ними все гражданские права. Своим пылом аббат Грегуар рискует разрушить их стратегию молчания.

Поэтому, 14 августа четыре представителя общины Бордо публикуют текст одного письма, адресованного «Мсье Грегуару, кюре Эмбермесниля, депутату от Нанси». Текст звучит разоблачающе. Они отдают аббату справедливую дань признательности, рассыпаются в похвалах..., добавляя: «Мы себя поздравляем, мсье, с тем, что в вашем лице нашли защитника столь же отважного, сколь и усердного. Похоже провидение предназначило вас для смягчения нашей судьбы»⁴. Отдав дань уважения, бордосцы переходят к соображениям политического характера: «Мы не предполагали, что в нынешнем положении дел нужны, чтобы возродить еврейскую нацию, иные законы, чем те, кои будут служить к возрождению всего королевства...»⁵. И, главным образом, они просят, чтобы не принимали никаких распоряжений по отношению к восточным евреям, которые можно было бы применить ко всем евреям без различия: «Если поведение или судьбы несчастных евреев в Эльзасе и в Трех Епархиях побудят Национальную Ассамблею вынести какие-то указы, кои должны быть общими для всех евреев королевства, бордосцы станут это рассматривать как несправедливость столь же немотивированную, как и «жестокую»⁶. Ясно, что это было предупреждением Грегуару и представителям восточных евреев.

Что касается этих умозаключений «португальцев», то с точки зрения политической — они безупречны: их участие в выборах в Генеральные Штаты уже свидетельствует о них, как о полноправных гражданах. Пускай бы вступила в действие Декларация прав человека и евреи Бордо станут ею пользоваться наравне со всеми французами⁷. Но данная счастливая ситуация для еврейской нации

юго-запада не имеет ничего общего с бурей, которая обрушилась на некоторые восточные общины. Между богатым бордосцем, выбранным офицером Национальной Гвардии и несчастным старьевщиком из Линсгейма, удирающим ночью от громиль и поджигателей, нет ничего общего, кроме эпитета «еврей». В Бордо это общественное возмущение касается лишь вопроса религии, тогда как в Сэндго оно угрожает жизни и оно оскорбительно. Понятно, что для блестящих сефардов юго-запада возможность оказаться смешанными с несчастной массой ашкенази востока, вызвала скорее чувство тревоги, нежели солидарности.

Парижские евреи не принимают политики осторожности и молчания, проповедуемой бордосцами. Как и все парижане, они живут революционным духом тех дней. Многие из них вступили в Национальную Гвардию⁸. Многие жертвуют крупные суммы из патриотических чувств⁹. Они приобрели опыт и политическое чутье более утонченное чем у их единоверцев на Востоке. Не связанные с общинами, они могут свободно давать дотацию новым органам, лучше всего приспособившимися к ситуации. Таким вот образом летом 1789 г. создается представительный комитет, которому поручена защита парижских евреев. Его состав отражает различие в их истоках и у них одна очевидная забота — сохранить равновесие сил: из одиннадцати членов — шесть, в том числе и президент — ашкенази, пять членов и в их числе вице-президент — сефарды⁹.

26 августа, в тот самый день, когда была принята Декларация прав человека, комитет публикует приветственный адрес, обращенный к Национальной Ассамблее. Поскольку он является плодом общего труда «португальцев» и «немцев», он выражает чувства группы евреев из числа наиболее сочувствующих Революции и придает символическую силу особому политическому интересу. В этом обращении парижские евреи, после того как поздравили Ассамблею, ставят себя под покровительство принятой Декларации Прав Человека: «Возвращая человеку главное — его достоинство, восстанавливая его в правах, которыми он сможет пользоваться, вы сумели сделать так, чтобы не существовало никакого различия между людьми... В этой империи, которая является и нашей родиной, звание человека гарантирует нам звание гражданина, а звание гражданина дает нам все права городского жителя и все гражданские права...¹¹». И парижане идут еще дальше: «Чтобы народ... утратил привычку... смотреть на нас, как на так сказать, посторонних для французской нации, и как на недостойных вести иное существование. Мы пришли умолять вас, Монсиньоры, сделать в ваших декретах особое упоминание о еврейской нации и таким образом закрепить наше звание и гражданские права»¹².

Для евреев Бордо подобное воззвание бессмысленно, поскольку

этих ассимиляция предшествовала эмансипации. Но те, кто живет в Париже знают, что евреи должны быть провозглашены гражданами, если хотят, чтобы народ их ясно осознал, что они стали таковыми. А чтобы доказать свою волю к ассимиляции, они объявили, что готовы отказаться от общин, так же, как и от суда раввинов¹³. Кстате, жертва эта была для них весьма легкой, т.к. в Париже не было организовано общин.

Шесть депутатов от восточных евреев и Сер-Берр, находившиеся в столице в течении августа месяца, не могли игнорировать позицию своих парижских единоверцев. И они в свою очередь публикуют обращение к Национальной Ассамблее. В момент, когда они его пишут, в некоторых округах Эльзаса и Лотарингии продолжают антиеврейские волнения. В ответ на предложение Ассамблеи, принятое по ходатайству Грегуара, король от 26 августа¹⁴ издает указ, в котором берет евреев Эльзаса под свою защиту. Посредническая комиссия Лотарингии отправляет 28 августа в общины, где проживают евреи, постановление, избобличающее «бесчинства, совершенные в нескольких общинах против еврейских семей, которые там оставались». Она призывает власти предоставить им убежища и помощь, а также следить за тем, чтобы, вернувшись к своим очагам, они оказались защищенными от испытаний, которые им пришлось пережить»¹⁵.

Перед лицом подобной угрожающей ситуации осторожность, которую рекомендуют евреи Бордо, отнюдь не лишняя. Как и парижский комитет, восточные евреи ходатайствуют 30 августа перед Ассамблеей: «Нужно срочно высказаться по судьбе евреев, пожаловав им звание и права гражданина»¹⁶. Ибо, «когда в последнее время народная ярость изыскивала себе жертву, она оборачивалась против евреев»¹⁷. «Итак, только недвусмысленная декларация, утверждающая, что они пользуются всеми правами гражданина может их спасти от «атак предрассудков или ловушек фанатизма»¹⁸. Но в отличие от Парижа, восток желает сохранить «синагоги, раввинов и синдиков в том самом виде, в каком все это существует ныне» и «право свободно исполнять свои законы, ритуалы и обычаи»¹⁹.

Эта глубокая привязанность, почти нутряная, евреев к своим обычаям и традиционным институтам, способна была лишь ущемить чувства Ассамблеи. Как! Разрушить все привилегии и оставить неприкосновенными привилегии евреев? Объединить королевство под едиными законами и позволить евреям сохранить все их законы и особую организацию?

Это ходатайство в данном случае столь аполитичное, выражало беспокойство евреев перед лицом преследователей, которые продолжались в момент, когда Ассамблея объявляет о правах человека.

Эмансипация — они ее желают всеми силами души, но радикальная ассимиляция, изменения их общинного статута против абстрактного единства, природа которого им не ясна и связана с разрушением их институтов, тех, которые длительное время составляли их оплот — к этому они не были готовы. Почему так долго сохраняемые в неприкосновенности традиции, законы, общины, они вдруг в один прекрасный день, должны отринуть во имя гражданства, лишенного реальности для этих упрямых и испуганных душ?

Эти тайные страхи делегаты восточных евреев не могут высказать перед Национальной Ассамблеей в те блистательные дни, когда выковывались права человека и когда прозвучало обещание их освобождения. Итак, Бер Исаак Берр и другие делегаты выдвигают другие причины, более утилитарные: общинная организация лучше способствует исполнению региональных задач, иначе говоря «социальных»: «это чтобы быть лучшими гражданами, просим мы сохранить наши синагоги и наших синдигов»²⁰. Они напоминают, что общины обременены долгами и только их сохранение позволит выплатить эти долги²¹. Надо сказать, что все это весьма далеко от элегантных формулировок еврейской знати квартала Шартрон²²!

И словно для того, чтобы еще добавить к различию в поступках, связанных с просьбами евреев, высказанными в конце августа 1789 г., две лотарингские общины из Люневилля и Саррегемина выбирают свой путь — они держатся особняком и представляют Ассамблее собственный документ, с особыми требованиями! Происхождение этих особых действий вписывается в ссору, которая была между ними и их единоверцами из Нанси²³. Они отказываются от того, чтобы их в Ассамблее представляли депутаты этого города и просят, чтобы: «В будущем евреев, живущих в Люневилле и Саррегемины, не отличали от других граждан этих городов». Они отказываются образовывать особую корпорацию, поскольку те являются «в своем роде чуждыми горожанам». Это все та же просьба, что и у парижских евреев, но побудительная причина здесь иная. Не создавать «особую корпорацию», это значило больше не быть привязанными к еврейской общине Лотарингии и выйти из подчинения ее синдикам. За требованиями эмансипации и ассимиляции скрывается воля к разрыву с Нанси. А чтобы отметить свое согласие с новым порядком вещей, евреи Люневилля присоединяют удостоверение городского комитета, свидетельствующее о том, что община предложила внести 3 августа свой денежный вклад гласно и таким образом она оказалась во главе «усердных дарителей»²⁴.

Итак, в августе месяце 1789 г. большие принципы и маленькие маневры, торжественные призывы и соседские распри — все это перемешалось. Так что в это первое революционное время «еврейская нация» предстала отнюдь не единой и неделимой.

1. In D. Feuerwerker, op. cit., p. 282.

2. Сер-Берр 30 августа 1789 г. писал муниципалитету Баая: «Блистательные господа, я весь проникнут самой яркой и почтительной благодарностью за проявленную гуманность и милосердие, которыми вы щедро осыпали бедных евреев Эльзаса — жертв анархии, проявленной...» «In D. Feuerwerker, op. cit., p. 29.

3. Там же, с. 292.

4. «Письмо, адресованное мсье Грегуару — кюре Эмбермесниля, депутату от Нанси, депутатами от еврейской португальской нации Бордо 14 августа 1789», Versailles, 1789, p.1, B.N 8° Ld 184-29.

5. Там же, с.с. 2 и 3.

6. Там же, с. 3.

7. В отношении Грегуара «португальцы» с удовлетворением отмечают: «благодарные действия, явившиеся результатом равенства в правах в Бордо; наших сограждан собирают вместе с нами в приходских церквях для создания патриотических полков и по своему усмотрению избирают нас, вплоть до звания капитана: нужны ли еще примеры братства между христианами и евреями?» Там же, с. 4.

8. «Из пятисот евреев, проживающих в Париже, более ста человек завербовались в Национальную Гвардию» В речи, произнесенной Годаром 28 января 1790 г., в момент представления Генеральной Ассамблее Парижской Коммуны депутации парижских евреев, с. 6, в «Речи, письма, донесения Коммуны и округов Парижа» in *La Révolution française et les Juifs*, Paris, 1968, t. VI.

9. Эли Мордошее в сентябре 1789 вручает 1500 ливров от имени евреев Парижа. Cf. L. Kahn, op. cit., p. 153; 14 сентября Тренель в виде патриотического дара вносит 660 ливров. «Когда президент объявил, что это сделал еврей, раздалась аплодисменты». *Le Journal révolutionnaire d'Abraham Spire, présenté et traduit par S. Schwarzfushs*, Éditions Verdier, 1989, p. 59.

10. Cf. Liber, op. cit., p. 176-181, он исследует очень тщательно состав комитета и происхождение каждого его члена. Двое из них уже представляли общины у Мальзерб.

11. Cf. Liber, op. cit., p. 182.

12. Там же, с. 121.

13. «Мы настолько убеждены, — писали они, — в необходимости того, чтобы все члены большой Империи подчинялись единой полиции и юриспруденции, что мы просим подчинить нас, как и всех французам, той же юриспруденции, той же полиции и тем же трибуналам; мы отказываемся... от привилегии, которая нам была дана — иметь собственных особых руководителей, назначенных из нас самих».

14. Cf. D. Feuerwerker, op. cit., p. 301.

15. Там же, с.с. 297-298.

16. Адрес, отправленный в Национальную Ассамблею депутатами от евреев 31 августа 1789 г. с.13. In *Adresses, mémoires et pétitions des Juifs*, op. cit.

17. Там же, с. 4.

18. Там же.

19. Другие требования, заключенные в адресе от 31 августа, те же, которые прежде были записаны в общих наказах, составленных евреями, восточными депутатами Они, в частности, просят права на свободное поселение во всем королевстве, отмены всех особых и несправедливых налогов *Adresses op cit* p 4
- 20 Там же, с. 11
- 21 Община Метца просила в частном порядке для того, чтобы гарантировать урегулирование долгов «пускать будет объявлено точным законом, что ни единый еврей не может покинуть квартала, в котором живет, не оплатив своей части общего долга». *In Adresses, mémoires, op cit* p 11
- 22 Изрядное число еврейских буржуа — финансистов или негодяи выбрали этот элегантный пригород Бордо для своего местожительства.
- 23 Когда в 1788 шестнадцать еврейских семей из Люневилля попросили у синдиков Нанси, от которых они зависели, разрешения на избрание своего раввина, им было отказано. В отчаянии община Люневилля вовлекла в оппозицию к Нанси общину из Саррегемина, где евреи были многочисленны. Когда грянула Революция, обе общины увидели возможность освободиться от опеки Нанси
- 24 Ср. *Записки о евреях Люневилля и Саррегемина* in *Adresses, mémoires, Op.cit.*

Действующие политические силы

В это революционное лето 1789 г. на чью поддержку могли рассчитывать евреи? Общественное мнение находится в плену событий, потрясающих Францию. К судьбе евреев оно остается равнодушным, кроме восточных провинций, где французы настроены по отношению к ним враждебно. Но зато в рядах Ассамблеи, если многие депутаты интересуются этим не больше, чем их избиратели, то подавляющее число депутатов «патриотов» служит делу евреев. Ибо в этих рядах числятся самые пламенные их защитники. Наряду с аббатом Грегуаром стоят наиболее видные представители либеральной парижской знати: Клермон-Тоннер, дю Пор, Ларошфуко из Данвиля или Кастелан — все они приверженцы эмансипации. Ведущие лидеры-патриоты, чей авторитет самый высокий в Ассамблее, также им благоприятствуют. Мирабо, чье воздействие на Ассамблею и общественное мнение весьма значительно, в эти первые революционные месяцы присоединяется к их делу. Разве он не поддержал и не распространял идеи Моисея Мендельсона и Доома по вопросу еврейской реформы? Другие прославленные люди того времени, такие как Лафайет и Сийес не приняли публично сторону для их защиты; но Лафайет, поборник прав человека, является членом Общества друзей негров; он постоянно ссылается на Вашингтона, а Соединенные Штаты признали за евреями поднос-

ть права гражданские и политические¹. Что касается Сийеса, то он, исключив из числа «активных» граждан женщин и иностранцев, оставил евреев². А крайние левые демократы, такие как Робеспьер и Петион, столь же преданы делу эмансипации евреев, как и уничтожению рабства негров.

На стороне противников евреев прежде всего числятся депутаты восточных провинций, имеющих разные политические ориентации. Население, которое они представляют, скорее склонно ухудшить положение евреев, чем облегчить и скорее изъять из политической жизни, чем включить в жизнь города. Восточные депутаты знают о враждебности, которая окружает евреев в некоторых округах. Жестокость, проявленная в июле 1789 г., в их глазах лишь знак, предвещающий новые волнения и, возможно, даже резню, если евреев, этих париев, презираемых и ненавидимых, провозгласят гражданами. Мнение их избирателей, напряжение, царившее в провинциях, а у некоторых и их собственные антиеврейские чувства — все это побуждает их энергично противиться начинаниям аббата Грегуара и других приверженцев эмансипации. Таким образом, такой патриот, как Реубел³, «черный», как Гелль, либерал, как принц де Бройль⁴ или консерватор, как Ля Фар⁵ — епископ Нанси, — все они оказались едины против евреев. Политическая обстановка привела к ним подкрепление в виде правых монархистов, «черных» — их вдохновляет аббат Мори⁶ — блестящий оратор и ярый противник Революции. И, наконец, высшее духовенство пребывает в постоянной преданности своей традиции антииудаизма. Разумеется, среди защитников евреев насчитывается и духовенство: аббат Грегуар, Лямуретт, главный викарий Арраса, друг Мирабо, аббат Мюло — член Парижской Коммуны. Но большая часть депутатов от духовенства в Ассамблее являлась противниками эмансипации.

Вот как вырисовывается линия раздела политических сил между приверженцами и противниками эмансипации в лето 1789 г. За евреев были «патриоты», занявшие левую позицию, такие как Грегуар или Робеспьер. Рядом с ними — умеренные, подобные Ларошфуко или Адриану дю Пору; либералы, как Клермон-Тоннер. Против эмансипации: восточные депутаты, все смешанные фракции и правые монархисты, опирающиеся на духовенство. В центре многочисленные депутаты пребывали в нерешительности. Что касается короля и его министров, то что для них была судьба евреев, когда рушилась абсолютная монархия! Однако их позиция не изменилась с момента ухода Мальзерба. В конце сентября 1789 г. Людовик XVI пишет в Ассамблею: «Я уже обозначил мои намерения, направленные в защиту евреев Эльзаса, и я буду продолжать их защищать против притеснений, жертвами которых

они являются⁷. Что касается их эмансипации, то теперь это уже не мое дело, а дело Ассамблеи».

На самом деле, оказавшись перед лицом враждебности восточного населения и решимости их представителей в лето 1789 г., шанс на победу в деле евреев в Ассамблее дала сила принципа и рвение одного депутата: права человека⁸ и аббат Грегуар⁹. Как могла бы Ассамблея впредь отказывать евреям в гражданских правах, когда она только что объявила, что права эти являются прерогативой всех людей? И как призывать иную веру с иными религиозными обрядами выступать против евреев, когда она утвердила полную свободу религии для каждого? Голосуя за Декларацию, большинство членов Ассамблеи, разумеется, не заботилось об эмансипации евреев. Но она содержалась в самой сути Декларации. И ее приверженцам казалось, что партия была выиграна, поскольку речь шла «о деле, по поводу которого нет возражений, чтобы им противоборствовать... одним словом, все сводится к тому, что достаточно быть человеком цивилизованным, чтобы пользоваться гражданскими правами»¹⁰.

Вот почему нетерпимый Грегуар и хочет немедленно получить от Ассамблеи декрет, признающий за всеми евреями гражданские права. 1 сентября, спустя лишь пять дней после голосования за Декларацию, на вечернем заседании, которое происходило под председательством Клермон-Тоннера, Грегуар выступает с напоминанием об угрозах, кои нависли над евреями Эльзаса и просит о специальном заседании, которое было бы посвящено «обсуждению положения евреев во Франции»¹¹. Ассамблея согласна на это. Но политическая обстановка в данный момент неудачна. Более важные вопросы привлекали внимание Ассамблеи. В тот самый день, когда Грегуар просит незамедлительно решить судьбу евреев, Мирабо высказывается за право veto короля, и это вызывает значительное волнение политического характера. Также и 3 сентября, на вечернем заседании Ассамблеи, когда напомнили об адресах восточных и парижских евреев, то вопрос этот тут же был отложен для изучения в одном из комитетов Ассамблеи¹². 7 сентября его вновь передали в комиссию из-за чрезвычайной важности обсуждавшихся на повестке дня вопросов; «Курьер де Франс» писал: «Ждали, что этот большой и важный вопрос будет дискутироваться, поскольку Ассамблея была весьма многочисленна, но два декрета (о налогах) ... целиком заняли все заседание и вопрос о будущем потомков Авраама услышен не был»¹³.

Приверженцы эмансипации не могли быть довольны этими отсрочками. Угрозы, направленные против евреев, не прекращались. В Париже, 15 сентября был пущен в обращение странный памфлет, подписанные именем Мартена, экс-консула Авиньона

в котором изобличался «черный заговор, подготовленный евреями в городе Авиньон против вице-легата»¹⁴. Фальшивка была быстро разоблачена. Однако намерение было ясно: возбудить умы против евреев в момент, когда вопрос об их эмансипации стоял в Национальной Ассамблее.

1. Ср. Письмо Джорджа Вашингтона еврейской общине в Роде Айленде 17 августа 1790: «Граждане Соединенных Штатов Америки считают своим долгом поздравить себя с тем, что дали человечеству пример либеральной политики, достойной подражания. Все равно имеют свободу совести и гарантии прав гражданства.. Отраднo, что правительство Соединенных Штатов не санкционирует фанатизм, не содействует преследованиям, но только просит тех, кто живет под его защитой, вести себя как добрые граждане» (Документ, врученный М.Скаглия, судьей Верховного Суда США)

Cf. Jean-Denis Bredin, Sicyès, la clé de la Révolution française, Éditions de Fallois, 1988, pp 130-131

1747-1807 Адвокат Генеральных Штатов. Заседал среди левых патриотов. Избран прокурором-синдиком Верхнего Рейна во времена Законодательного Собрания. Депутат Конвента. Ему была поручена защита Мейенса, он вынужден был капитулировать. Член Комитета Общественного спасения, после Термидора член Директории, специализировавшийся по внешним сношениям, избран в Совет Старейшин. Государственный переворот Брюмера положил конец его политической карьере.

4. 1759-1794. Депутат от дворянского сословия Кольмара в Генеральные Штаты Либерал. Член Общества друзей Конституции во времена Законодательного Собрания. Маршал Рейнской Армии. В отставке после 10 августа. Гильотинирован 27 июня 1794.

5. 1752-1829. Епископ и депутат от духовенства в Генеральные Штаты. Противник революционных принципов. Основал в 1790 Клуб непредвзятых с Малюз и Клермон-Тоннером; эмигрировал в 1791. Вернулся во Францию после Реставрации. Стал пэром Франции, архиепископом Санса и кардиналом в 1823.

6. 1746-1817. Проповедник и известный писатель, академик, избран в Генеральные Штаты духовенством Перонны. Яростный защитник королевских привилегий, блистательный оратор, эмигрировал после роспуска Учредительного Собрания. Получил звание епископа, затем кардинала от папы, после коронации Наполеона примкнул к нему, получил дворянство, назначен в Институт и стал во главе епархии Парижа. При Реставрации отстранен Людовиком XVIII, был заключен и шесть месяцев в Риме домогался прощения у Папы.

7. Arch Parl, IX, p.242

8. Ср.: Клермон-Тоннер в Национальной Ассамблее 28 сентября 1789: «Этому веку терпимости и разума удалось увидеть уважаемого церковного министра, поднимающего голос на этой трибуне в защиту несчастных остатков Израиля... Я не стану себе присваивать святое дело, которое принадлежит ему!» Arch Parl. IX, p. 201.

9. Ср.: Декларация прав человека и Гражданина, представленная С.Риальсом // Pluviel. Hachette, 1988. С. 236-246.
10. Клермон-Тоннер Заседание 28 сентября 1789 г. Arch Parl., IX. p. 201
11. Arch. Parl., VIII. p. 542. Cf. Journal des débats et des décrets, N. 6, p. 3.
12. Депутаты Страсбурга настроены не менее пессимистично. Они пишут 4 сентября своим поручителям: «Нам угрожает еще один бич. Евреи просят права гражданства во всей Франции, и дело, которое должно было разбираться вчера, неминуемо будет обсуждаться на следующей неделе. Эльзас будет защищаться, но мы не отвечаем за успех.» Publié par R. Renso, Revue d'Alsace, 1879, p. 415.
13. Courcier Francais, N. 66, du 9 septembre 1789, p. 326. Ср по поводу Грегуара: «Уважаемый член объявил себя адвокатом азиатского народа и вот уже давно настойчиво просит открыть заседание для своих клиентов» (Там же).
14. Cf. D. Feuerwerker, Op.cit. p. 303.

Напряжение в Эльзасе

Более опасным было повторение антиеврейского волнения на Востоке. Предоставить полноту прав тысячам евреев восточных провинций значило породить угрозу конкуренции для торговцев и ремесленников в момент, когда свирепствовал экономический кризис. Что касается крестьян, то мысль о том, что евреи смогут свободно приобретать земли, им была еще ненавистнее. Должники еврейских ростовщиков, те, что представили залоговые гарантии под ссуду, уже видели свою собственность проданной, а евреев — обосновавшимися там в виде хозяев. Жестокость крестьян летом 1789 г. в эльзасских деревнях и «большой страх», который распространялся по отношению к евреям, так же, как и по отношению к знати, питались ненавистью и страхом: ненавистью к еврейским ростовщикам и страхом, как бы они не завладели их землями. И если они жгли несчастные домишки евреев так же, как жгли замки, то делалось это в надежде, что огонь уничтожит их долговые бумаги в домах, а в замках — наследственные документы знати.

Напряжение нарастало, питаемое слухами, которые распространялись врагами евреев. По случаю Рош Хашана — Нового года — он празднуется 21 и 22 сентября, в 1789 г. перед синагогами стреляли и нападали на еврейские дома. В общине Эльзаса растет тревога. Близится Йом Кипур, и синдики Давид Синзхейм и Теодор Сер-Берр просят защиты у маршала де Рошамбо — главнокомандующего Эльзаса. Но он их адресует к гражданским властям, и те

вызывают войска, чтобы в случае надобности обеспечить защиту евреев.

Давид Синзхейм и Теодор Сер-Берр вновь обращаются к Национальной Ассамблее. Они напоминают о плачевном положении евреев в Верхнем Эльзасе: «У них все отнято, и теперь они пребывают в ожидании того, что вот-вот их уничтожат»¹. На вечернем заседании Ассамблеи 28 сентября поднимается вопрос о «деле евреев Метца, которые просят защиты у Национальной Ассамблеи»². Заседание позднее, и на нем присутствует менее двухсот депутатов. Клермон-Тоннер напоминает об угрозах, нависших над ними: «Их дома уже разграблены, а сами они открыты для оскорбления и насилия. Праздник Искупления (Йом Кипур) приближается, они собираются в синагогах и там окажутся беззащитными перед народной ненавистью»³. Он призывает Ассамблею поставить этих людей и их имущество под защиту закона. Аббат Грегуар энергично поддерживает предложение Клермон-Тоннера. Ассамблея выслушивает их внимательно и дает своему президенту приказ написать ко всем народным офицерам Эльзаса, что евреи взяты под охрану закона. Ассамблея требует от короля и правительства принять защитные меры. Пресса публикует большие отрывки из письма президента Мунье к эльзасским властям. А 29 сентября король дает знать Ассамблее, что он взял евреев Эльзаса под свою защиту⁴.

А тем временем восточные евреи проявляют нетерпение. И 4 октября, выведенные из терпения безысходным ожиданием, пишут президенту Ассамблеи: «Наше существование никогда не было столь грозным и столь тревожным, каковым оно стало в последние несколько месяцев. Провинции, в которых мы живем, видят как вот уже два месяца мы обиваем пороги Национальной Ассамблеи — святилища правосудия и не можем получить аудиенции. Они не относят это промедление за счет важных проблем, которыми занята Ассамблея⁵, но за счет того презрения, которое обычно проявляется в отношении евреев...»⁶.

Наконец аудиенция им дана. Вечером 14 октября, в день, когда состоялось последнее заседание в Версале, перед тем, как им обосноваться в Саль дю Манеж в Париже, представители евреев трех восточных провинций предстали перед депутатами. Слово от имени делегации берет Бер Исаак Берр. Момент необычный: еврей из Лотарингии, окруженный пятью другими представителями общин, самых презираемых во Франции, обращается к Национальной Ассамблее в зале Меню Плезир, где пять месяцев назад христианнейший король, абсолютный монарх Французского Королевства, открыл Генеральные Штаты.

Торжественная речь Бер Исаака Берра была достойна этого

момента. Будучи верующим, он прежде всего взывает к Божьему имени: «Это имя Всевышнего, творца всей справедливости и всей истины; во имя этого Бога, который, давая каждому одни и те же права, предписывает те же обязанности...» Затем перед Ассамблеей он воссоздал картину жизни «человечества, униженного на протяжении стольких веков постыдным к нему отношением, которое почти во всех областях Земли испытывали несчастные потомки самого древнего из всех народов... Повсюду преследуемые, повсюду униженные, и тем не менее всего покорные, никогда не мятежные. Являясь объектом ненависти и презрения всех народов, когда должны бы быть объектом терпимости и жалости...»⁷ Напоминая об адресе, врученном 31 августа, Бер Исаак Берр заключает свою речь взволнованно: «Не могли бы вы сделать так, чтобы наше существование стало менее мучительным, чем то, на которое нас обрекли... сделать так, чтобы люди смотрели на нас как на братьев, чтобы была произведена абсолютная реформа в тех институтах, кои нас так постыдно закабалили, и чтобы эта реформа, которую мы столь тщетно желали, о которой пришли просить со слезами на глазах, стала бы вашим благодеянием — делом ваших рук»⁸.

Председательствовал на заседании Флето де Сен-Жюст⁹, чувствительный «патриот». На эту речь, переполненную страданием и надеждой, он ответил доброжелательно: «Ассамблея возьмет ваше ходатайство на рассмотрение и будет счастлива привести ваших братьев к спокойствию и благополучию...»¹⁰ Но аббат Грегуар не мог удовлетвориться столь расплывчатым обещанием. И он выступил с тем, чтобы призвать Ассамблею наконец решиться дать евреям гражданские права, тут же по ходу заседания. Он просит, чтобы еврейские представители присутствовали на нем, как и все депутации. Несмотря на протесты нескольких депутатов¹¹, еврейские представители заняли места в зале рядом с представителями нации. Какое волнение должно было охватить ваши великие еврейские души в этот момент!

1. Там же, с. 305.

2. Arch. Parl., t. IX, p. 200.

3. Там же.

4. Le Moniteur, 28 septembre 1789. Le Courrier de Versailles a Paris, t. 4, N. LXXXVIII, p. 16 a 22. Les Révolutions de Paris, N. 12, 4 octobre 1789, p. 17. Le Point du jour, 30 septembre 1789, pp. 150-161. Le Journal de Paris, t. II, N. 271, p. 122.

5. В течение всего сентября 1789 Национальная Ассамблея была поглощена фундаментальными проблемами Конституции. созданием «Верхней Палаты», отклоненным 10 сент., прерывающим право veto, данное королю 11 сент. монархической формой правления и подтвержденное 22 сент.

6. In D. Feuerwerker, op. cit., p. 311.

7. P.V. de l'Assemblée, 14 octobre 1789, t. VI, N. 100, p. 5 Arch. parl., IX, c. 765.

8. Там же.

9. 1738-1794. Советник парижского парламента Депутат от дворянского сословия Мелюна. Поддерживал отмену религиозных порядков и ликвидацию дворянского сословия. Избран в 1791 судьей Парижского Трибунала. Гильотинирован 14 июня 1794.

10 Там же

11. Selon Le Courrier de Gorsas «(du 17 octobre 1789), «ворчали всего лишь несколько членов из духовенства» (t. IV. p. 243).

ГЛАВА V

Протестанты, актеры, палачи и евреи

Начало дебатов

Осень 1789 г. отмечена важнейшими дебатами. Народ стал отныне сувереном — ему принадлежит теперь право не только назначать депутатов в законодательную Ассамблею, но также назначать судей и административные органы власти, муниципальные и департаментские. Итак, выборы становятся политическим актом по преимуществу. Отсюда и такие ключевые вопросы: кто будет избирателем? Кто будет избираемым?

Большинство Ассамблеи примкнуло к идее искусного разграничения, предложенной Сийесом в июле: все жители страны «имеют право на защиту своей личности, имущества, свободы и т.д.» Они граждане пассивные. Но не «все имеют право принимать активное участие в образовании общественной власти». Не все являются активными гражданами¹. Разграничение позволяет формально уважать права человека и гражданина, поскольку все объявлены таковыми, но также позволяет искусно отстранить от политической жизни всех тех, кого это большинство рассматривает, как неспособных или недостойных. Оставалось их определить.

Дискуссия открылась 10 октября. Среди пяти депутатов, выступавших против избирательного ценза, основанного на деньгах, предложенного конституционным комитетом², трое из них — аббат Грегуар, Адриан дю Пор³ и Робеспьер — сыграют активную роль в борьбе за эмансипацию евреев⁴. Однако на всем протяжении дебатов о количестве активных граждан, которые закончились 29 октяб-

ря принятием проекта комитета, не было даже упоминания о них. Правда, признание свободы совести Декларацией прав человека, сделало невозможным вписать в конституцию отказ в активном гражданстве, основанный на религиозных мотивах. Единственными критериями исключения из правил являлись: вопрос пола, возраста, бедности или если это была прислуга. Таким образом, стратегия молчания «португальцев», казалось, принесла плоды: поскольку о евреях не говорят — следовательно, их считают такими же гражданами, как и все прочие. Кстати, разве они — евреи юго-запада — не принимали участия в выборах в Генеральные Штаты?

В октябре аббат Грегуар публикует развернутое «Предложение в пользу евреев», к которому он предпосылает «Историческую справку»⁵. Он использует темы и аргументы из своего эссе о возрождении евреев и излагает просьбы восточных евреев, сформулированные в их адресе от 31 августа⁶. Заканчивает он свое предложение последними словами своего эссе: «Пускай наконец еврей, отдавая должное христианину, в порыве нежности обнимет в моем лице своего согражданина и друга»⁷. 16 ноября «Газетт де Пари» рукоплещет инициативе Грегуара: «Священник евангелист, кюре Римской церкви стал защитником евреев и представляет их дело на трибунах Национальной Ассамблеи... Кто когда-нибудь, даже в XVIII в., мог бы предугадать, что подобная дань уважения будет оказана истине, справедливости, правам человека, и кем?»⁸... И другой католический священник ему возражает: аббат Тиебо, депутат из Метца⁹. Он повторяет аргументы Микаэлиса в его полемике с Доомом: еврейский закон с его запретами делает евреев неспособными исполнять свои обязанности обычного гражданина. Итак, они обречены оставаться чужими в городе¹⁰. Дебаты по вопросу эмансипации обещали быть жаркими. Но внимание Ассамблеи задерживалось и на других темах.

21 ноября Шарль Буш¹¹, депутат от Экса, выступает на Ассамблее по вопросу «воссоздания графства Венессан, городов и штата Авиньона»¹². Он толкует о судьбе евреев, «число которых там столь значительно». И просит отмены всех особых налогов, которые давят на них, отмены отличительных знаков, кои их обязали носить, и предлагает разрешить им приобретать недвижимость. Он объявляет себя сторонником признания для них гражданских прав, если Ассамблея посчитает это правильным. Таким образом, его речь в пользу евреев свидетельствует о сдержанности местного населения по отношению к идее признания полного равенства в правах. В столице появился анонимный памфлет, изобличающий заговор, замысленный евреями Авиньона с целью убийства всей духовной власти этого города. Реакция была весьма сильной, пока

«Версальский курьер в Париже» не изобличил всей бессмыслицы этого клеветнического обвинения. Во всяком случае, дело это является свидетельством царившей атмосферы.

Близился 1789 г., а Ассамблея, хоть и собиралась, но так и не рассмотрела вопроса об условиях существования евреев. И почти случайно, во время дебатов, возник данный вопрос.

В декабре Ассамблея приняла важнейшие решения: создание ассигнаций по продаже имущества, принадлежащего духовенству, и продаже королевских имений; разделение королевства на департаменты. 21 числа во время вечернего заседания Брюне де Латриг, депутат от Нерака, просит слова по вопросу о протестантах. Он напоминает, что их очень много в Гиенне. В некоторых коммунах, где большинство католиков, им закрыт доступ к избирательным функциям. Ссылаясь на Декларацию прав человека и на определенные законом понятия «активных граждан», Брюне де Латриг заявляет: «Вы же не хотели бы, господа, чтобы религиозные воззрения послужили поводом для других исключений»¹³. Он предлагает издать декрет, объявляющий «избирателями и избираемыми, способных в какой-либо деятельности, равно некаатоликов, как и всех остальных граждан»¹⁴. Редерер выступает и просит тех же прав для «класса горожан, которых не допускают ни к какой общественной деятельности, но которые имеют свои интересы и значение, — актеров...»¹⁵. Клермон-Тоннер¹⁶ поддерживает предложение Брюне и предлагает текст, имеющий значение для всех: ни единый активный гражданин «не может быть ни исключен из списков выборщиков, ни отстранен от общественной деятельности по причинам профессиональным или религиозным»¹⁷. Нечего говорить, что тем самым это уже является признанием полных гражданских прав для евреев.

Реубел, депутат от Кольмара, патриот, представитель левого крыла Ассамблеи, подстроил ловушку. Он встал и, обращаясь к Клермон-Тоннеру, спросил его, следует ли понять, что среди активных граждан тот называет и евреев. «Да, — восклицает Клермон-Тоннер, — я в этом признаюсь и горжусь этим»¹⁸. Это вызвало всеобщее возбуждение в Ассамблее. Реубел вновь берет слово — речь его звучит грубо: «Я думаю о евреях, как они сами думают о себе. Они не считают себя гражданами...»¹⁹ Главный аргумент произнесен: не дадим те же права людям, полагающим себя иностранцами, что и французам. И тут началась весьма острая дискуссия: «Партия патриотов, — рассказывает некий журналист, — нетерпеливо стремилась к голосованию, дабы отдать должное принципам. Но за обычными уловками в предварительных вопросах и отсрочками ушло дорогое время, и заседание было закрыто!»²⁰ Назавтра Бриссо возмущается речами Реубела во «Французском патриоте»: «Нужно иметь смелость, чтобы выдвигать столь странные

парадоксы, столь далекие от здравого смысла, политического и философского»²¹. Редерер сожалеет, что «многие люди готовы согласиться с любой истиной, когда она выражена в общем виде, когда же из этой истины пытаются вывести частные последствия, люди эти дрожат и трепещут. Это как раз то, что и произошло, когда мсье де Клермон-Тоннер приоткрыл суть принципа, который он отстаивал»²².

1. Таким образом, «женщины, по крайней мере в данный момент, дети, иностранцы — все те, кто никак не участвует в поддержке общественного порядка, не должны активно влиять на государственные дела». Cf. A. Aulard, *Histoire politique de la Révolution française*. Paris, 1901, p. 61.
2. Конституционный комитет предложил сохранить для французских выборщиков в возрасте от 25 лет, а те, кто не достиг этого возраста, должны внести контрибуцию размером в трехдневный рабочий заработок. Исключены женщины, слуги и те, кто проживал в кантоне менее года (кантон — подразделение округа).
3. 1759-1798. Адвокат парижского парламента, основатель общества 30-ти, депутат от дворянского сословия Парижа в Генеральные Штаты, патриот, играл важную роль в выработке проекта организации судебного дела. Вместе с Барнаве и Александром де Ламетом основывает Триумvirат, влияние которого пойдёт по возрастающей во времена Учредительного Собрания. Основатель клуба ордена Фельянов, после Варенна становится приближенным короля. Удирает из Парижа после 10 августа. Дю Пор арестован, затем освобожден благодаря Дантону. Он эмигрирует из Франции, возвращается после 9 Термидора, вновь удаляется в изгнание после 18 Фрюктидора, умирает в Швейцарии.
4. По словам Горсы, Грегуар сказал, что для того, чтобы быть избранным или быть избирателем, «надо лишь быть хорошим гражданином, здраво судить и иметь сердце француза». in Aulard, *op.cit.*, p. 69.
5. Arch. parl., IX, p. 764.
6. «Пускай Ассамблея признает за евреями все права и обязанности граждан, и пускай они пользуются свободой вероисповедания; пусть уничтожат налог Бранка, который взимали в Метце; пускай примут меры, которые бы гарантировали оплату долгов по договорам общины Метца, и, наконец, надлежит запретить оскорблять человека еврейской нации» (Там же).
7. Там же.
8. La Gazette de Paris. t. II, p. 29. Cf. *ibid.*, 15 novembre 1789, pp. 45 et 46, 16 novembre, pp. 49 et 50, 17 novembre, pp. 54 et 55.
9. 1749-1795. Доктор теологии, убежденный монархист, умер в эмиграции.
10. Cf. Liber, *op. cit.*, pp 199, 200.
11. 1737-1795. Адвокат, депутат от третьего сословия Экса. Умеренный патриот. Член Общества друзей Конституции, затем клуба фельянов. После Учредительного Собрания член Трибунала по кассациям.
12. Arch. Parl., X, p. 208.
13. Там же.
14. Там же.

15. Там же.
16. 1757-1792 Депутат от дворянского сословия Парижа в Генеральные Штаты, поклонник английской конституционной монархии. Был во главе сорока шести депутатов от дворянского сословия, примкнул к третьему сословию 25 июня 1789. После октябрьских дней 1789 сближается с монархистами. Создает в 1790 вместе с Малуэ клуб беспристрастных (непредвзятых). После Варенна публикует весьма критический «Анализ Конституции» 10 августа 1792 его растерзала толпа.
17. *Arch. Parl. X*, p. 6957
18. Курьер де Франс № 170 от 22 декабря 1789 «Если мсье де Клермон-Тоннер употребил бы свой талант, чтобы предложить подобные декреты, — пишет Камилл Демулен, — его репутация не была бы сегодня столь двусмысленной. Никогда не надо отнимать надежду у умных людей» *Révolutions de France et de Brabant*, № p. C. 204-205
19. *Arch. Parl. X*, p. 695. По мнению *Moniteur*, I, с. 116, Реубел сказал, что «евреев было в этой провинции до 300 000. В Эльзасе их было в десять раз больше 5 января 1790 Реубел пишет Камиллу Демулену, чтобы объяснить свою позицию во время дебатов 21-24 декабря: «Пожалуйста, возьмите на себя труд прочитать адрес евреев из Метца, Трех спархий, Эльзаса и Лотарингии от 31 прошедшего августа... Что вы думаете о лицах, которые хотят стать французами и тем не менее сохранить еврейских администраторов, нотариусов — все исключительное; которые хотят иметь другие законы по наследованию, опеке, совершеннолетию и т.д., чем французы, их соседи... Вы видите, что это не я исключаю евреев, они сами себя исключают...» *In Liber*, op.cit. p. 193.
20. *Le Patriote francais*, 23 décembre 1789.
21. *Journal de Paris*, № 358 24 décembre 1789.
22. *Journal de Versailles*, № 8. 26 décembre 1789.

Столкновение

После острой перепалки на заседании 22 декабря 23-го открылась основная дискуссия «о допущении некаатоликов ко всякой деятельности в провинциях и муниципалитетах, а также к гражданским и военным должностям наравне со всеми остальными гражданами»¹. Родерер напомнил о поражении в правах, традиционно висевшем на актерах, а некоторые делегаты-«монархисты» иронически напомнили о предложении Клермон-Тоннера об ограничении прав палачей. Дебаты развивались в том же духе. Ораторы попеременно называли в своих выступлениях протестантов, актеров, палачей и евреев, дабы решить, станут ли они избираемыми и смогут ли осуществлять разные общественные обязанности.

Смесь эта была по меньшей мере странной: между древним предрассудком, который касался нескольких сотен актеров, причем некоторые из них были идолами публики, между ужасом, который

внушал палач, и судьбой евреев, которые, как об этом писал Бриссо, являлись «предметом философии, правосудия, родины и религии»² и десятками тысяч человеческих существ, не было ничего общего. Когда дело касалось протестантов, тех, кои наталкивались в юго-западных общинах на враждебность некоторых католиков фанатиков, никто в Ассамблее, даже среди самых непримиримых консерваторов, серьезно не думал о том, что кого-нибудь можно отлучить от какой-либо общественной должности после эдикта о терпимости 1787 г. и четыре месяца спустя после принятия Декларации прав человека. На самом деле их выступления в дебатах в пользу предложения Брюне де Латрига служили делу евреев, как это и понял Клермон-Тоннер. Как можно было отказать одним в преимуществах свободы вероисповедания и признать их за другими? И как узаконить в соответствии с Декларацией прав человека тот факт, что евреев можно лишить тех прав, которые признавали за протестантами?

Вот почему Клермон-Тоннер, выступая первым в дебатах, поставил проблему в целом применительно к вопросу о свободе вероисповедания: «Не может быть середины: или принимайте национальную религию... и удалите из вашего общества людей иного вероисповедания, но тогда вычеркните эту статью из Декларации прав человека; или же разрешите каждому иметь свое убеждение религиозное и не исключайте из общественной деятельности тех, кто пользуется этим разрешением. Вот она, справедливость, вот он, здравый смысл»³. Аргумент был слишком сильным, чтобы сражаться против него. Но также и противники эмансипации евреев — аббат Мори, епископ из Нанси, Ля Фар, Хель или принц Бройли — остерегались упоминать о деле протестантов: если вопрос будет решен, это значит, что дебаты станут вестись с той позиции, с которой защитники евреев и хотели их вести, — с позиции прав человека. Их противники, как и их сторонники, знали, что истинная проблема была политического порядка: можно ли признать за евреями все права гражданства наравне с христианами, несмотря на то, что они были ненавистны восточному населению, среди которого они жили, и были чужими для остальной нации не только своей религией, но часто и своим образом жизни?

Клермон-Тоннер обладал истинным талантом. «Он поддерживает свое предложение, — пишет депутат от Бар-де-Дюон Адриан Дюкеснуа, умеренный патриот и внимательный наблюдатель, — «поддерживает с умом, который всем известен, ловкостью, уверенностью и обходительностью, которую умеет пустить в ход по мере надобности, с примесью легкого шарлатанства, свойственного лишь ему»⁴. Он знает, что вырвет у умеренных депутатов нужное ему решение, только если убедит их в том, что их насущный долг

не отступаться от прав человека, кои были только что провозглашены. Но он также хочет, чтобы благодаря эмансипации исчезло все то, что отличает евреев, все то, что объединяет их в общины, отличные от других, — одним словом, все то, что делает из них «нацию». Вот почему он выступает за то, чтобы евреям дали гражданство, так же, как это делал Лакретель в 1775 г. для торговцев из Тионвиля. Он упоминает обо всех упреках в адрес евреев: «Говорят, это народ замкнутый и он обречен заниматься ростовщицеством. Он не может соединиться с нами ни в браке, ни обычными дружескими связями: наш стол — блюда наши для них запретны; наша армия никогда не увидит еврея, который служит родине»⁵. Клермон-Тоннер опровергает все эти упреки: «Это несправедливо, вы введены в заблуждение. Погасите свою ненависть, — восклицает он в порыве красноречия, — и откройте ваши сердца разуму: ростовщицество, которое так порицается, есть результат наших собственных законов. Люди, у которых ничего нет кроме денег, ничем иным заняться не могут — вот в чем зло. Будь у них земля и родина, они не стали бы больше этим промышлять. Вот оно, лекарство»⁶. «Что же касается замкнутости этой нации, то она сама по себе отпадет под действием новых предписаний и новых обычаев». «И, кстати, — добавил Клермон-Тоннер, чтобы развеселить Ассамблею, — никакой закон не может заставить есть зайца, а если я и захочу, то ничто не заставит меня есть его вместе с вами?»⁷. Оставалось главное: у евреев свои судьи и свои законы. Эти привилегии Клермон-Тоннер отвергает и обнаруживает глубинную сущность своих мыслей: «Нужно отказать евреям во всем, как нации, и дать им все, как личностям. Нужно, чтобы они не являлись в государстве ни политической корпорацией, ни особым орденом. Нужно, чтобы они являлись индивидуальными гражданами»⁸.

Это и есть доктрина ассимиляции, выраженная Клермон-Тоннером. Пороки евреев являются следствием несправедливости христиан. Виновны христиане, а не евреи. Пускай дадут евреям равенство в правах и они избавятся, благодаря эпохе Просвещения, от своих отвратительных и фанатических навыков. Но в это самое время, когда им отказывают в праве на особые общины и любые особые законы, хотя бы сами евреи стать гражданами? Полноправными гражданами, как все остальные. Никаких особых прав, ни специальных институтов для некоей категории граждан не будет. Все должны быть равными и одинаковыми перед законом. Итак, евреи должны стать индивидуальными гражданами. Больше не должно быть *impregium in impregio*, еврейской нации во французской нации.

Клермон-Тоннер вновь обращается к мысли Мальзерб, развивая ее: он хочет для евреев полного гражданства, на которое год

назад сами они и не осмеливались претендовать. Но произошла Революция. И сразу отброшена одним из самых красноречивых защитников другая часть просьбы: сохранить общинные учреждения, особые законы и религиозное правосудие. В красноречивом выступлении Клермон-Тоннера, в его человечности по отношению к униженному народу⁹ проявляется воля политика, которая вдохновляет приверженцев эмансипации: он призывает покончить с еврейским вопросом, дав им равенство, но при этом отказать им в их специфичности — признать их как граждан, но не как евреев.

На выступление Клермон-Тоннера отвечает аббат Мори — парламентский лидер правых монархистов. Политическая конфронтация тем более поразительная, что Клермон-Тоннер после октябрьских дней примкнул к лагерю монархистов. Он создает с Малуэ Клуб беспристрастных, чтобы сразиться с возрастающим влиянием Общества друзей Конституции — будущего клуба якобинцев, где встретятся такие депутаты, как Дю Пор, и личности, как Кондорсе, — приверженцы эмансипации.

Аббат Мори, искусный и блистательный оратор, один из вождей «черных», отвечает Клермон-Тоннеру не с позиции Прав Человека, а аргументами традиционного антииудаизма. Евреи не могут быть гражданами, как другие: «Они прошли 17-вековой путь, не смешавшись с другими нациями»¹⁰. Они не могут быть землепашцами, поскольку предпочитают торговлю тяжелому труду, и еще «закон, которому они подчиняются, не оставляет им времени для занятия земледелием. Кроме субботы, у них в году на 56 праздников больше, чем у христиан»¹¹. Они также не могут быть ни ремесленниками, ни солдатами, т.к. в субботу они не работают и не смеют воевать. Поистине, «они только и делали, что занимались наживой денег». Мори, чтобы убедить большинство Ассамблеи, которое было не в курсе дела, утверждал: «Они владеют в Эльзасе 12-тью миллионами залоговых квитанций на землю. Через месяц они станут владельцами половины провинции. Через десять лет они ею полностью завладеют. Она будет не чем иным, как еврейской колонией...»¹². Названная цифра была весьма преувеличенной. Но ее огромность нужна была оратору для того, чтобы представить судьбу французской провинции — старой земли католиков — под угрозой перехода в руки евреев. Старый христианский антииудаизм питался подобными бредовыми образами.

Теперь Мори оставалось извлечь из своего доклада политические выводы: евреи не могут пользоваться правами гражданства, потому что их законы препятствуют им исполнять обязанности гражданина. Поистине — они не французы, они иностранцы, живущие во Франции: «Назвать евреев гражданами, это как если бы сказать, что без принятия подданства и не переставая быть англичанами и

датчанами англичане и датчане стали бы французами¹³. Итак, аббат Мори исключает евреев из французской нации и тем самым неизбежно объявляет их враждебными ей. Таким образом, он предвещает переход от классического антииудаизма к современному антисемитизму.

Х Патриотическая пресса возгорелась: «Несчастливые евреи, — восклицает Горса, — навсегда останутся чужими среди нации, от которой они ждут справедливости¹⁴. Вслушайтесь только в приговор, который произнес аббат Мори». «Журналь де Пари» Редерера более умерен в своей критике: «Чем больше доклад, отступает от неоспоримых фактов, тем он становится красноречивей и многословней¹⁵. И, опровергая аргументы Мори, он заключает: «Что бы произошло, если бы они были активными гражданами и не захотели бы ни работать, ни воевать в субботные дни? Их бы не брали в армию, не допускали бы ни в Административную Ассамблею, ни в Законодательную; они бы оставались примерно тем же, чем они и были, а мы были бы справедливыми по отношению к ним; они ничего бы не потеряли, зато мы бы много приобрели?»¹⁶.

В ответ на выступление Мори от лица патриотов взял слово Робеспьер. Он был краток и избил ложь: «Вам наговорили о евреях бесконечно преувеличенные вещи, и часто обратные истине». Робеспьер вновь обращается к аргументации Клермон-Тоннера и Грегуара: «Как можно вменить им в вину преследования, жертвами которых они были у разных народов? Напротив, это преступление национального характера, которое мы должны искупить, возвратив им неотъемлемые права человека, которые никакая человеческая власть не может отнять...» И как это часто бывало у Робеспьера, вывод напрашивался одновременно и политический и моральный: «Вернем их Родине, добродетели, счастью, возвратив им достоинство человека и гражданина; подумаем о том, что не может быть политики, если можно так выразиться, которая приговаривает к унижению и угнетению массу людей, живущих среди нас»¹⁷. Комментарий Монитёра: «Мсье Робеспьер защитил предложение Клермон-Тоннера, но слабо мотивировал свою точку зрения»¹⁸.

Его высокопреосвященство де ля Фар, епископ из Нанси, следует за аббатом Мори. Как и тот, он утверждает, что «религиозные законы евреев делают их чужими для всех наций»¹⁹. Он, главным образом, обращается к опыту своей епархии: «Чтобы быть справедливым, я должен сказать, что евреи оказали большие услуги Лотарингии, и особенно Нанси...»²⁰ «Но народ испытывает к ним чувство отвращения...²¹ К тому же, — добавляет ля Фар «декрет, который дает евреям права гражданства, может вызвать большой взрыв»²². Итак, осторожность диктует не принимать никакого решения. И епископ предлагает создать комитет, который должен

будет пересмотреть весь свод законов, касающийся евреев. Это значило внушить мысль о том, что вопрос этот следует предать забвению²³.

Больше, чем выступление Робеспьера, вмешательство де ля Фара способствовало объединению умеренных. Один изложил принципы, другой — реальность. С одной стороны — права человека и их моральный императив; с другой — факты: явная враждебность населения востока по отношению к евреям. Зачем рисковать новыми возмущениями (бунтами) в восточных провинциях в результате столь успешной эмансипации? И зачем Революции лишаться поддержки многочисленного населения с тем, чтобы дать несколько тысячам евреев статус гражданства, которого еще шесть месяцев назад они и не требовали?! Депутатам надо было решать важнейшие вопросы: покрытие дефицита, завершение Конституции, организация администрирования, создание нового правосудия — короче, рождение новой Франции. Политический статус евреев, разве он не может подождать? Конечно, гуманность диктует, что их следует защищать против всякого насилия. Что же касается прав гражданина, осторожность подсказывает ничего по этому поводу не решать...

Дю Пор — искусный парламентарий, тонкий политик — чувствует, что в дебатах надо брать инициативу в свои руки. В эти последние дни 1789 г. этот умеренный патриот пользуется все возрастающим влиянием в лоне Ассамблеи. Вместе с Барнавом и Ламетом он создает «триумvirат», который контролирует Общество друзей Конституции, будущий клуб якобинцев. Мирабо, как и Сийес, ненавидят его всем сердцем. Великолепный юрист, человек свободных принципов, влиятельная личность в законодательном комитете, один из редакторов нового уголовного кодекса, Дю Пор, избранный, подобно Клермон-Тоннеру, парижской знатью, известен как приверженец дела эмансипации. Соизмеряя трудности и понимая, где сейчас оказались его сторонники, он бросает в дискуссию весь свой авторитет. Дю Пор внушает²⁴ мысль о том, что каждый француз воспротивится тому, чтобы Ассамблея вынесла декрет с каким-нибудь исключительным мотивом. Это весьма искусно выдвинутое предложение, т.к. Дю Пор знает, что Ассамблея, будучи автором Декларации прав, никогда не примет декрет, недвусмысленно исключаящий евреев из числа граждан.

Клермон-Тоннер тут же присоединяется к этому предложению. Но парламентская процедура имеет свои условности. Брюне и Латриг настаивают на своем предложении — Ассамблея должна предварительно высказаться по вопросу: будут ли в первую очередь голосовать за текст Дю Пора? Благожелательный ответ уже таил бы в себе дальнейшее его принятие. Итак, момент решающий. Приступают к голосованию: «Две попытки, дают результат сомнитель-

ный. Переходят к голосованию поименному. Первоочередность в голосовании за предложение Дю Пора отвергается большинством в 408 голосов против 403»²⁵.

Несмотря на подобный результат, патриотическая пресса полна оптимизма: «Это удивительно, — пишет один журналист, — но духовенство и другие противники получили преимущество всего лишь в пять голосов»²⁶. Редерер замечает: «Столь малая разница в голосах свидетельствует о том, что общая воля Ассамблеи весьма неопределенна — она не устоялась, колеблется»²⁷. Бриссо сожалеет, что ему не пришлось услышать красноречивого аббата Грегуара, защищающего этих обездоленных, «за которых он так отлично мстил своим пером».

Действительно, аббат Грегуар после того, как он широко ознакомил всех со своей статьей с предложениями в защиту восточных евреев, в дебатах не участвовал. Это молчание, эта сдержанность, столь противные его темпераменту, легко объясняются политическими соображениями несвоевременности. 3 декабря во время бурного заседания он тщетно пытался вырвать у Ассамблеи признания гражданских прав для мулатов. Он только что — 10 декабря — опубликовал «Заметку в защиту цветных людей Сан-Доминго»²⁸. Комитет Массиак — центр колониальной группы давления — неистовствовал против него. В этом климате бушующих страстей и после его провала в вопросе защиты цветных лучше было бы для дела евреев ему не быть их адвокатом. Но как не пожалеть вместе с Бриссо о том, что столь пылкий голос не прозвучал в этот решительный момент, чтобы сказать Ассамблее о долгом страдании еврейского народа, о его надежде на справедливость, которая, наконец, будет ему оказана!

Парижские евреи следили за ходом дебатов. Видя провал дю Пора, а также малый разрыв между количеством голосов противников и поборников эмансипации, они решают вновь защищать свое дело перед депутатами и перед лицом общественного мнения.

В течение дня 22 декабря они составляют и отпечатывают «Новое обращение евреев к Национальной Ассамблее». По поводу субботы они подчеркивают, что евреи, поступившие в Национальную Гвардию, бросали свои самые дорогие их сердцам занятия «всякий раз, когда надо было взяться за оружие для общественного блага, будь то днем, ночью или даже в самый день праздника»²⁹. Они снова приводят аргументы великодушного и красноречивого пастора из окрестности Метца — аббата Грегуара и «других членов Ассамблеи, столь же выдающихся!»³⁰. Обращаясь к депутатам, они напоминают: «Известно ваше уважение к правам человека и теперь вам невозможно вступить в противоречие со всеми этими актами мудрости и справедливости, которые исходят от вас самих...»³¹. Неясно, был

ли этот адрес, датированный 24 декабря, вручен депутатам до 10 часов утра, т.е. до открытия заседания. Во всяком случае он свидетельствует о зрелости, обдуманности и активности парижских евреев в этой политической борьбе.

1. *Arch. Parl.*, X, p. 754.
2. *Le Patriote français*, 23 décembre 1789.
3. *Arch. Parl.*, X, c. 755.
4. *Le Journal d'Adrien Duquesnoy*, édition Robert de Crèvecoeur, coll. de la Société d'histoire contemporaine, Picard, 1894, t. II, p. 209.
5. *Arch. Parl.*, X, p. 765.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же, подчеркнуто в тексте.
9. Cf. Charles Du Bus, Stanislas de Clermont-Tonnerre et l'échec de la Révolution monarchique, librairie Félix Alcan, Paris, 1931, p. 210-215.
10. *Arch. Parl.*, X, p. 757.
11. Там же.
12. Там же.
13. *Ibid.*, cf. Maury: «Пускай бы их защищали как индивидуумов, а не как французов, поскольку они не могут быть гражданами...»
14. *Le Courrier de Gisors*, N. 14, 25 décembre 1789.
15. *Le Journal de Paris*, № 359, 25 décembre 1789.
16. Там же.
17. *Arch. Parl.*, *ibid.*
18. *Moniteur*, 26 décembre 1789 г. I, p. 124.
19. *Arch. Parl.*, *ibid.*
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же. По мнению Ля Фара «четыре месяца назад в Нанси хотели грабить их дома... одни считали, что евреи скупщики хлебного зерна, другие — что они чересчур расплодилось, что скупают самые прекрасные дома и что вскоре они завладеют всем городом».
23. «Общие рассуждения, тривиальные мысли... — пишет Адриан Дюкенуа по поводу вмешательства де Ля Фара — человек большого ума становится настолько ниже себя, как только начинает защищать дурное дело», *op.cit.*, с. 2003.
24. «Мсье дю Пор, — пишет Монитор, — говорил о тех же принципах, которые высказал и мсье де Клермон-Тоннер. Его речь показалась длинной...» *Op.cit.*, p. 124.
25. *Arch. Parl.*, X, p. 738.
26. *Le Journal d'État et du citoyen, de Keralio*, N. XIII, 2e trimestre, 27 décembre 1789.
27. *Journal de Paris*, № 359, 25 décembre 1789.

28. Cf. Y. Benot, *La Révolution française et la fin des colonies*, éditions La Découverte, Paris, 1988, p. 66.
29. «Nouvelle Adresse des Juifs à l'Assemblée nationale», 24 décembre 1789, p. 3. In *Adresses, mémoires...*, op.cit.
30. Там же.
31. Там же.

Приходится ждать...

Восточные депутаты почувствовали угрозу. Утром 24 декабря, при возобновлении дебатов, они решают вмешаться в их ход уже активно. Гелль, депутат от Хагена, самый ярый противник евреев, подстрекатель в деле о фальшивых квитанциях, выступает первым. Чтобы избежать противодействия со стороны большинства Ассамблеи, этот ультраконсервативный монархист с большим искусством отдает дань идеологии дня: «Евреи — люди и должны пользоваться правами человека». Но это сказано для того, чтобы тут же добавить: «Они станут достойны этого, если вы дадите им на это надежду»¹. Итак, евреи должны заслужить права человека! Их к этому надо подготовить соответствующими мерами. «Если сейчас дать евреям права на занятие любых мест, то это станет опасным, как для Эльзаса, так и для самих евреев, и поэтому Ассамблея должна сначала их к этому тщательно готовить»².

И Гелль представляет Ассамблее серию ограничительных предложений, тех самых, которые он заставил принять в 1788 г. против евреев при посредстве комиссии Эльзаса³. В частности, для того, чтобы ограничить прирост еврейского населения, следовало получить особое разрешение на брак, и оно должно быть дано только в случае, если еврейская супружеская чета живет в общине, которая «не превышает шестой части других религий, и если еврей владеет каким-нибудь ремеслом и, кроме того, докажет, что владеет по меньшей мере одним арпаном земли. Что касается невесты, то она должна уметь шить белье, вязать, прясть лен, пеньку, хлопок и шерсть»⁴.

Эта идиллическая картина для тех немногих евреев, которые будут заниматься земледелием и ремесленничеством: мужья станут обрабатывать свои поля, а их супруги трудиться с прялками в руках. Так Гелль заключил это свое удивительное предложение, высказанное четыре месяца спустя после принятия закона о правах человека: таким образом будет достигнута «двойная цель, которую вы себе наметили, — искоренить ростовщичество и сделать равно счастли-

ыми всех индивидуумов, кои рождаются и живут во Французской империи...»⁵

Принц Клод де Брольи в своем выступлении поддерживает Гелля. Умеренный либерал, он был ближе к патриотам, чем к консерваторам, но он был депутатом от Кольмара. В изысканных выражениях он прежде всего отмечает, что его речь касается не только евреев Эльзаса; что он «весьма далек от того, чтобы ставить препятствия на пути к благодеяниям, которыми Ассамблея стремится осыпать эту несчастную нацию»⁶. После чего следует классическая аргументация: «Евреи — чужие во Франции, это своего рода временные жители или скорее космополиты, которые никогда не имели звания французского гражданина и даже не претендовали на него. Итак, было бы опасным дать им звание гражданина, не приняв мер предосторожности... Даже в самых маленьких деревнях они образуют отдельное тело; и подобное существование одной нации внутри другой бесспорно опасно своими последствиями, поскольку это в принципе антисоциально»⁷. А как быть перед лицом чрезмерного роста числа евреев в Эльзасе — за последние 15 лет оно увеличилось с 10 000 до 26 000, тогда как «их праздность, отсутствие у них деликатности является следствием действия несправедливых законов и тех унижительных условий, в которых они обречены существовать во многих местах. Вот подобное стечение обстоятельств и делает, по-видимому, их отвратительными»⁸? Принц Брольи хочет быть одновременно и гуманистом и политиком: он предлагает немедленно открыть доступ евреям ко всем ремеслам и к земледелию. После нескольких лет «испытательного срока и приобретения опыта можно будет в индивидуальном порядке допускать их, при благоприятном свидетельствовании жителей Коммуны, к гражданской клятве. И клятва эта откроет им все преимущества французского гражданина». С другой стороны, нужно дать отсрочку в 10 лет всем должникам евреев, чтобы избавить их от долгов. При подобных условиях можно будет избежать взрыва ярости, который угрожает евреям, если им сейчас дать права гражданства⁹.

После принца Брольи выступает Реубел, депутат от третьего сословия Кольмара — левое крыло Ассамблеи. Он снова касается той же темы: ненависть в Эльзасе по отношению к евреям такова, что «было бы неосторожно дать евреям, по крайней мере сейчас, те же права, что и другим гражданам»¹⁰.

Ассамблея услышала единодушные голоса депутатов Эльзаса: такого ультраконсерватора как Гелль, либерала, как принц де Брольи, убежденного патриота как Реубел. И все они единогласно были против того, чтобы евреям было дано гражданство. Но разве

может Национальная Ассамблея во имя местных интересов и осторожности отказать им в признании за ними прав человека?

И тогда слово берет Барнав¹¹. Его место среди патриотов Красноречивый оратор, влияние которого на Ассамблею все время возрастало. На данной стадии дебатов, когда большинство пребывало в нерешительности, его выступление могло стать решающим против агрессивных выступлений эльзасских депутатов. Прежде всего он, опираясь на Декларацию прав человека, утверждает, что ни единый гражданин не может быть лишен прав, которые дает Декларация, ни по причине религиозных убеждений (евреи), ни по роду деятельности (актеры). Но из этой своей посылки он не извлекает ожидаемых выводов. Барнав — политик искусный, но он хочет оставаться реалистом. Чувствуя, что победа в данный момент ускользает из рук его друзей, приверженцев эмансипации, он озабочен тем, как бы не задеть впрямую большинство Ассамблеи и высказывает мысль о том, «что не должно позволять себе высказываться особо в пользу протестантов»¹². Этот ловкий ход позволяет выиграть время и избежать определенных высказываний о гражданстве евреев. Итак, открыт путь для политики выжидательной.

¹¹ Последовательно де Бармаль, епископ из Клермона, весьма консервативный, враждебно настроенный по отношению к евреям, и Бриуа де Бомез поддерживают данную позицию весьма простым аргументом. «Существует риск: Ассамблея дает права евреям, которых они и не желают, так что следует все выяснить, прежде чем решать»¹³.

Громкими аплодисментами приветствует Ассамблея это предложение — оно позволит ей выйти из затруднительного положения. Казалось бы, дело кончено. Но вот на трибуну поднимается Мирабо.

Странно, но самый влиятельный оратор Ассамблеи, трибун, тот, кто лучше, чем все остальные, способен вырвать у колеблющихся их голоса, а у малодушных отважное решение, до сих пор не принял участия в дебатах. А тем не менее, это он распространял по Франции тезисы Мендельсона и поддерживал эмансипацию евреев¹⁴. Почему же теперь такая осторожность, именно тогда, когда вопрос дебатруется в Ассамблее и он может обрушиться всей силой ораторского гения на противников евреев? А дело в том, что, будучи глубоким политиком и исключительным парламентарием, он понимал, как и Барнав, что после атаки депутатов Эльзаса большинство Ассамблеи, бесспорно верное Декларации прав человека, которую она провозгласила в августе, но равнодушное к судьбе евреев, решит, что сейчас не время выносить решение об их гражданстве. А нет ничего хуже для парламентского трибуна, чем, пустившись в дебаты, быть дезавуированным большинством голо-

сов. Осторожность политика и личный интерес Мирабо, кредит которого уже упал перед лицом патриотов во время дискуссии о veto для короля, вынудили его быть сдержанным. Однако этот великий оратор не может согласиться с мотивировкой Бриуа де Бомеза, согласно которой евреи якобы и не хотят получать права, кои Ассамблея могла бы им дать. Итак, Мирабо полемизирует: «Ну что же, мсье, значит вы им не даете гражданства потому, что они не хотят быть гражданами? При том образе правления, который вы создаете, гражданами должны быть все люди»¹⁵. И добавляет: «Впрочем, позиция евреев отнюдь не такова». И он зачитывает Ассамблее обращение восточных евреев с просьбой признать их гражданами. Но Мирабо предпочитает не идти дальше, а присоединиться к большинству: «В заключение скажу, что еврейский вопрос нужно отложить, потому что он не окончательно выявлен; тем не менее я стремился разрушить впечатление, которое предыдущий оратор мог произвести в отношении этого народа, не столь виновного, сколь обездоленного»¹⁶.

Наконец перешли к голосованию. «После длительных дебатов, протестов, криков»¹⁷, Ассамблея выносит постановление: «Некатолики могут быть избирателями и избираемыми при условии, что они способны исполнять любые гражданские и военные обязанности наравне с другими гражданами... Не вынеся никакого постановления относительно евреев, о положении которых Национальная Ассамблея высказаться воздержалась»¹⁸. После зачитания декрета, — писал один из свидетелей, — крики «Да здравствует нация!» раздались во всех углах и к ним присоединилась галерка»¹⁹.

Поскольку декрет был принят «против желания духовенства»²⁰, патриотическая пресса охотно поддержала уловку Ассамблеи. «La Gazette de Paris» под редакцией Дю Розуа пишет: «Мало существует столь деликатных вопросов... Закон Моисея настолько связал политику с религией, что стало почти невозможно сделать так, чтобы еврей стал французским гражданином, разве что он откажется от большей части своих принципов»²¹. Бриссо в «Le Patriote Français» одобряет Ассамблею: «Мысль о том, чтобы отложить решение, была разумной и для самих евреев, поскольку она готовила умы к тому, что однажды евреи станут избираемыми; придет время, рассеются предрассудки, остынут страсти и они отрекутся от своей системы изоляции и нетерпимости, которая им свойственна, и станут достойны прав гражданства»²². Редерер после того, как опроверг аббата Мори, пишет по поводу этого декрета: «Бесспорно то, что побудительными причинами, которые диктовали его, были осторожность и человеколюбие в отношении евреев; будем надеяться, что оговорка эта скоро исчезнет... Это единственное средство возродить этот скитающийся и преследуемый народ»²³. «Le Courrier

de Provence» — газета Мирабо одобряет этот демарш: «Первый долг это, бесспорно, быть справедливым; но в столь важном предмете нельзя отделить справедливость от осторожности и чувства меры»²⁴.

Что касается Марата, то он считал, что все дебаты были бесполезны: «У меня нет сил, — пишет он, — высказывать какие бы то ни было соображения по этим опасным предметам, которыми в данный момент занята Национальная Ассамблея...» Он подчеркнуто рукоплещет аббату Мори: «Никогда, ничего более глубокого, чем в своем выступлении против евреев, он не говорил... Тем не менее он заключил свое выступление почти неохотно, в пользу того, что евреям дали гражданство: Хотя маловероятно увидеть их отдающимися с пристрастием различным общественным занятиям, это еще не повод для их исключения»²⁵. Камилл Демулен предпочитает иронизировать: «Не является ли пределом абсурда наличие крайней плоти для того, чтобы быть избранным»²⁶.

На самом же деле это было политическим поражением евреев. Конечно, Ассамблея не отвергла их просьбы. Прошло всего лишь несколько месяцев с момента провозглашения Декларации прав человека и, Ассамблея уходит от того, чтобы признать евреев равными другим. Сила предрассудков была сильнее принципов. Бастилия и антииудаизм были налицо, укоренившиеся в традиционной враждебности церкви и в коллективном представлении еврея как торговца и ростовщика, непримиримо чужого христианскому обществу.

1. *Arch. Parl.*, X, p. 778.

2. Там же, с. 777.

3. Участие евреев в налогах наравне с прочими гражданами, «продолжая платить за право обычной защиты», ликвидация всех общинных организаций; уничтожения всякой юрисдикции раввинов; запрещено фиксирование актов на ином языке, кроме французского; предоставлять возможность приобретения земель при условии, что они будут обрабатывать их лично; практиковать любые ремесла, но без права продавать в кредит, а также одалживать деньги.

4. *Ibid.*, *Arch. Parl* X, p 778

5. Там же, с. 779 Занятно констатировать, что Гелль там же предлагает: «Чтобы все магометане, именно подданные турецкого императора (sic) пользовались бы во всей Французской империи правами, почестями и преимуществами, коими пользуются все французские граждане» Кто после этого мог бы отказать ему в приверженности к правам человека!

6. *Arch. Parl.*, p 779.

7. Там же, с. 780.

8. Там же.

9. Selon le *Moniteur*, 27 décembre 1789, «мсье де КлермонТоннер поддержал предложение мсье принца де Бройли» (I С. 128). С его стороны это было

весьма честное отступление от своей речи, произнесенной накануне В Архивах парламентских нет никакого намека на подобное выступление Клермон-Тоннера

10. *Arch. Parl* X, p 781.

11. 1761-1793 Адвокат, депутат от третьего сословия Гренобля, образовал вместе с дю Пором и Ламетом «Триумвират». Создал Общество друзей Конституции — будущий клуб якобинцев, который он покинет, чтобы основать клуб фельянов После Варенна стал приближенным двора и защитником монархии Арестован после 10 августа 1792, будет гильотинирован 29 ноября 1793

12. *Arch. Parl* X C 781.

13. «Прежде чем вынести какое-либо решение для этого столь долго бывшего несчастным народа, нужно узнать, чем он хочет быть и за какую цену хочет он получить свободу и, наконец, достоин ли он ее получить» *Arch. Parl.*, *ibid*

14. Son journal, *Le Courrier de Provence*, (Ср.: № 83 за 23 и 24 декабря 1789) твердо выражает доктрину эмансипации: «У всех людей есть родина, эта родина является местом их рождения и их воспитания. Итак, евреи, рожденные во Франции от родителей, обосновавшихся во Франции, — французы; это наши соотечественники, наши сограждане. Хотят ли они пользоваться всеми правами гражданства? Нужно, чтобы они подчинились всем законам королевства, как политическим, так и гражданскими Подчинятся ли они всем законам государства? Нельзя им отказать в том, чтобы они пользовались всеми национальными правами. И совершенно неважно различие в богослужении».

15. *Arch. Parl.*, p. 781.

16. Там же, с. 782 и газета *Mirabeau*, *Le Courrier de provence*, N. 83, p. 18.

17. *Le Moniteur*, I, p 128

18. *Arch. Parl*, X, p 781.

19. *Journal d'Adrien Duquesnoy*, *op.cit.*, p. 208.

20. Там же.

21. *Le Journal général de la Cour et de la Ville*, № 99. Ср.: А.Дюкенуа, излагая суть заседания, заключает: «Нет такманевров, придинок, ухищрений, к которым бы ни прибегало сегодня духовенство» *op.cit.* с.207.

22. *La Gazette de Paris*, 25 décembre 1789.

23. *Journal de Paris*, 26 décembre 1789.

24. *Le Courrier de Provence*, № 83, p 18.

25. *L'Ami du peuple*, 25 décembre 1789

26. Cf. *Révolutions de France et de Brabant*, № 5, p. 204.

Каждый за себя

Делегация представителей Бордо в Париже

Декрет от 24 декабря 1789 г. был воспринят евреями юго-запада как бедствие. До этой поры они достигали цели, которую ставили себе в течение всего года: участие в выборах, за ними признали право быть избранными, зачисление в Национальную Гвардию, где уже насчитывалось много избранных офицеров, право быть принятыми в клубы, короче, по всем статьям их рассматривали как полноправных граждан... И вот из-за абсурдной стратегии восточных евреев все евреи Франции, включая «португальцев», оказались без определенного положения. Как если бы они, евреи юго-запада, уже не были всеми признаны гражданами! Не только евреи востока не были удовлетворены, но они еще и увлекли в своем поражении всех евреев туда, где таился для них истинный регресс. Вот куда их привели эти голодные фанатики ашкенази, их лидер Сер-Берр и Бер Исаак Берр, их защитники: этот аббат — экзальтированный активист и парижские аристократы, которые знали евреев лишь по книжкам! И через шесть месяцев от начала Революции, они оказались в ситуации более шаткой, чем в 1788 г., когда они встретились с Мальзербом, чтобы информировать его о условиях своего существования.

Немедленно генеральная ассамблея евреев Бордо собралась 30 декабря под председательством синдика Диас Перейра. Был составлен адрес, в котором резко выражено недовольство по отношению к своим единоверцам на Востоке. Прежде всего они напоминают,

что «в качестве подданных короля в Бордо мы без всяких помех в этом городе и всех ведомствах Парижа пользовались правами граждан.. Мы осмеливаемся верить, что наше положение во Франции не будет обуждаться только потому, что некоторые евреи Эльзаса, Лотарингии и Трех Епархий запугали этот вопрос и, как кажется, пытаются вовлечь и нас в эту дискуссию.»¹ И дальше они критикуют стремление этих евреев «жить во Франции, пользуясь особым режимом, иметь свои собственные законы и создать класс граждан, отделенных от всех остальных»² И в заключение: «Просьбы, плохо обдуманые, некоторых евреев Эльзаса, которые к стати не обладают ни одним из преимуществ, коими пользуемся мы, неужели способны будут лишить нас наших прав? Что же касается нас, то речь идет не столько о том, чтобы приобрести, сколько о том, чтобы не потерять»³.

Куда уж неприятнее — отметить четкую разницу — пропасть, существующую, согласно мнению бордосцев, между «немцами» и ими. Адрес был подписан синдиком, его помощниками и 215 главами семей. Решили спешно послать делегацию в Париж, в Национальную Ассамблею⁴. Были выбраны восемь депутатов. Среди них: Градис старший, Лопес Дюбек, Абраам Родригес и Фюртадо старший⁵. Они уже восемнадцать месяцев назад совершили путешествие в Париж с тем, чтобы убедить Мальзерба.

Назавтра же три депутата отправились в Париж. Ехали они очень быстро. Остановились только в Пуатье, чтобы почтить субботу и 4 января поутру они прибывают в Париж, где останавливаются в Китайском отеле на улице Нев-де-Пти-Шан. И тут же приступают к делу. Благодаря «Journal de la députation»⁶, по счастью сохранившемуся, можно проследить день за днем и почти час за часом, за кампанией, которую они вели в Париже, своеобразной иллюстрацией политического демарша времен Учредительного Собрания.

В первый же день они встречаются со своими коллегами, еврейскими депутатами востока, которые разместились у Сер-Берра. «Они кажутся полны веры в то, что будут приняты в ряды граждан», — пишут депутаты Бордо⁷. При второй встрече, на следующий день восточные евреи открывают свои тайные мысли. «Они признаются в том, что если бы им дали права граждан с тем, чтобы они могли приобретать недвижимое имущество, его продавать и располагать им по своей воле, с правом заниматься любой коммерцией, искусством и ремеслом, они были бы удовлетворены и не стали бы домогаться расширения прав гражданина, которые давали бы им право избирать и быть избранными на административные места, гражданские должности и военные»⁸.

Позиция бордосцев была иной. Для них важна не столь эманси-

пация, сколь подтверждение того, что они являются гражданами. «Так как права и общественное положение евреев Бордо это то, чем они владеют и никакие рассмотрения не могут и не должны их этого лишить»⁹. И так, они будут держаться особняком. Они расстаются, пообещав сообщать друг другу о будущих докладных записках и остаются в добрых отношениях. Но отныне, каждый за себя, а Иегова за всех.

6-28 января депутаты-евреи Бордо, числом семь, станут обегать город, встречаться с теми, кто может послужить их делу, мобилизовывать все дружеские связи и искать поддержки. Каждый день с восхода солнца и до ужина они посещают клубы, Ассамблею, влиятельных депутатов. Из их газеты мы узнаем имена тех, кто были главными их защитниками. Прежде всего они у аббата Грегуара, который оказал им самый братский прием. «Он нас обнял, уверяя, что мы всегда можем рассчитывать на него»¹⁰. Но бордосцы знают, что если он и является защитником дела евреев, то, прежде всего, он защитник тех несчастных восточных евреев. И так, они настойчиво просят других поддержать их: Гаранта-старшего¹¹, виконта де Ноай¹², Туре¹³, которые приняли их благосклонно. Также они встретились с маркизом Лафайеттом, который их принял, «выказав большую доброту и объявил им о том, что он весьма удовлетворен усердием, которое проявили евреи Парижа в момент Революции»¹⁴. Они посетили Редерера, коего знали со времени комиссии Мальзербера, и посетили Клермон-Тоннера, он подкашивает им мысль: что правильная позиция: «мы пока просим, чтобы за нами оставались те привилегии, которыми мы пользуемся»¹⁵. Барнав им показался «настроенным в их пользу»¹⁶. Александр де Ламет защищает их дело в «Обществе друзей Конституции в тот момент, когда там находилось более трехсот депутатов»¹⁷. Единственно, к кому они тщетно пытались неоднократно попасть это был Мирабо, в его особняке на улице Шоссе Д'Антен — они его не заставали, равно как и аббата Сийеса...

...Они встречались с депутатами-патриотами, которые являлись их сторонниками¹⁸. Правительство также к ним благосклонно, в частности хранитель печати — Шампион де Сисей — не кто иной, как архиепископ Бордо. Он уверяет их в своем содействии и выступает в их пользу перед Тарже, в ту пору президента Ассамблеи. Наконец, 26 февраля парламентские постановления вроде бы готовы. Со стороны Конституционного комитета Талейран, это он должен представить отчет, объявил, что относится к этому решению благосклонно. Составлен был документ в согласии с инструкциями синдиков Бордо: «Наше дело должно быть вот-вот решено», — пишут депутаты¹⁹.

Остается удостовериться в намерениях восточных евреев. Их

представители сознают, что бордосцы ведут свою игру. «Нас уверили, что они пребывают в дурном настроении с момента, когда они увидели напечатанным наш документ... Они не замедлили напечатать свой, но после всех возражений, которые не перестают высказываться в адрес Эльзасских евреев, есть шанс и немалый, что их вопрос снова будет отложен»²⁰. Но судьба восточных евреев в данный момент не трогает бордосцев! Зато они поддерживают непосредственную связь с евреями района Байонны. Их представитель в Париже, Давид Сильвейра, активизировал свою деятельность и сам вручил послание в защиту «испанских и португальских евреев, обосновавшихся в Бузр-Сан-Эспри». Аргументы, которые он развивает, те же, что у бордосских евреев²¹. Кроме того, он защищает интересы «португальцев», обосновавшихся в Марселе, Лионе и Париже. Таким образом, создается союз, целый блок сефардов юга против ашкенази востока.

Последние поняли стратегию своих юго-западных единоверцев, им известно, что они готовы подчеркнуть существующие между ними различия с тем, чтобы получить для себя особое постановление. Сами же они, напротив, думают о том, что для них лучший шанс — это добиться, чтобы Ассамблея решила дать гражданство всем евреям, не делая никаких различий между ними. Таким образом, не совпадают не только интересы двух групп евреев, но и их стратегия противоположна. Понятно, что на обеде у Сер-Берра 26 января, где депутаты обеих групп встретились с Грегуаром, Редерером, Тьерри и Годаром, атмосфера была ледяной: «Мы держались с этим мсье, а они с нами, с большой осторожностью, — писали бордосцы, — но косвенно мы знали, что они станут помогать отсрочки решения нашего дела, дабы смочь вручить свой документ, который как нам сказали, будет напечатан не раньше, чем через два, три дня»²².

Это был лишний повод для того, чтобы ускорить ход дела. Утром 27-го бордосцы у Талейрана, тот знакомит их со своими намерениями, весьма благожелательными, читает им свой отчет. Он не утаивает от них, «что еврей Эльзаса настойчиво просили его не писать отчета, пока он не познакомятся с их документом», но «это не входило в его намерения»²³. Вечером три делегата Бордо отправляются к якобинцам. Их представляет аббат Грегуар. Лопес Дюбек зачитывает документ бордосцев. Посредники поддерживают это ходатайство. И лишь адвокат Тьерри, постоянный защитник восточных евреев, вступился за них. Он настаивает. «Если им будет отказано в праве активных граждан, то нужно также отказать в этом праве и португальским евреям или же вновь отложить решение этого вопроса»²⁴. Ле Шпелье²⁵ — он председательствует, против подобной постановки вопроса: Ассамблея должна признать, что

она не может лишить гражданских прав евреев Бордо и «отложить надо лишь вопрос о евреях Эльзаса»²⁶. На этом заканчивается дискуссия.

Назавтра, 28 января — большой день для бордосцев. Утром они у Неккера, который оказывает им «самый милостивый прием». После полудня, в два часа в Ассамблее должна начаться дискуссия о отчете Талейрана. Делегация полна оптимизма: она сумела подготовить дебаты и знает, что евреи Бордо «особо отмечены в общественном мнении»²⁷ по словам Неккера.

1. Адрес в Национальную Ассамблею 31 декабря 1789. In *Adresses, mémoires et pétitions de Juifs*, op.cit.
2. Там же, с. 2.
3. Там же, с. 4.
4. S. Szaikowski, «*La délégation des Juifs de Bordeaux à la Commission Malesherbes (1788) et à l'Assemblée nationale (1789)*», op.cit., p. 64.
5. Этот от миссии отказывается.
6. *Arch dép de la Gironde*, «*Registre et répertoire des délibérations de la nation juive*», 1790, № 4.
7. *Journal de la députation*, op.cit., с. 66.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. 1749-1833. Адвокат, писатель, друг Энциклопедистов, депутат от третьего сословия в Генеральные Штаты, умеренный патриот. Министр правосудия с 9 октября 1792 г., затем министр внутренних дел до 19 августа 1793 г. Посол в Неаполе, в Совет Старейшин выбран в 1798 г. Присоединился к Бонапарту, получит звание графа и академика. После Реставрации будет исключен из Института.
12. 1756-1804 Зять Лафайетта, участник войны за независимость. Депутат от дворянского сословия в Генеральные Штаты, либерал, 4 августа 1789 г. предлагает уничтожить привилегии и права феодалов. После Учредительного собрания восстанавливает армию, уходит в отставку 27 мая 1791, эмигрирует. В 1802 г. поступает на службу к Рошамбо в Сан-Доминго, побеждает англичан на Карибских островах и умирает от ран.
13. 1746-1794 Адвокат, депутат от третьего сословия, умеренный патриот от Руана, играл большую роль в начале Революции. Назначен был в Трибунал по кассациям, гильотирован при терроре.
14. Там же, с. 73.
15. Там же, с. 70.
16. Там же, с. 74.
17. Там же.
18. Клермон-Тоннер, если и остался верным делу евреев, все-таки объединил монархистов и создал вместе с Малюз Клуб беспристрастных, противников патриотов.
19. Там же, с. 76.

20. Там же, с. 77.

21. Cf. Silveyra: «*Le sort des Juifs «portugais»*», которые пользовались с 1550 г. гражданскими правами, платили налоги, как все их сограждане, участвовали в выборах депутатов в Генеральные Штаты и их нельзя путать с восточными евреями» В «Адрес, направленный в Национальную Ассамблею депутатами португальцев и испанцев» in *Mémoires, adresses...*, op.cit.

22. *Journal*, op.cit., p. 78.

23. Там же.

24. Там же.

25. 1754-1794. Адвокат, депутат от третьего сословия Ренна, председательствует на заседании 4 августа 1789. Автор закона от 14 июня 1791, запрещающий профессиональные коалиции, основатель Бретонского Клуба, который станет Клубом Якобинцев, он его покинет и станет членом Клуба Фельянов. Подпал под подозрение и был гильотирован 22 апреля 1794.

26. Там же.

27. Там же.

Евреи Востока

А тем временем, депутаты восточных евреев отнюдь не пребывали в бездействии. Они поняли все то, что дискредитирует их и угнетает. Ростовщичество и фанатизм создают их образ. Итак, им кажется, что совершенно необходимо защитить свое дело перед лицом общественного мнения, прежде чем Ассамблея занялась этим делом. И в первых же числах января они публикуют «Рассуждения беспристрастного гражданина по вопросу права на избрание евреев»¹. Эта брошюра была заказана Тьерри Бер Исааком Берром². Тьерри там выдвигает предложение о том, чтобы евреи востока отказались от избрания «до той поры, пока они не проявят себя достойными и пока народ не привыкнет к этой идее»³. Бер Исаак Берр, со своей стороны публикует 10 января письмо, адресованное аббату Мори⁴. В нем он сражается против утверждения, согласно которому религиозные законы евреев воспрещают им исполнять обязанности гражданина и участвовать, как и прочие граждане, в жизни города. Он приводит в пример императора Иосифа II, который открыл евреям доступ к любой деятельности в Австрии.

И главное, депутаты от восточных евреев занялись выработкой обширного документа, в котором они опровергают все аргументы, изложенные против них в Национальной Ассамблее. Они привлекли к этому мероприятию Жака Годара, молодого адвоката, обосновавшегося на улице де Блан-Манто в Париже, в том районе, где и проживала большая часть восточных евреев. К несчастью, работа

не была еще напечатана к 26 января. Попадет ли она в Ассамблею до открытия дебатов 28-го? В сопроводительной записке, подписанной депутатами от восточных евреев, адресованной президенту Национальной Ассамблеи, ясно обнажается политический демарш авторов: «Нам известно, что в Национальную Ассамблею только что поступил адрес от евреев Бордо... И это явилось причиной того, чтобы ускорить отправку документа, который мы имеем честь вам представить с тем, чтобы наша судьба решалась бы одновременно с судьбой наших братьев из Бордо»⁶. После того, как они подчеркнули, что главные просьбы являются идентичными, «за исключением того, что они («португальцы») просят сохранить, а мы просим завоевать» и восточные евреи заключают: «Итак, мы думаем, что Национальная Ассамблея не станет решать одно без другого, поскольку нам не кажется, что она, Ассамблея, может иметь мотивы для их разделения»⁷.

Но на самом деле было уже поздно и, этот документ не мог иметь какого-либо влияния на ход дебатов. Петиция восточных евреев составляла более ста страниц: разве можно было надеяться, что она будет прочитана депутатами, принимавшими участие в заседании? И чего стоила защита восточных евреев, пусть даже блистательная, перед лицом кампании, которая велась упорно и умело делегатами Бордо вместе с влиятельными депутатами патриотов, вплоть до Общества друзей конституции? Когда утром 28 января началось заседание Ассамблеи, оно просто обеспечило успех эгоистического предприятия юго-западных евреев.

1. «Беспристрастные размышления некоего гражданина по вопросу права на избрание евреев, представленные на заседаниях Национальной Ассамблеи 23 и 24 декабря и отложенные той же самой Ассамблеей». In *Lettres, mémoires...*, op.cit.

2. *Journal de la députation de Bordeaux*, op.cit., p. 65. Там есть аргументы из записки Тьерри на конкурсе в Метце: «Евреи таковы, какими мы их сделали... Почему, коль скоро они люди, не должны они пользоваться правами человека?» В «*Réflexions impartiales*», op.cit., p. 10.

3. Там же.

4. Письма Бер Исаака Берра аббату Мори, депутату Национальной Ассамблеи Учредительного Собрания. Париж, 1790. Cf. D. Feuerwerker, op.cit., pp. 330-331.

5. Петиция евреев, обосновавшихся во Франции, адресованная в Национальную Ассамблею 28 января 1790 по поводу перенесения их вопроса 24 декабря 1789. *Adresses, mémoires...*, op.cit.

6. Там же.

7. Там же.

От имени Конституционного Комитета заседание открывает Талейран. Аргументация его проста: евреи Юго-Запада пользуются уже более двух веков всеми правами, как иностранцы, но подданные короля; они платят те же налоги, что и прочие французы, они участвуют в избирательных Ассамблеях, наконец, «в это самое время, они служат в Национальной гвардии, все дни недели»¹. Это был ответ на аргумент аббата Мори, утверждавшего, что евреи не смогут исполнять свой воинский долг по субботам. Таким образом, заключает Талейран: «Они не то что просят, чтобы им дали гражданские права, но скорее просят, чтобы за ними закрепили их бывшие права»². Итак, Талейран предлагает, чтобы «евреи, за которыми старые законы признавали гражданские права, их сохранили и в соответствии с этим, чтобы они были активными гражданами, если, разумеется, все соответствует требованиям, обозначенным в декретах Ассамблеи»³.

И тут же Ассамблея загорелась⁴. Слева Реубел, самый упорный противник евреев, желает высказаться. Протестуя, депутаты его прерывают. Тогда слово берет граф де Ноай и выступает в защиту евреев Бордо, «которые неоднократно доказывали свой самый яркий патриотизм»⁵. Сыпятся вопросы. В конце концов Реубелу удается заставить себя выслушать. Он вновь повторяет аргументы, которые приводил во время декабрьских дебатов⁶. Он добавляет: «Исключение, сделанное для евреев Бордо, тут же потянет за собой то же самое исключение для других евреев королевства»⁷. И, напоминая о напряжении в Эльзасе, он восклицает: «После вашего декрета станут говорить, что существует конфедерация евреев и биржевых игроков, чтобы завладеть всей недвижимостью»⁸.

Но в данный момент речь не шла о евреях Эльзаса. Близилась выборы на должности муниципальных и департаментские. Депутаты Бордо не видели никаких причин, чтобы из-за рассмотрения вопросов чисто эльзасских терять голоса своих еврейских избирателей. Де Сэз, избранный этим городом, умеренный монархист, будущий адвокат Людовика XVI, перед лицом Конвента объявляет себя «защитником несчастного народа, столь долго угнетаемого вашими законами...»⁹ Весьма красноречиво он вновь обращается к аргументам Талейрана и заключает: «Если евреи Бордо до сих пор не занимали муниципальных должностей... это значит, что разум еще не избавился от всех предрассудков и что права человека еще не признаны...»¹⁰

По просьбе многих членов Ле Шапелель зачитывает королевские грамоты, подтверждающие права «португальцев». Аббат Мори протестует: королевские грамоты представляют привилегии, подлежа-

шие отмене, тогда как Ассамблея издаст «вечный декрет». Итак, с этих пор невозможно станет противостоять просьбам евреев Эльзаса и Лотарингии¹¹.

Это и был гвоздь дебатов. Ле Шапелье, депутат из Ренна, умеренный патриот, чувствует опасность. Он, в свою очередь, возражает аббату Мори: «Речь тут лишь о том, чтобы сохранить приобретенные права...» — и ловко оборачивает против него свой аргумент: «Нельзя, чтобы состояние евреев Бордо зависело от положения евреев Эльзаса»¹².

Маркиз де Богарнэ неловко выдвигает предложение, «предлагающее сохранить евреям Бордо привилегии, которые были им даны Генрихом II.»¹³. И патриоты тут же вскипают: «Привилегии, теперь! Привилегии, когда речь идет о правах?... Разве по привилегии мы французы? Это выражение, — пишет Дюкенуа, — вызвало самое большое возражение¹⁴. Маркиз де Богарнэ заменяет слово «привилегия» на «право», но сохраняет ссылку на королевские грамоты Генриха II. Де Сэз, в свою очередь, предлагает издать указ о том, что евреи Бордо будут продолжать пользоваться правами активных граждан. Левые успокаиваются. Бриуа де Бомез¹⁵ считает, что следует выслушать предложение евреев из Байонны. Аббат Грегюар, молчавший до сих пор, требует тех же прав для евреев Авиньона¹⁶ и, не забывая интересов восточных евреев, просит Ассамблею назначить день, чтобы это обсудить, с тем чтобы, как он говорит, опровергнуть «ложные умозаключения аббата Мори и других»¹⁷. В заключение Ле Пелетье из Сан-Фаржо¹⁸, патриот, высказываясь в пользу эмансипации, предлагает текст, признающий права активного гражданства за евреями испанскими, португальскими и авиньонскими.

И тут правые депутаты стали неистовствовать... Вот так, среди шума и волнений противников, переходят к голосованию (голосовали, вставая). Первая попытка оказалась неудачной. Начали сначала: тихо. Шум нарастает. Многие требуют поименного голосования. И тут же, как рассказывает Дюкенуа: «от 40 до 50 персон: аббат Мори, мсье Д'Эспремений¹⁹, граф де Монтгуасье и другие лица такого же ранга — мгновенно разошлись по всему залу, устроили жуткую шумиху и стали кричать: «Никакого голосования! Отложить на завтра, сейчас слишком поздно, нас хотят взять измором!» И не было такой презренной хитрости, которую бы не пустили в ход, чтобы помешать голосованию²⁰. По мнению «Comité de Provence» «партия антииудаистская сама походила на синагогу»²¹. Другой журналист отмечает, что «усердие церковников и ненависть к евреям, дали этим набожным людям святую ярость»²². Целый час прошел в подобной путанице. Герцог де Ларошфуко-Лианкур²³, возмущенный, тщетно пытается призвать нарушителей к порядку:

«Долг и честь Ассамблеи состоят в том, чтобы не откладывать поименное голосование». Но правые все еще полны решимости запретить голосовать это предложение. Депутаты, стоя в зале, требуют перенести голосование на завтра «на том основании, что уж очень поздний час и многие прелаты и кюре покинули заседание»²⁴. Выведенные из себя патриоты держатся упорно и отказываются закрыть заседание пока не проголосуют это предложение. Наконец после долгих дебатов начинается поименное голосование²⁵. Талейран голосует: «да». Аристократы его освистывают, галерка рукоплещет. «При имени де Лафайетта, который сказал «да», — вновь раздаются аплодисменты»²⁶. Что касается Мирабо, он на заседании отсутствует.

Наконец 374 голосами против 224 Ассамблея постановляет: «Все евреи, известные под именем португальцев, испанцев и авиньонцев, будут продолжать пользоваться правами, которыми они пользовались и прежде, — и, соответственно, будут пользоваться правами активных граждан...»²⁷

В восемь часов вечера заседание закрыто. Оно длилось более десяти часов. Делегация Бордо, присутствовавшая на заседании, торжествует победу: «Мы тут же отправили курьера, чтобы сообщить эту приятную новость евреям Бордо, нашим доверителям». Миссия исполнена...

При известии об этом декрете в Бордо было несколько малозначительных инцидентов²⁸, но больше было выражено симпатии, чем враждебности. «Чтение декрета в пользу евреев, — рассказывает один свидетель, — совершалось вечером в одном кафе, где собралось более восьмисот человек: все присягнули на верность декретам Национальной Ассамблеи и обещали смотреть на евреев как на братьев...»²⁹

Зато в Метце, в «Journal révolutionnaire», которую издает Абраам Спир с 1789 г., он отмечает с некоторой грустью: «Это решение является оскорблением для евреев других провинций... Все опасаются оппозиции со стороны местных жителей. У них не родилось чувства, что они добились пользы для потомков этой счастливой эпохи. Наша надежда покоится на вмешательстве Божественной воли»³⁰.

1. Arch. Parl., XI, p. 364.

2. Там же.

3. Там же.

4. «Это предложение вызвало жаркий протест», там же.

5. Там же.

6. Там же. «Еврей объединился, чтобы существовать единой нацией, отде-

- ленной от французов Они никогда не пользовались положением активных граждан » Ничего более неверного, когда речь идет о евреях Бордо
- 7 Там же
 - 8 Там же
 - 9 Там же
 - 10 Там же
 - 11 Там же
 - 12 Там же
 - 13 Там же, с 365
 - 14 Journal de Duquesnoy, op cit , p 330 Речь идет об одном дальнем родственнике виконта де Богарнэ, гильотированного 23 июля 1793, супруг Жозефины
 - 15 1739-1809 Депутат от дворянства Артуа, приверженец Конституции, эмигрировал в 1792 сначала в США, затем в Индию, где и умер
 - 16 Здесь речь идет об авиньонских евреях, живущих во Франции Исконная враждебность между Авиньоном и Карпантрасом будет влиять на судьбу евреев, проживающих на территориях Понтификата Авиньон — город торговый, желал единения с Францией для увеличения товарообмена С апреля 1790 после выборов нового муниципалитета жители христиане и евреи братались, и было достигнуто гражданское равенство 12 января 1790 г Главный Совет Коммуны Авиньона отвергает авторитет папы и призывает к этому всю Францию Евреи Авиньона в результате декрета, принятого Национальной Ассамблеей 28 января 1790, вскоре получили все гражданские и политические права В Карпантрасе, напротив, враждебность против евреев оставалась В июне 1790 представительная Ассамблея Ком-та отказывается их признать в качестве граждан В ноябре 1790, когда отменяется для евреев обязательное ношение желтой шляпы, население реагирует и начинает грубо с ними обращаться на улицах Лишь весной 1791 исчезает явная дискриминация Cf R Moulinas, op cit , pp 149-160.
 - 17 Arch Parl , XI, p 365
 - 18 1760-1793 Судейский председатель парижского парламента, богатейший депутат от дворянства Парижа, патриот, один из авторов уголовного кодекса 1791 Депутат учредительного Собрания, автор одного из планов организации народного образования, голосовал за смерть короля, был убит одним из телохранителей в Пале-Рояле Его тело было помещено в Пантеоне
 - 19 1745-1794 Советник Парижского Парламента, один из вождей парламентской оппозиции королевской власти, избран дворянством Парижа, стал яростным врагом Революции Казнен при терроре
 - 20 Journal de Duquesnoy, op cit , p 328 Selon les Archives parlementaires, op cit , p 365 «В зале образовалась партия, справа от мсье Президента, группа из определенного числа депутатов, которая жарко противилась голосованию, требуя отложить обсуждение до другого заседания»
 - 21 Цитирует Леон Каан, op cit , с 72
 - 22 Там же, с 78
 23. 1747-1827 Главный хранитель королевского гардероба, депутат от дворянства в Генеральные Штаты, приверженец Конституционной монархии,

член клуба Фельянов Эмигрировал после 10 августа 1792 г Возвращается во Францию при Бонапарте, Людовик XVIII делает его пэром Франции Филантроп, член академии

- 24 Arch Parl , XI, p 365
- 25 Journal de Duquesnoy, op cit , p 74
- 26 Там же
- 27 «Journal de la deputation», op cit , p 74
- 28 «Несколько молодых людей образовали на бирже Бордо клику против евреев В тот же вечер она себя проявила, но все эти неприятности на том и закончились Евреи были удовлетворены, получив на завтра извинения от некоторых своих врагов» Arch Parl , XI, p. 520.
- 29 Там же
- 30 Op cit , с 82

Долгое ожидание

Единственные, кто пребывал в состоянии разочарования этой зимой 1790 г., были восточные евреи. Год спустя после созыва Генеральных Штатов, источника стольких надежд, шесть лет спустя после Декларации прав человека, итог Революции оставался для них негативным. В течение лета 1789 г. они прошли сквозь волну жестокостей, враждебности еще более сильной, чем при старом режиме. Идет ли речь о наказах третьего сословия или о декларациях восточных депутатов, они были избалованы, как ростовщики и чуждые французской нации. Дважды Ассамблея уклонялась от решений, когда надо было их признать гражданами. Если она, Ассамблея, колебалась, это значит, был повод для сомнений. Меняя свои решения, она тем самым давала своим противникам возможность побеждать.

Хуже того, признав для сефардов юго-запада и юга полностью все права французов, Ассамблея провела черту раздела между евреями: с одной стороны — ассимилированные сефранды — полностью французы, и с другой — ашкенази востока — особое, подозрительное население. Держась особняком, «португалыцы», ведомые искусными бордосцами, вышли из игры. Но также и они уменьшили шансы своих восточных «братьев» на то, чтобы те без отсрочки получили права гражданства.

В подобной сложной обстановке у восточных евреев не было иного выбора, как усилить политическую активность. Они знали, что на их стороне авторитет Декларации, — если Ассамблея должна будет высказаться о правах гражданства для них, она не сможет отказать им в этом без того, чтобы не отречься от Декларации прав

человека. Но обстоятельства сложились не в их пользу. Прежде всего сыграло роль равнодушие большинства депутатов к их вопросу, который им казался второстепенным. Таким образом, политическая борьба за эмансипацию становилась битвой за то, чтобы вопрос о восточных евреях был включен в повестку дня Ассамблеи. Для сторонников евреев получить право на то, чтобы их дело предстало перед Ассамблеей, уже было обещанием и почти уверенностью в успехе. И — наоборот — для их противников главное было все время откладывать дебаты.

В Парижской Коммуне

В своих действиях восточные евреи могли рассчитывать на одного союзника: на маленькое сообщество парижских евреев. Ничего определенного по отношению к ним решено не было. Но декрет от 28 января 1790 г. признал гражданами всех евреев «португалыцев, испанцев, авиньонцев», а также всех сефардов, которые обосновались в Париже. Оставалось решить судьбу нескольких сотен евреев ашкенази, живущих в столице.

Представленные сильным активным комитетом, евреи столицы пользовались поддержкой депутатов либерального дворянства Парижа, таких как Клермон-Тоннер, дю Пор и герцог де Ларошфуко. В рядах Парижской Коммуны их поддерживали весьма влиятельные личности — Бриссо и Кондорсе. Кроме того, в муниципалитете они имели пламенного защитника: Жака Годара.

Молодой адвокат Парижского парламента, он жил на улице Блан-Манто, в центре округа Кармелиток, где обосновалось большое количество евреев ашкенази. Он знает их проблемы, интересуется условиями их жизни и страстно желает их эмансипации. Он станет сборником дела евреев столицы. Основательно информированный¹, он поддерживает последовательные отношения с еврейскими лидерами Бер Исааком Берром из Нанси и Теодором Сер-Берром из Страсбурга², которые передают ему все документы, связанные с еврейским вопросом. Он принимает участие в редакции адреса, представленного в Национальную Ассамблею 26 августа 1789 г. Он составляет новый адрес от 24 сентября во время дебатов о гражданстве евреев³. Петиция от 28 января 1790 г. также частично его творение. Выбранный в сентябре 1789 г. в Ассамблею как представитель Парижской Коммуны, он рассчитывал, что она, Ассамблея, со своей сложной организацией по округам, образует столько островков муниципального⁴ суверенитета, что поможет продвигать дело евреев. Начиная с июля многие евреи уже числятся

в Национальной Гвардии, где и исполняют свой долг. Они вносят свой важный патриотический вклад: Гурвиц пожертвовал нации четверть своего состояния, Сер-Берр прислал часть своей серебряной посуды в Монетный двор⁵. Итак, население Парижа смотрит на них благосклонно. С другой стороны, долгожданные выборы на департаментские и муниципальные должности ставят в Париже с еще большей остротой, чем в провинции, основной вопрос, кто же может быть избирателями и избираемыми. Эти дебаты, взволновавшие столицу зимой начала 1790 г., позволяют свободно ставить вопрос о гражданстве евреев. А официальная поддержка Парижской Коммуны по делу эмансипации евреев принесет подкрепление Национальной Ассамблее.

В тот же день, 28 января, когда вопрос о гражданстве евреев юга дебатировался в Ассамблее, депутацию евреев ввели в состав Парижской Коммуны, заседавшей в Отель де Вилль⁶. Годар, покинув свое место, вышел к барьеру во главе делегации и зачитал текст, где «он разворачивал просьбу с присущим ему благородством и красноречием»⁷. Он напоминает о службе евреев в Национальной Гвардии, приводит как пример, поступок «всем известного Гурвица» и призывает Ассамблею высказаться за «бесповоротное упразднение всех предрассудков, которые больше всего бесчестят французскую нацию»⁸. Аббат Мюло, председательствовавший в этот день, отвечает в горячих выражениях, сказав, «что первым станет аплодировать за то, чтобы было принято благоприятное решение для вашей нации»⁹. «И как первое свидетельство всеобщего братства приглашает делегацию евреев остаться и присутствовать на заседании. Ассамблея аплодирует и переносит дискуссию на 30 января. Решающим было впечатление от выступлений Годара и Мюло¹⁰.

Назавтра, по-прежнему по инициативе Годара, на съезде избирателей для избрания выборщиков округа Кармелиток — «тот самый округ, в котором находится самое большое число евреев»¹¹, съезд собирается и единогласно принимает резолюцию: «Все евреи, поведение которых признано достойным, полностью преданные общественным интересам, отныне должны пользоваться правами активных граждан»¹². Незамедлительно резолюция была представлена в Ассамблею Коммуны: «Если евреи, живущие в Париже, до сих пор еще не считаются французами, — восклицает оратор депутации, — поверьте мне, мсье, они заслуживают, чтобы ими быть. Осмелюсь ли я сделать одно признание? Для нас они уже ими являются. Округ Кармелиток не захотел, чтобы они отличались от всех граждан. Они приняты в Советы, разделяют тяготы и честь военной службы»¹³. Аббат Мюло благодарит делегацию: «Ваш округ, протяженностью в несколько улиц, почти полностью насе-

ленных евреями, поэтому имеет большое значение, когда он выступает в их пользу»¹⁴. Другой священник, аббат Бертолио с жаром защищает дело евреев¹⁵. Он возмущается тем, что некоторые смеют ссылаться на жестокие условия их существования, чтобы не признавать их в качестве граждан¹⁶. По его просьбе Ассамблея голосует за то, чтобы «было дано евреям Парижа настоящее свидетельство общественности о хорошем их поведении, которое они всегда являли, об их патриотизме, которое они не раз доказывали»¹⁷. Ассамблея решает призвать все округа столицы высказаться за их гражданство. Годар горячо благодарит Ассамблею от имени евреев Парижа. И с чувством заключает, как это было принято в то время: «Благословим Революцию, которая всех нас сделала братьями...»¹⁸

Немедленно Годар предпринимает обход всех округов столицы. В сопровождении евреев Парижа он обращается к Ассамблее каждого округа, дает им почитать текст выступления председателя округа Кармелиток. Пример тем более убедительный, поскольку после этого округа и округа Сент-Женевьевы — больше евреи нигде не проживают. Все Ассамблеи высказываются в пользу евреев, исключение составляет квартал Матюрен, квартал старьевщиков Центрального Рынка, где боялись конкуренции¹⁹. 20 февраля Годар отчитывался перед Ассамблеей представителей Коммуны. Он сказал о почти единодушных пожеланиях всех ассамблей округов. 24 февраля он предлагает на рассмотрение проект адреса для Национальной Ассамблеи, адрес, который он составил сообща с тремя референтами: аббатом Клодом Фуше²⁰, аббатом Бертолио и де Буржесом²¹. Он напоминает о прецеденте с евреями-«португальцами», которые были признаны гражданами 24 января²². Этот адрес Годара был тут же единогласно принят Парижской Коммуной²³.

25 февраля депутация Коммуны торжественно вручает адрес в защиту евреев Парижа Национальной Ассамблее. Аббат Мюло, это он возглавляет депутацию, зачитывает адрес. Председательствует Талейран. Ответ его звучит многообещающе: «Мсье, Национальная Ассамблея считает своим священным долгом вернуть всем людям их права... В этом духе... станет она рассматривать справедливость доводов, которые вы изложили столь трогательно по делу евреев»²⁴. Ассамблея аплодирует. Затем Талейран приглашает делегацию, оказывая ей честь присутствовать на заседании. И принято решение отпечатать адрес Парижской Коммуны и ответ Ассамблеи.

Чувствую, что климат благоприятен, поборники эмансипации пытаются его использовать. 26 февраля евреи Люневилля и Саррегемина вносят новое предложение, в котором объявляют себя в полном единодушии с евреями Парижа²⁵. В тот же день герцог Ларошфуко-Лианкур просит Ассамблею зарегистрировать дату, в которую она решит вопрос о гражданстве евреев. Президент Тарже

возражает, замечая, что вопрос относительно евреев касается лишь «части людей»²⁶, тогда как Ассамблея должна решать вопросы организации правосудия, армии и финансов, т.е. те вопросы, «которые интересуют все королевство»²⁷.

И решение вопроса вновь отложено. Наступление Годара не удалось. Но все-таки то, что Парижская Коммуна высказалась за гражданство евреев, свою пользу принесло. Когда в 1790 г. будет подготовлен список избирателей и избираемых округов столицы, известное число евреев будет там фигурировать²⁸. Таким образом, фактически начиная с 1790 г. евреи Парижа пользуются правами гражданства.

1. Cf D. Feuerwerker, op.cit., p. 337.
2. Там же, с.с. 332 и 337.
3. Маркиз дю Пасторэ — юрист и известный писатель послал ему свою работу 23 октября 1789 г. «Моисей, как законодатель и моралист, опубликованную в 1788, поздравляя его за прекрасное дело, которое он будет защищать и которое его достойно». In D. Feuerwerker, op.cit., p. 337.
4. Съезд избирателей округа для избрания выборщиков, выработывал планы постановлений и резолюций. Их комитеты исполняли функции полиции. Таким образом они являлись очагами местной демократии. Cf. Lacroix, op.cit., т. III, p. 109.
5. Lacroix, op.cit., p. 153.
6. Journal de la Municipauté et des districts de Paris, № XLVI, p. 380.
7. Lacroix, op.cit., т. III p. 605.
8. Там же, с. 606.
9. «Ваша просьба имеет тенденцию к ликвидации всех пороков, в которых любили обвинять вашу нацию, и дать расцвести добродетелям, который вы тайно культивируете и открыть для государства новые источники богатства». in Lacroix, op.cit., т. III, p. 607.
10. 1749-1804. Представитель Парижской Коммуны. Патриот Послан в мае 1790 как посредник в графство Венессан. Депутат от Парижа в Законодательную Ассамблею. Арестован по подозрению в 1794. Во времена Консулата — генеральный секретарь префектуры Сены.
11. Там же.
12. Arch. Parl., X, p. 761.
13. Там же, с. 760.
14. Там же.
15. «Тщетно хотели заставить говорить Небо и религию Христиан, чтобы продолжать лишать евреев прав гражданства. Наша религия не предписывает ничего подобного». Там же, с. 762.
16. «Столь долго длились их беды, что неотлагательно надо их прекратить. Поспешим сделать так, чтобы они забыли преступления наших отцов...» Там же, с. 762.
17. Там же, с. 763.

18. Там же.

19. Ph. Sagnac, op.cit., p. 227.

20. 1744-1793 Проповедник короля, член Парижской Коммуны. Главный капеллан Национальной Гвардии, основатель социального кружка, большой патриот Епископ Каэна с апреля 1791. Избран в Законодательное собрание, затем в Конвент от Кальвадоса. Изобличен как соучастник убийства Марата, гильотирован 31 октября 1793.

21. 1747-1825. Адвокат, член Парижской Коммуны, депутат Конвента, член Совета Старейшин, затем судья.

22. «Разве вы не будете страдать, — пишет он, — когда в Париже, где евреи «португалыцы» поселены рядом с «немецкими», первые из них осыпаны милостями от нации /французской/, а вторые — презрением. Ни разум, ни свобода не могут долгие терпеть столь чудовищное неравное разделение...» In D. Feuerwerker, op.cit., p. 356

23. Arch. Parl., XI, p. 698.

24. Там же. Бриссо обращаясь к Ассамблее представителей Парижской Коммуны: «Этот адрес был получен под аплодисменты, которое заслуживает ваше усердие в деле защиты человеческого равенства в правах» astroix, op.cit., t. V, p. 593.

25. «Nouveau mémoire pour les Juifs de Lunéville et Sarreguemines», 26 février 1790, in Adresses et pétitions des Juifs, op.cit.

26. Arch. Parl., XI, p. 710.

27. Там же.

28. Cf. Kahn, op. cit. pp. 119-120.

Чтобы убедить общественное мнение

В марте, 22 числа 1790 г. вопрос о восточных евреях вновь возникает на Ассамблее. Должно ли ему посвятить следующее заседание? После дискуссии герцог Шуазель-Праслен просит отложить вопрос, что и было решено¹.

Отныне восточные евреи знают, что стратегия их противников состоит в том, чтобы запрещать любые дебаты об их гражданстве на Ассамблее. Выиграть время — это для них все равно, что выиграть партию. Как написал об этом один из депутатов Пфиеглер: «Будущим законодателям рассмотреть, если будет к тому нужда, петицию Эльзасских евреев»². И так, дабы не увязнуть в этом вопросе, нужно подключить общественное мнение к их делу с тем, чтобы заставить Ассамблею уделить этому внимание.

В течение зимы 1790 г. общественные дебаты развернулись во всю. Восточные евреи интенсифицируют усилия, связанные с передачей новостей. Их петицию от 28 января 1790 г., солидно

аргументированную и являющуюся полезным справочным документом³, широко распространяют.

Много и других красноречивых голосов поднимались в их защиту⁴, такие как аббат Ламурет, друг Мирабо. Резко и с чувством отвечает он аббату Мори, а Ассамблее напоминает о Декларации прав человека: «Вы больше не можете, — восклицает он, — отказывать им в гражданских правах без того, чтобы не поколебать основы вашего политического строя»⁵.

Главным образом евреи стараются убедить население восточных провинций. 8 февраля 1790 г. опубликовано «Письмо одного эльзасца о евреях Эльзаса». Оно отвергает аргумент, выдвинутый Реубелом перед Национальной Ассамблеей, согласно которому «предоставить евреям эльзасским права граждан, это значило бы вынести им смертный приговор»: «Само публичное обсуждение возможности резни многих тысяч человек может спровоцировать эту резню»⁶. В Страсбурге общество друзей Конституции поднимает вопрос об эльзасских евреях 27 февраля 1790 г. Доклад, представленный этому обществу⁷, не пренебрегая напоминаниями о принципах Декларации, имел целью убедить эльзасцев в том, что евреи далеки от того, чтобы приносить им вред, они станут приносить пользу. Доклад опровергает молву, распространенную в деревнях, согласно которой признание гражданских прав евреев повлечет за собой немедленную выплату всех долговых обязательств крестьянами. Напротив, предоставление евреям всякого рода деятельности станет источником процветания для Эльзаса.

И это оклеветать эльзасцев, если им приписывать замысел устройства резни евреев в случае их эмансипации. Доклад этот был принят целиком Ассамблеей клуба. И она адресует обществу друзей Конституции в Париж, «как выражение своих чувств и своего мнения в данной области, и при этом просит представить это Национальной Ассамблее»⁸. Это был ловкий политический ход. Он помог патриотам Страсбурга опровергнуть аргументы, выдвинутые эльзасцем Реубелом.

В Лотарингии молодой Гудшо публикует ответное письмо аббату Мори⁹. Бер Исаак Берр возражает монсенюру Ля Фару, который опубликовал доклад, в котором враждебно отзываясь о предоставлении евреям гражданских прав. Берр мгновенно реагирует, он снова повторяет аргументы от 28 февраля в защиту эмансипации¹⁰. И главным образом, он выдвигает удивительное предложение: евреи откажутся от избирательных прав в обмен на право оставаться в особых общинах, иметь в своем распоряжении раввинов и цадиков, как для гражданских, так и для религиозных нужд»¹¹. Берр обменивал гражданские права евреев, их участие в выборах, на сохранение их общинных организаций и на юридическую власть

раввинов. Более того, он прилагал большие усилия для того, чтобы «все евреи, живущие в провинциях Лотарингии, Эльзасе и Трех Епархий, с этим согласились и принесли эту жертву»¹². Разумеется, большинство восточных евреев были озабочены лишь тем, чтобы пользоваться всеми гражданскими правами, иметь право вступать в брак, приобретать имущество, торговать, свободно расселяться; к политическим правам они были равнодушны. Да и сколько из них полагали возможным в 1790 г. быть избранными мэром коммуны или судьей округа? Но с точки зрения принципов, предложение Берра было неприемлемым. Это значило бы согласиться с тем, что евреи могут быть гражданами по условиям ниже, нежели христиане и даже юго-западные евреи! И понятно, что племянник Бер Исаак-Берра, Яков Берр протестовал против необычного предложения своего дяди¹³. А между тем это предложение выражает горечь, даже усталость, которая овладела депутатами восточных евреев. «Кто бы сказал, что в апреле месяце 1790 г. евреи еще носили цепи рабства?»¹⁴

1. *Arch. Parl.*, XII, p. 70.

2. *Réflexions sur les Juifs d'Alsace*, par M. Pfiégler, député, député de cette province a l'Assemblée nationale, Paris, 1790, p. 16.

3. «Pétition des Juifs établis en France pour parvenir à l'entière jouissance des droits de citoyens», in *Adresses, mémoires...*, op.cit.

4. Годар выдвигает основной аргумент: «Евреи отнюдь не чужие во Франции. Они подданные этой Империи; стало быть, они есть и должны быть гражданами». Лишить евреев их прав, значит признать, что «во Франции евреи — не люди». Он добавляет, что если некоторые евреи «униженные», — это «дело народа, который дал им приют...; плод условий, в которые они были поставлены». Ни религия, ни религиозные праздники евреев не являются препятствием для того, чтобы им получить гражданство. Их эмансипация далека от того, чтобы вредить провинциям Востока, она им принесет пользу, т.к. евреи, освобожденные от пут, бросят ростовщичество и будут способствовать процветанию коммерции и ремесленничества. Петиция оканчивается красноречиво: «Выдающиеся представители нации — вы гуманны; итак, вы положите конец страданиям евреев. Вы справедливы, вы дадите им звания и права, которые они просят. Только поторопите время вашей справедливости...» *Arch. Parl.*, XII, p. 733. Петиция подписана шестью депутатами от трех провинций и Сер-Берром — бывший главным синдиком евреев.

5. Соображения по поводу гражданского положения евреев, адресованные в Национальную Ассамблею аббатом Лямуреттом», p.19, in *Lettres, mémoires...*, op.cit.

6. «Письмо некоего эльзасца о евреях Эльзаса мсье Реубелу — депутату от этой провинции в Национальную Ассамблею». in *Lettres, mémoires...*, op.cit., pp. 23, 24.

7. «Доклад прочитанный на Ассамблее Общества друзей Конституции 27

февраля 1790 г. по вопросу о гражданском положении евреев Эльзаса», с.с. 14 и 15. In *Lettres, mémoires...*, op.cit.

8. Там же.
9. «Письмо мсье Гудшо, еврея из Нанси, аббату Мори, депутату Национальной Ассамблеи по поводу предложения о непредоставлении евреям прав гражданства от 5 мая 1790 г. in D. Feuerwerker, op.cit., p. 371.
10. «После того, как Национальная Ассамблея издала указ о незыблительных правах человека, без различия христиан и евреев, после того, как она издала указ о том, что евреи португальцы, авиньонцы и т.д. включены в декрет о правах человека, она не может издать противоречащий указ для евреев, живущих в других частях королевства». «Письмо мсье Бер Исак Берра — негодянта из Нанси — натурализованный француз на основании королевских грамот, врученных монсеньору епископу Нанси, депутату Национальной Ассамблеи», с.18, in *Lettres, mémoires...*, op.cit.
11. Там же.
12. Там же.
13. Якоб Берр «Письмо монсеньору епископу Нанси 25 апреля 1790 г.» in D. Feuerwerker, op. cit., p. 368.
14. Berg Isaac Berg, op. cit., p. 5.

•Выпады против евреев

На самом деле предубеждение осталось, а враждебные силы оружия не сложили в Восточных провинциях. В Нанси евреи просят муниципалитет поддержать их выступление перед Ассамблеей, по примеру Парижской Коммуны. Муниципалитет медлит с ответом, но, наконец, решается 1 июня сказать, что нет оснований для того, чтобы дебатировать это ходатайство. В Эльзасе праздник Пасхи пробуждает «народный фанатизм»¹. Войска вынуждены защищать дом Сер-Берра. Капитан де Фуассак — командующий Национальной Гвардии города Фальсбурга, автор антиеврейских дореволюционных текстов, публикует «Защитительную речь в пользу миллиона граждан против губительного бича — ростовщиков евреев»². Он призывает «нового Титуса», чтобы уничтожить еврейскую расу.

Из Страсбурга исходили самые жестокие нападки. Уже в наказах третьего сословия в адрес Национальной Ассамблеи город просит усугубить постановления, принятые против евреев в грамотах от 10 июля 1784 г. И тщетно евреи публикуют в феврале 1790 г. обращение к народу Эльзаса, подтверждающее, что они будут соблюдать отсрочку платежей своих должников, предписанную высшим Советом Кольмара в 1787 г. Они смиренно обещают «духовно преобразиться» — «Ах, только не теряйте надежды увидеть благотворную перемену в наших нравах...» — если по примеру Бордо, им будет

дано равенство в правах³. Противники евреев в Страсбурге намеревались вызвать широкое движение общественного мнения против них и провоцировали широкий опрос всенародный по поводу гражданских прав евреев: «В пятнадцати паритетных ассамблеях, составленных из лиц всех сословий, было самое полное единство против подобного принятия»⁴. Послание в Национальную Ассамблею было составлено и принято муниципалитетом. Он содержал суровое обвинение евреев Лотарингии: в Лотарингии «сто восемьдесят еврейских фамилий получили от Станисласа благословение на права гражданства и тем не менее, начиная с 1751 г., едва пять или шесть семей смогли заняться честной или признанной торговлей...»⁵ также, с момента Королевских Грамот 1784 г. в Эльзасе «евреи, воспользовавшись предоставленными им льготами, пренебрегли возможностью изменить в лучшую сторону свою репутацию»⁶. Напрашивается вывод: «Опыт... заставляет нас опасаться того, что пороки, которые мы ставим им в вину, присущи их особому характеру и возможно, законам, которые они от нас скрывают...»⁷

После подобной ссылки на некий тайный пакт евреев, Коммуна Страсбурга объявляет, что для евреев в городе нет ни единого места. Сельское хозяйство? Оно не существует и, кстати, евреи его презирают. Ремесла? И так уже не хватает работы для христиан. Искусства? Оно процветает только с роскошью, а теперь царит кризис. Коммерция? Она требует добросовестности, а «всем известно, что евреи существуют за счет противоположных качеств»⁸. И для евреев осталось последнее: ростовничество и торговля поддержанными вещами. Естественно, напрашивается вывод: «Если вы желаете нашего счастья, то оно непосредственно связано с неприятием евреев в нашем городе как граждан»⁹. Муниципалитет Страсбурга выражает дополнительную просьбу: пора положить предел терпимости, в силу которой Сер Берру и его семье разрешено было обосноваться в городе¹⁰.

Адрес этот был подписан мэром Страсбурга Дидрихом и 15-ю избранными членами муниципалитета; он был представлен в апреле 1790 г. в Национальную Ассамблею. Еврейский вопрос должен был рассматриваться 16 на вечернем заседании. Верный своей тактике, аббат Мори предлагает отложить дебаты. Как он говорил, он предполагает представить докладную записку, касающуюся евреев и было бы справедливо, чтобы они ознакомились с нею, с тем, чтобы иметь возможность ответить. Реубел идет еще дальше: он просит отложить до окончательной организации общественной власти, т.е. на самом деле до завершения Конституции.

И тогда вступил герцог Ларошфуко из Анвиля¹¹, пользующийся большим моральным авторитетом в Ассамблее. Он желает, чтобы Ассамблея установила окончательную дату решения восточного

еврейского вопроса. Он напоминает об угрозах, которые нависли над ними и которые исчезнут лишь с решением этой проблемы. К тому же, — добавил он, — «в самом Эльзасе ждут с нетерпением, когда их объявят гражданами и уже некоторые Коммуны зарезервировали для них их часть в разделе благ коммуны»¹². Ассамблея ограничивается тем, что переадресовывает вопрос в Конституционный Комитет.

Евреев Эльзаса взволновало это последовательное откладывание решения вопроса, которое само по себе поддерживало враждебный климат. 16 апреля Теодор Сер-Берр доставил на имя президента Ассамблеи письмо, в котором были перечислены все «угрозы и обиды», испытанные ими в Эльзасе и, в частности, в Страссбурге. Он просит Ассамблею призвать муниципалитеты к тому, чтобы они уважали декрет от 28 сентября 1789 г., который ставил евреев Эльзаса под защиту закона. Редерер выступил с тем, чтобы предложить декрет, «приказывающий муниципалитетам и национальным гвардиям защищать, всю данной им властью, евреев и их имущество»¹³. Декрет был тут же принят Ассамблеей. Тем не менее 20 апреля 1790 г., когда она изучала все то, что касалось пограничных департаментов и морских городов; условий, принятых для того, чтобы быть французом и пользоваться правами активных граждан, Ассамблея остерегалась упоминать то, что касалось евреев восточных провинций. Напротив, за декрет проголосовали и ничего не было решено по проблемам евреев, вопрос этот опять был отложен¹⁴. Тем не менее все аргументы были высказаны приверженцами и противниками эмансипации. А от какого-либо решения Ассамблея уклонилась.

И если она так нерешительна, то причина в том, что вопрос об эмансипации евреев был ловко использован противниками Революции и она была втянута в обсуждение более широких политических вопросов. В течении лета 1790 г. были приняты необходимые меры по продаже церковного имущества. По примеру Мори, монархическая пресса, воодушевленная резким антииудаизмом, распустила слух о том, что евреи как только получают гражданство, начнут скупать церковное имущество. Таким образом они за бесценок завладеют поместьями, принадлежавшими церкви. И народ, распявший Христа, станет владеть Божьими домами! Этим утверждением хотели вызвать ярость против возможных кощунственных приобретений и зависть по отношению к прибыльным операциям. Некий журналист даже так описал намерения евреев: «покупатели готовы, они ждут, когда им отдадут их добычу»¹⁵. Другой, в Париже, пишет: «Потомки Аарона, Моисея, Илии завладеют спокойными и радостными убежищами учеников Св.Брюно, Св.Бенуа, Св.Франциска... Там, где вы видели необрезанных

монахов, вы увидите обрезанных ростовщиков... Одно общество еврейских капиталистов предложило 800 000 ливров за Шартре в Париже, откуда следует, что это стоит в два раза больше»¹⁶.

Один эльзасский депутат представитель духовенства, заявил своим избирателям: «Продажей церковных владений вы будете низведены в нищенство, евреи приобретут владения, которыми вы пользуетесь и из которых извлекаете выгоду»¹⁷. Организуется целая кампания для изобличения коррупции в среде депутатов патриотов — приверженцев эмансипации, которые, якобы продались евреям! Так вот «L'Orateur du Peuple», монархический орган описывает: «Байи, Ле Шапелье, Лафайет, Малуе, Барнаве и другие депутаты взвалили на себя дело евреев за сумму в 72 000 ливров серебром»¹⁸. После дебатов 28 января 1790 г. карикатура в монархическом органе изображает Талейрана, восклицающего перед евреем, протягивающим ему кошел с золотом: «Король евреев, ты это возьмешь...»¹⁹ Аббат Грегуар, конечно, является излюбленной мишенью клеветников. Для «Le Journal de la Cour», он — «иудеистический прелат». Для «L'Ami du Roi» — «раввин Грегуар»²⁰. И всегда этому сопутствует обвинение во взяточничестве. «Если бы я взял миллионы от негров, да к ним прибавить еще и миллионы от евреев, то можно было бы меня причислить в разряду Крезов...»²¹

1. *Le Courier de Provence*, t. VII, N. CXXII, p. 407.

2. Cf. D. Feuerwerker, *op. cit.*, pp. 363-364.

3. «Адрес эльзасских евреев к народу Эльзаса», с. 4, в *Adresses, mémoires...*, *op. cit.*

4. *Arch. Parl.*, XII, p. 711.

5. Там же, с. 713

6. Там же. Возмущенные подобными утверждениями муниципалитета Страссбурга, евреи Лотарингии публикуют весьма выразительный ответ. Они в нем напоминают, что искусством и ремеслами было им запрещено заниматься, что они могут владеть лишь домами, в которых живут, что их отягощают налоги. Cf. D. Feuerwerker, *op. cit.*, p. 370.

7. Там же, с. 714.

8. Там же.

9. Там же.

10. *Arch. Parl.*, XIII, p. 69.

11. 1743-1793 Друг Кондорсе и Лафайетта — депутат от дворянства Парижа, патриот. Президент парижской Директории при Законодательном Собрании, растерзан толпой в сентябре 1792.

12. Там же, с. 69. Прежде всего герцогу де Лярошфуко было плохо информирован эльзасские муниципалитеты, одобренные им, бурно протестовали: «Принимая во внимание, — говорится в одном из протестов, — что наше желание заключается в том, чтобы евреи никогда не стали активными

гражданами в нашем сообществе, потому что это бесспорно приведет к нашему разорению...»

13. *Arch.parl.*, X111, pp. 76-77.
14. *Le Courrier français*, t.V, № 121.
15. *Gazette universelle*, № 142, 30 janvier 1790 г.
16. *l'Observateur de Feydel (La Reynie)* du 27 février 1790.
17. *In Ph. Sagnac*, op. cit., p. 230.
18. *Cf/ Kahn*, op.cit. p. 57.
19. *La Rodeur français*, N. 26, du 6 février 1790.
20. *Cf. Kahn*, op.cit., pp. 63-64.
21. Grégoire, *Mémoires*, Paris, 1837, tome I, p. 393.

Увертки Ассамблеи

В мае 1790 г. во время дебатов в Национальной Ассамблее по вопросу о статуте Парижа, для защитников евреев вновь представилась okazия взять инициативу в свои руки. Один из представителей Парижской Коммуны — де Буржес адресует конституционному комитету Ассамблеи письмо, где требует немедленного признания гражданских прав евреев. Он вручает копию Ассамблее представителей Парижской Коммуны. Назначены три члена для составления доклада: Кондорсе, Бриссо и Робен — все благосклонно настроенные к эмансипации евреев. 21 мая 1790 г. Бриссо зачитывает перед Ассамблеей Коммуны текст доклада: «Поистине достойно было бы Коммуне, в рядах которой сверкала философская мысль даже во времена деспотизма, взять в свои руки дело жертв невежества именно тогда, когда другая Коммуна, впадшая в заблуждение, стремится их преследовать»¹. Один из представителей Коммуны — Руссо, возвратившийся из Эльзаса, протестует: «Это значило бы создать для них тепличные условия, в случае если Ассамблея их поддержит, тогда как опасаться надо крестьян с их фанатической ненавистью к евреям — как бы они их не уничтожили»². Среди других членов аббат Мюло с жаром берется защищать евреев. Коммуна ставит на голосование послание, предложенное Бриссо, Кондорсе и Робеном. И Коммуна не остается равнодушной. 13 июня евреи Эльзаса адресуют ей новую петицию. Ее зачитывают на Ассамблее. Но Ассамблея тут же переадресовывает ее в Конституционный Комитет...

Тем не менее некоторые проблемы, связанные с положением евреев на Востоке, пребывать в прежнем состоянии не могут. В частности, евреи Метца уже с лета 1789 г. просят Ассамблею, чтобы она упразднила «право на защиту в сумме 20 000 ливров в

год, взнос которые они выплачивают ежегодно дому Бранка, упразднить, поскольку тому нет никакого законного основания ни в правах человека, ни в законах королевства»³. Вопрос, казалось бы был давно решен декретами, за которые проголосовали в Ассамблее в ночь 4 августа, декреты, лишающие всех привилегий, налогов и особых прав. Герцог де Бранка лично опубликовал в январе 1790 г. опровержение на заявление общины Метца относительно этого налога в 20 000 ливров в год⁴, но одновременно потребовал через суд выплаты недоимок с этой суммы⁵. Комитет по вопросам имущества занимался рассмотрением этого вопроса.

20 июля 1790 г. представитель комитета мсье де Висли представляет Ассамблее решение Комитета⁶. Налог Бранка — заключает он, — не может быть приравнен к правам неожиданной прибыли, поскольку право это разрешает получать наследство умерших в королевстве иностранцев, а евреи Метца являются французами. Таким образом, налог, пожалованный семейству Бранка является «в чистом виде денежной благодарностью»⁷. После ночи 4 августа и декрета от 6-11 августа 1789 г. никому не может быть дано никакого права на «защиту». Итак, комитет по вопросам имущества предлагает уничтожить этот налог. Он даже идет дальше и прочит уничтожить безвозмездно все налоги в королевстве, направленные против евреев.

Ассамблея тут же принимает предложение Комитета и издает указ о безвозмездной отмене налога Бранка и всех повинностей подобного рода, которые взимались в других местах с евреев, под чьей бы властью они ни находились⁸. Единственный голос поднялся против декрета, это был голос Реубела⁹ — грозного врага евреев¹⁰. Таким образом, существенная сторона древнего статута евреев исчезает вместе с исключительной налоговой системой, которая их отягощала во времена Старого Режима.

Но одно дело упразднить особый налог, который ударял по нации, а другое — объявить евреев гражданами. В 1790 г. на этот окончательный шаг большинство Ассамблей все еще не решалось. Ассамблея охотно готова была упразднить вековые несправедливости, связанные со статутом евреев. Но она не осмеливалась объявить, что они стали равными христианами. 12 августа 1790 г. появляется «Инструкция» Национальной Ассамблеи, касающаяся выборов на административные должности. Первая статья указывает точно: «Среди евреев только те, кто известен под именем евреев португальских, испанских и авиньонских будут активными гражданами и избираемыми согласно декрета от 28 января 1790 г.»¹¹. Также, 11 сентября 1790 г. по поводу новой организации судейской власти, когда Ассамблея объявляет, что не католики могут получить доступ ко всем судейским должностям, она уточняет после доклада

Турэ, что «Ассамблея не может заранее предрешишь относительно евреев, т.е. их положения и пока воздерживается от высказывания по этому поводу»¹².

В подобной ненадежной ситуации евреи, те, которые получили при Старом Режиме Королевские Грамоты о «натурализации», объявляющие их французами и подданными короля, предпринимают шаги, дабы заставить признать свое гражданство Давид Сильвейра, представитель евреев «португальцев» в Париже, очень смело поставил вопрос перед Конституционным Комитетом Ассамблеи, где заседали как раз Талиран, Ле Шапелле, Рабо Сант-Этьен, Тарже¹³ — все благосклонно относящиеся к делу евреев 28 октября 1790 г. Комитет публикует «решение», подчеркивающее, что «Национальная Ассамблея пока не хотела заниматься положением евреев, но она закрепляет тот принцип, по которому все те, кто под Старым Правительством получили легальное право жительства, должны и теперь этим правом пользоваться. Итак, несомненно то, что евреи, владеющие особыми Королевскими грамотами, могут как и евреи португальские, испанские и авиньонские, ссылаться на декрет от 28 января»¹⁴.

Несмотря на эти точные меры, осенью 1790 г. *statu quo* нарушено. Таким образом, дело об эмансипации евреев существенным образом не продвинулось с 1789 г. 28 января 1790 г. Учредительное собрание признало на самом деле за евреями «португальцами» лишь права, которыми они уже пользовались при Старом Режиме. Бесспорно, из подданных они стали гражданами. Но эта эволюция выражает лишь главное изменение, происшедшее в нации. И если в их правах и есть прогресс, то это не столько у евреев, сколько у французов. Что же касается главного вопроса — гражданства восточных евреев, то Национальная Ассамблея продолжает от его решения уклоняться.

Патриоты, желавшие эмансипации евреев, коренным образом разделились из-за личных амбиций. Бесспорно Адриан Дю Пор имеет все усиливающееся влияние вместе с Барнавом и Александром де Ламетом — все они образуют «триумvirат». Но Лафайет, популярность которого находилась в зените, ревнует. А Мирабо, перешедший на службу, ко Двору, борется с «триумvirатом», продолжая ненавидеть Лафайета. Но самое важное это идеологический конфликт между патриотами по поводу прав для цветных людей. Барнаве, друг братьев Ламетов, владеющих плантациями и рабами в Сан-Доминго, предстал защитником колонистов. Они противятся не только уничтожению рабства, но и признанию гражданства для цветных людей. А ведь это дело дорого, среди прочих, патриотам самым воинствующим, в частности, членам общества друзей

Черных — аббату Грегуару, Кондорсе, Бриссо, Ларошфуко и передовым демократам, таким как Робеспьер или Петион.

Одновременно противники эмансипации евреев находят существенную поддержку во все возрождающейся враждебности Церкви и верующих, всей политике Ассамблеи. Уже продажа церковного имущества была поводом для противников Революции — они использовали это, чтобы мобилизовать антииудаистские вековые настроения, описывая, как стремительно кинулись евреи на приобретение церковных владений. Признание гражданских прав для протестантов в декабре 1789 г., а позже для евреев юго-запада в январе 1790 г. — волнует Церковь, которая видит в этом признаки полной секуляризации королевства Франции. Бурную компанию ведет антиреволюционная пресса на тему: права протестантам и евреям и никаких прав для Церкви, которую грабят, а католических священников закабаляют. «Твои короли, о народ, — пишет «*Journal de Louis XVI*», — отказывают министрам государственной религии в терпимости, в отдалении, который дается евреям, лютеранам, кальвинистам...»¹⁵. «*Le Journal de la Cour et de la Ville*» добавляет: «Вы хотите возвести на трон кальвинизм, иудаизм, лютеранство? Но, по крайней мере, из милосердия, сообразуйте терпеть эту несчастную католическую религию!»¹⁶. И согласно моде тех времен в стихах изобличают триумф евреев:

Роковым декретом, о христиане,
Чтобы стать гражданином надо соблюдать обычаи еврейской
религии,
Вместо священников будут у нас иудей ростовщик,
Наглый софист, протестант и безбожник»¹⁷.

Конфликт противостояния церкви патриотам развивался и тем самым парализовал все решительные меры в пользу евреев. Это и объясняет новые отсрочки, решения вопроса об их гражданстве болшеинством Ассамблеи.

Голосование Гражданской Конституции Духовенства 17-го июля 1790 г. еще сильнее усложняет путь к эмансипации. Гражданская Конституция предусматривает, что епископы и кюре могут быть избраны Ассамблеей из числа «гражданских выборщиков», выдвинутые активными гражданами из среды избирателей, хотя закон и не требует, чтобы эти «избиратели» были католиками. Признать гражданство евреев — это сделать их участниками в выборе этих избирателей. Хуже того, это признать за ними возможность быть избирателями епископов и кюре! Таким образом — отныне они смогут получить доступ к карьере священников католической Церкви! Подобная перспектива может лишь ожесточить еще сильнее верующих, связанных с Римской Церковью. И она запрещает, в

ближайшем будущем, любые дебаты, связанные с эмансипацией евреев.

Тем не менее, их приверженцы, из числа самых решительных, сдаваться были не склонны. С 18 по 30 января 1791 аббат Грегуар назначен председательствовать в Национальной Ассамблее. Момент, казалось бы благоприятный для того, чтобы попытаться вырвать у Ассамблеи почти хитростью, декрет в пользу евреев. 18 января на вечернем заседании, обычно менее посещаемом, депутат Мартино¹⁸, член Церковного Комитета, предложил, чтобы «декрет от 28 января 1790 г. был бы применен без различия ко всем евреям, получившим Королевские Грамоты гражданства, где бы они ни проживали.»¹⁹. Это значило бы, что Ассамблея брала на себя поручительство за решение Конституционного Комитета от 28 октября 1790 г. Но Мартино идет дальше и добавляет, что «все те, кто отвечают требуемым данным по закону должны пользоваться правами активных граждан»²⁰. Это была бы всеобщая эмансипация. Предложение это не входило в повестку дня и противники эмансипации всколыхнулись.

Принц де Брогли восстал против «всей этой, уже давно подготовленной интриги четырьмя или пятью могущественными евреями из Нижнерейнского департамента»²¹. Он изобличает: один из них, среди прочих, приобрел себе состояние в ущерб государству, и уже давно раздает значительные суммы в столице, чтобы создать себе защитников и поддержку»²². Совершенно очевидно, что речи эти направлены в Сер-Берра. Но он бросает тень подозрения на всех сторонников евреев. Воссоздавая затем напряжение в Эльзасе, «город Страсбург в брожении»²³. Принц де Брогли просит, чтобы предложение Мартино было передано Конституционному Комитету и чтобы оно было внесено в порядок дня. Другой депутат — мсье де Фолевиль, который тщетно предлагал себя вместо аббата Грегуара председательствовать в Ассамблее, коварно подчеркивает, что эта замена тем более заставит признать, «что, если проект Мартино будет принят под председательством аббата Грегуара, то последнего на основании этого можно было бы обвинить в злом умысле»²⁴. И в ущерб мнению Грегуара передача проекта Комитету была решена значительным большинством.

В мае 1791 г. вопреки усилиям Барнаве, Ассамблея предоставляет политические права мулатам, рожденным от свободных матери и отца. Завершается раскол голосов патриотов при голосовании. И это возвращает доверие приверженцам эмансипации настолько, что выработка избирательных списков в Париже, имея в виду будущие выборы в законодательную Ассамблею, предусмотренные новой Конституцией, дает евреям случай вновь предпринять очередную демарш. 16 мая 1791 г. адрес, который они составили,

прочитан на Национальной Ассамблее. В нем они подчеркивают непоследовательность законодательства. В Париже в одних и тех же домах, порою даже в одних и тех же семьях, в зависимости от того, кто они: бордосцы или эльзасцы — они либо пользуются, либо лишены права голоса! Адрес этот просто был передан Ассамблей для сведения в муниципалитет Парижа. 26 мая 1791 г. муниципалитет пишет в Национальную Ассамблею: «Категорически поторопиться и распространить на евреев столицы все последствия благодетельных принципов, которые она только что распространила на свободу религиозных воззрений»²⁵. Тщетно.

21 июня король с семьей тайно покидают Париж; остановленные в Варенне, их препровождают под усиленной охраной 25 июня в Тюильри. В этой буре, которая была вызвана бегством суверена, какое им дело до гражданских прав евреев Востока.

1. Lacroix, op. cit., tome V, p. 585

2. Там же, с. 596.

3. «Особая записка, составленная Исааком Бер Бингом, одним из членов общины и адресованная этой общине евреев, обосновавшихся в Метце», с.24, в *Adresses, mémoires...*, op.cit. Cf. Arch. Parl., 14avril 1790. XII, p. 733.

4. *Mercur de France*, 16 janvier 1790, p. 135.

5. *Arch. Parl.* XII, p. 732, note. 1.

6. *Arch. Parl.* XVII, p. 215.

7. Там же, с. 217.

8. *Arch. Parl.*, XIII, 219. Отмена налога Бранка отнюдь не разрешила все финансовые трудности, которые обременяли общину Метца. Ей пришлось взять в долг большую сумму: 429 000 ливров, чтобы оплатить налоги и пошлины, которые висели на общине. Все члены общины были ответственны за урегулирование этого дела. Вот откуда опасение нотаблей общины, в случае, если евреи покинут Метц, получив новые права — придется расплачиваться самим. Ассамблея, уяснив дело, передала его в свой Комитет по финансам. Комитет предложил переслать все это в Директорию Метца для решения всех спорных вопросов, которые могут возникнуть. И Ассамблея по этому поводу приняла декрет 20 мая 1791 г. Cf. D. Feuerwerker, op.cit., p. 417

9. Назавтра же 21 июля 1790 г. Реубел перешел в наступление. По его мнению евреи платили в трех провинциях только за право защиты, проживания и за то, что их терпят. Освободить их от этих налогов, — заявил он, — это на самом деле освободить от всех налогов, что противоречит принципу равенства, провозглашенному Декларацией прав человека. Ложный аргумент. Началась дискуссия о значимости декрета: вступили в спор Дю Пор, Реньо и Бриуа де Баметц — они отвергали требования Реубела. И тогда Ассамблея приняла окончательный текст декрета, отменяющий все взимаемые налоги с евреев *Arch. Parl.*, XIII, p. 219.

10. По словам Адриана Дюкеснуа *Journal*, op.cit., с.330.

11. In D. Feuerwerker, op.cit., p. 379.

12. Там же, с. 380. Cf. Sagnac, op.cit., p. 232.
13. 1733-1807. Адвокат, депутат от третьего сословия Парижа, один из авторов Конституции 1791. Отказался защищать Людовика XVI. Судья Трибунала по кассациям с 1797 до смерти.
14. In D. Feuerwerker, op.cit., p. 381.
15. Kahn, op. cit., p. 48.
16. Journal de la Cour et de la Ville, 18 janvier 1791.
17. Там же.
18. 1754-1835. Депутат от Вены в Законодательное Собрание, а затем в Конвенте. Жирондист, голосовал за смерть короля за обвинение против Марата.
19. Arch. Parl, XXII, p. 318.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. In D. Feuerwerker, op.cit., p. 385.

ГЛАВА VIII

В последний момент...

«Все что несправедливо
существовать не может»

Адриан Ди Пор

21 июня... Евреи Востока! Перестрелка на Марсовом поле. 1 июня — Лафайет и Байи стреляли в толпу, тем самым завершили раскол в среде патриотов. Странники евреев перешли к нападению. Клермон-Тоннер со своей стороны сжигает все, чему поклонялся: публикует критику на Декларацию прав человека, желая, чтобы политические права были предоставлены тем, кто докажет не только свое положение собственника, но также то, «что обосновался он в стране определенное число поколений назад...»¹. Аббат Грёгуар погрузился в борьбу за права цветных людей. Дело эмансипации евреев казалось окончательно брошенным. И, действительно, на протяжении всего лета пересмотр конституции протекает без малейшего намека на это дело.

3 сентября эти дебаты заканчиваются. 14 король принимает все поправки. В эти последние минуты Национальная Ассамблея, казалась себя исчерпала. «Она за два с половиной года прожила несколько веков, — писал Мишле, — она пернасытилась и стремилась к своему концу». Справа — неясные последствия эмиграции, отставка большого числа консервативных монархистов, слева — молчание демократов после перестрелки 17 июня и преследования республиканцев — все склоняется к тому, чтобы оставить «Триумвират»: дю Пору, Барнава, Ламета и их друзей «конституционалис-

тов», перегруппированные в лоне клуба фельянов и чтобы власть осталась в Ассамблее за ними.

И вот в подобном, необычном климате агонизирующей Ассамблеи возникает вновь, почти неожиданно, вопрос о гражданстве евреев. 27 сентября на утреннем заседании Ассамблея принимает декрет, запрещающий гражданам «пользоваться уничтоженными знаками отличия или титулами, а также облачать в ливреи слуг или украшать кареты гербами»². После того, как была отдана дань равенству Адриан дю Пор просит слова для «очень короткого замечания»³. Он напоминает, что Конституция, которая только что была ратифицирована, «установила необходимые качества для того, чтобы стать французским гражданином, и затем для того, чтобы быть активным гражданином»⁴. Поскольку декрет об отсрочке, изданный по поводу евреев наносит ущерб главному распоряжению, дю Пор предлагает, чтобы Ассамблея его отменила и чтобы евреи стали активными гражданами при условии исполнения условий, предписанных Конституцией. «Я думаю, — добавляет он, — что свобода культа не может служить никаким различием между политическими правами граждан и их верованиями. А также я думаю, что евреи не могут быть единственным исключением среди тех, кто пользуется этими правами, в то время как язычники турки, мусульмане и даже китайцы допущены к ним»⁵.

Тут же просит слова Реубел и выступает против предложения дю Пора. Рено де Сан-Жан-Д'Анжели⁶ протестует, заявляя, что «сражаться против предложения дю Пора, значит сражаться против самой Конституции»⁷. Председательствующий Турэ тут же закрывает дискуссию и ставит вопрос на голосование. И «Ассамблея принимает предложение дю Пора под аплодисменты»⁸. Реубел иронически замечает, что Ассамблея в спешке проголосовала за декрет, не установив его текста. Соразмерив обоснованность критики, президент приглашает дю Пора изложить письменно свое предложение. И указ этот тут же принят: «Национальная Ассамблея, полагая, что необходимые национальные условия для того, чтобы стать французским гражданином и гражданином активным, зафиксированы Конституцией и всякий человек, соответствующая вышеназванным условиям, дает соответствующую клятву и обязуется выполнять тот долг, который вменяет Конституция, и они, эти граждане, пользуются всеми преимуществами, которые Конституция обеспечивает, отвергая всякую отсрочку и исключения, внесенные в предыдущие декреты относительно лиц еврейского происхождения, которые дадут гражданскую клятву»⁹. Понадобился лишь час на дебаты. Отныне все французские евреи стали гражданами.

Неумолимые противники — восточные депутаты назавтра,

28 сентября, возобновляют вчерашнюю попытку; выступает принц Брольи. Он напоминает о губительных последствиях, которые этот декрет не замедлит вызвать в Эльзасе. Выходит, что евреи получают гражданские права французов, сохраняя все преимущества своих законов и особых институтов? Поскольку евреев принимают в гражданство, они, по крайней мере, должны отказаться от своего особого положения. Итак, принц Брольи предлагает, чтобы «принятие гражданской присяги со стороны евреев считалось формальным отказом от гражданских и политических прав, которым они считают себя обязанным подчиняться»¹⁰. Один из депутатов заметил, что гражданские права евреев, на самом деле являются законами религиозными и нельзя просить их отречься от своей веры. Замечание кажется справедливым. Однако проект декрета был сформулирован, изменен текст принятый накануне, где уточнялось, что гражданская клятва «будет считаться отказом от всех привилегий и исключений, введенных прежде в их пользу»¹¹. Ассамблея принимает этот декрет, она желает эмансипации евреев, но также и их ассимиляции. Она только что согласилась с первым и намерена осуществить второе.

Казалось все было сказано, когда вновь просит слова Реубел, чтобы высказать кое-какие соображения по поводу редакции декрета. На Ассамблее поднялся ропот нетерпения. Но Реубел тут же напоминает вечное обвинение против евреев — в коррупции: «Если вы отказываетесь от всякой дискуссии, можете быть убеждены, что на моей земле враги общественного блага заставят верить жителей, что ростовщики нашли в Париже могущественных покровителей»¹². И голосом полным драматизма, он восклицает: «Если Ассамблея не хочет принять это во внимание, я буду считать ее ответственной за все те волнения, которые вчерашний декрет может вызвать в Эльзасе в момент, когда строптивые священники удвоят свои фанатические интриги!»¹³ Потеряв терпение, президент дает ему слово. Реубел тут же переходит к денежному вопросу: «Целый класс — многочисленный и несчастный, живет под гнетом еврейских ростовщиков». Безапелляционно он объявляет, что «евреи в данный момент являются кредиторами от 12 до 15 миллионов французского народа». Он добавляет: «Если даже объединить всех дебиторов, они не станут обладателями трех миллионов, а даже евреи не те люди, которые одолжат 15 миллионов трем миллионам неимущих, и вы удостоверитесь, что на эти доверенности приходится по меньшей мере 12 миллионов ростовщического процента»¹⁴. Итак, Реубел просит, чтобы в Эльзасе все евреи обязаны были вручить местной администрации перечень кредитов предоставленных ими христианами. И власти оценят в состоянии ли эти дебиторы выплатить эти долги. А затем законодательная Ассамблея примет

нужные решения. И Реубел восклицает «Сделайте так, чтобы мы, наконец, могли сказать нашим соотечественникам, что вы охотно захотели прийти им на помощь, и что Национальная Ассамблея также хорошо расположена к ним, как и к евреям»¹⁵.

На самом же деле Реубел хотел запретить евреям получать выплаты их кредитов, рассматриваемых как ростовщические, и одновременно укрепить свой собственный политический кредит в Эльзасе. Демарш был ловким отказом в защите христиан против евреев ростовщиков в тот самый момент, когда те получали права гражданства, было политически трудно. Итак, Ассамблея проголосовала за декрет, предложенный Реубелом. Парадоксально — борьба за эмансипацию евреев кончилась таким образом крайней степенью недоверия по отношению к ним.

«Ассамблея, — писала на завтра мадам Элизабет — сестра короля, — своему другу — положила предел всем глупостям и всем вопросам, связанным с верою, дав евреям права быть допущенным к любой деятельности»¹⁶. Тем не менее пресса приняла эту новость равнодушно. После напряжения лета 1791 г. страна впитывала покой и ждала от новой Конституции облегчения в политической жизни. Все взоры были обращены к Законодательной Ассамблее, которая должна была собраться 1 октября. Время страстей, казалось, пройденным. Лишь несколько умеренных и патриотических газет упомянули о признательности евреев за полученное гражданство¹⁷. Даже в Страсбурге новость была воспринята без «сенсации», которой опасались добрые патриоты¹⁸.

1 Charles Du Bus, op cit , p 463.

2 *Arch Parl*, tome XXXI, p 372

3. Там же

4 там же

5 Там же

6. 1761-1819 Адвокат, депутат от третьего сословия, умеренный патриот, Граф и президент внутренней секции Государственного Совета при Империи

7 Там же

8 Там же

9 Там же

10 *Arch Parl*, XXXI, p 441

11 Там же

12 Там же

13 Там же

14. Там же.

15 Там же

16 Фердинанд Дрейфус «Как евреи стали французскими гражданами» *Revue politique et parlementaire*, juillet-septembre 1900, XXV, p 588

17 Cf Kahn, op cit , p 112

18 *Le Mercure universel*, 17 octobre 1791

Почему?

В эти последние дни Учредительного Собрания какие собственно соображения руководили дю Пором и его друзьями, дабы Ассамблея провозгласила декрет о гражданстве евреев? Бесспорно, дю Пор всегда поддерживал дело эмансипации. Старый парламентский деятель — юрист, одновременно и бескомпромиссный и смелый, не мог смириться с тем, что Ассамблея, голосовавшая за Декларацию прав человека и признавшая гражданство для евреев юго-запада, ускользала при явной противоречивости, от того, чтобы дать права гражданства также и евреям востока. Но соображения скорее политические, усиливали эти юридические мотивы. Законы, за которые голосовали в течении лета 1791 г. существенно усилили требования нужного состояния для того, чтобы получить звание выборщика второй степени¹. И с этой поры, принимая во внимание нищенские условия существования огромного большинства евреев востока, только редкие нотабли могли бы принимать участие в назначении депутатов, функционеров и судей. De facto эмансипация сливалась с понятием ассимиляции. Морально эмансипация больше не представляла собой политических помех.

Возможный мотив, более тайный, вдохновил дю Пору и его друзей. Чуть раньше вновь были открыты дебаты о положении колоний. Плантаторы и их союзники никогда бы не приняли либеральный декрет от 15 мая 1791 г. Но поскольку Барнав и Ламет вместе с дю Пором вели за собой парламентское большинство, момент казался благоприятным для того, чтобы провозгласить этот декрет и голосовать за закон, который обеспечит власть арендаторов. После долгих и страстных дебатов 23 и 24 сентября, вопреки оппозиции демократов — аббата Грегуара, Робеспьера, Петитона, — Ассамблея проголосовала за текст, возвращавший колониальным ассамблеям власть над положением несвободных лиц, над политическим положением цветных людей и свободных негров. На деле это означало, что они отданы во власть арендаторов. И на завтра после эмансипации евреев, 28 сентября, Ассамблея издает декрет о том, что любое лицо, проживающее на территории Франции, является свободным, к какому бы роду и племени оно ни принадлежало. Победа колониальной группы была признана. Комитет

Массиака взял верх над друзьями. Два года спустя после того, как было провозглашено, что все люди рождаются свободными и равными в правах, Ассамблея склоняет голову перед плантаторами и их союзниками в Метрополии. Она узаконивает рабство — это полнейшее отрицание прав человека, — и бросает цветных людей во власть колонистов. Подобная идеологическая капитуляция, подобное отступление от своих идеалов людей, которые квалифицировали Декларацию, как «Национальный катехизис», в душах лучших из них, звучал призыв к своего рода моральной компенсации. И вот, в момент, когда они расходились, они жертвуют черными, но по крайней мере освобождают евреев.

Аббат Грегуар, который столько сражался за тех и за других, с равным пылом и равным благородством, мог ли он в этот день — 27 сентября 1791 г. чувствовать себя удовлетворенным? Часть человечества, самая страдающая, оставалась в цепях в тот самый момент, когда евреи увидели, что их цепи пали, но это потому, что они были ближе — они были белыми.

1. Система Цензитария Конституции 1791 г. учредила несколько классов активных граждан. Они, образуя первичные ассамблеи платили прямую контрибуцию в размере оплаты трехдневного труда. Они назначали избирателей второй ступени, которые образовывали избирательные ассамблеи, назначающие голосованием всех функционеров, судей, депутатов.